

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 4. История

Санкт-Петербург
2012

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 4) 2012
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Вереминко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2012
© Авторы, 2012

Содержание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В. В. Волков

Нивелировка цен на рабочие руки в аграрном секторе экономики России в конце XIX – начале XX в..... 7

А. А. Голубев

Тарифная политика на железных дорогах Российской Империи 19

Е. А. Бочков

Автомобиль и Красная армия..... 27

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. Д. Козлов, В. О. Левашко

Ввод советских войск в Прибалтику в оценках современников и свидетельствах очевидцев 38

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

К. В. Левшин

Экономические меры борьбы с дезертирством красноармейцев в годы Гражданской войны на Северо-Западе России..... 48

О. В. Козлов

Тактические десанты Ладужской военной флотилии в июле 1941 г..... 58

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

С. И. Митюшин

Зарождение паспортной системы в России 64

Н. А. Уварова

Государственная политика в сфере образования на Западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики..... 71

Т. В. Деркач (Егорова)

Проблемы образования, здравоохранения и инфраструктуры в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. 78

С. В. Зайцева

Усыновление незаконнорожденных детей в России в конце XIX – начале XX в. 85

О. И. Тихомиров

Проблема местничества в России в 1918–1919 гг.:

Л. М. Каганович и Нижегородская партийная организация 93

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

М. С. Виноградов, М. В. Зеленов

Эволюция структуры и штатов Управления
по охране военных и государственных тайн в печати
при Горьковском облисполкоме (Обллит, 1953–1966 гг.) 100

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

М. Ю. Яковлева

Библиотеки Императорского Русского географического общества .. 107

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

О. О. Зайцева

Методы предотвращения трудовых конфликтов
на предприятиях Петрограда, Ленинграда в начале 1920-х гг.:
система оповещения о беспорядках,
контроль за поведением масс 114

М. С. Виноградов

Профессия цензор: подготовка и обучение кадров
в Горьковском Обллите в 1953–1966 гг. 124

ЭТНОГРАФИЯ

А. В. Большакова

Традиционные обязанности женщин в хозяйстве вепсов
во второй половине XIX – начале XX в. 131

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О. И. Тихомиров, М. В. Зеленов

Биография Л.М. Кагановича (1917–1941)
как предмет историко-политических исследований 142

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. Щепаньски

Новые российские исследования эпохи Николая I
(по материалам: Выскочков Л.В. «Император Николай I:
Человек и государь» (СПб., 2001) и «Николай I» (М., 2006)). 150

Сведения об авторах..... 163

Contents

ECONOMIC HISTORY

V. V. Volkov

The leveling of prices for labor in the agricultural sector
in Russia in the late XIX – early XX centuries 7

A. A. Golubev

The Tariff policy in rail transport of the Russian Empire 19

E. A. Bochkov

The Car and the Red Army..... 27

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

N. D. Kozlov, V. O. Levashko

The introduction of Soviet troops in the Baltic States in the
assessments of the contemporaries and the testimony of witnesses.. 38

MILITARY HISTORY

K. V. Levshin

Economic measures of struggle with desertion of the Red Army
in the years of the Civil War in the North-West of Russia 48

O. V. Kozlov

Tactical landings of the Ladoga military flotilla in July, 1941 58

RUSSIAN HISTORY PAGES

S. I. Mityushin

The passport system forming in Russia 64

N. A. Uvarova

The state policy in education on the Western outskirts of Russia
as part of the national policy in the late XIX – early XX centuries 71

T. V. Derkach (Yegorova)

Problems of education, medicine and infrastructure
in St. Petersburg and St. Petersburg Gubernia
in the early 20th century 78

S. V. Zaitceva

Adoption of illegitimate children in Russia in the late
19th – early 20th centuries 85

O. I. Tikhomirov

The problem of regionalism in Russia in 1918–1919:
LM Kaganovich, Nizhny Novgorod party organization 93

HISTORY OF STATE INSTITUTIONS

M. S. Vinogradov, M. V. Zelenov

Structure and states evolution of Office for Military
and State Secrets Protection in the Press at the Gorky Regional
Executive Committee (Obllit, 1953–1966 years)..... 100

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

M. Yu. Yakovleva

The libraries of the Russian Geographical Society 107

SOCIAL HISTORY

O. O. Zaitceva

Methods of prevention of labor conflicts at the enterprises
of Petrograd, Leningrad at the beginning of 1920th: system of
notification about disturbances, control after behavior of the masses . 114

M. S. Vinogradov

Censor profession: training and education in Gorky Oblit
in 1953–1966 years 124

ETHNOGRAPHY

A. V. Bolshakova

Traditional women's duties in a veps' economy
in the second half of XIX – the beginning of XX-th century 131

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

O. I. Tikhomirov, M. V. Zelenov

Biography of L. M. Kaganovich (1917–1941)
as an object of historical and political studies 142

SUMMARY AND REVIEW

E. Schepanski

The new Russian studies of the epoch of Nicholas I
(In connection with the reading of the works, L.V. Vyskochkova:
"Emperor Nicholas I: Man and tsar" (Saint-Petersburg., 2001)
and "Nicholas I" (M., 2006)..... 150

About authors 163

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 338(09)(47+57) «1801/1917»:631.153.4:331.215.562

В. В. Волков

Нивелировка цен на рабочие руки в аграрном секторе экономики России в конце XIX – начале XX в.

В статье рассматривается один из критериев становления рынка труда в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX в. – нивелировка цен на рабочие руки. На основе анализа разнообразных статистических источников делается вывод о неразвитом характере сельскохозяйственного рынка труда.

This article deals with one of the criteria for the labour market formation in Russian agriculture in the late XIX – early XX century – the working hands prices levelling. Basing on the analysis of various statistical sources, it concludes that the agricultural labour market was of undeveloped nature.

Ключевые слова: нивелировка цен на рабочие руки, рынок труда, поденная плата, конный работник, пеший работник, межрайонные колебания, межгубернские колебания.

Key words: working hands prices levelling, labour market, payment by the day, mounted worker, foot worker, inter-district fluctuations, inter-province fluctuations.

Изучение функционирования рыночных механизмов в сфере трудовых отношений дает возможность по-новому взглянуть на стадийный уровень развития сельского хозяйства России конца XIX – начала XX в. И здесь наиболее сложной проблемой является выбор методики исследования, адекватной его целям и задачам, а также имеющимся источникам по теме. На сегодняшний день такая методика находится лишь в стадии разработки. Единственным историком, определившим четкие критерии «степени развития единого национального, или общегосударственного, рынка на тот или иной производственный или потребительский товар» [1, с. 203], был И.Д. Ковальченко. Одним из важнейших показателей развитости рынка им (вслед за Б.Н. Мироновым) [3, с. 180–188; 4, с. 60–62]) была названа *нивелировка цен*, т. е. процесс сближения цен между их самыми низкими и самыми высокими значениями, что вполне соответствует логике тяготения различных рыночных структур к рынку

совершенной конкуренции. Обозначив этот критерий и используя его в своих работах, И.Д. Ковальченко, однако, не провел его глубокий экономический и исторический анализ. Именно поэтому возникает настоятельная потребность осуществить, прежде всего, историческую часть данного анализа на примере развития рынка труда поденных сельскохозяйственных рабочих России конца XIX – начала XX вв.

Выбор этой категории работников не случаен, так как по их зарплате имеются наиболее показательные и полные данные, содержащиеся в сборниках статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, в сельскохозяйственных и статистических сведениях по материалам, полученным от хозяев, и в материалах «Комиссии Центра» [2, 5, 6, 7, 8, 9].

Начнем с *конного работника*.

В 1913 г. Центрально-земледельческом районе поденная плата конного рабочего (на своих харчах) составляла: а) в период весеннего сева – 146 коп., б) во время сенокоса – 163 коп., в) во время уборки хлебов – 184 коп. Соответственно – в Средневолжском: 138, 157, 179; в Нижневолжском: 138, 157, 212; в Новороссийском: 236, 259, 306; в Юго-Западном: 187, 205, 252; в Малороссийском: 173, 192, 220; в Промышленном: 184, 206, 203; в Белорусском: 165, 182, 194; в Приуральском: 140, 145, 165; в Северном: 187, 197, 150; в Приозерном: 177, 190, 196; в Литовском: 178, 208, 225; в Прибалтийском: 232, 252, 247 [5, с. 526]. Разница между самым низким уровнем цен и самым высоким составила, %: а) 71, б) 78, в) 104. Эти данные по межрегиональной разнице цен на рабочие руки интересно сравнить со значениями колебаний межгубернских цен, ибо использование только районных усредненных показателей затушевывает истинное состояние процесса формирования единого аграрного рынка рабочей силы. В этом случае в 1913 г. в заработной плате конного работника колебания между крайними губернскими значениями составляли: а) 133,3 % (Курляндская губ. – 280 коп., Казанская губ. – 120 коп.); б) 175 % (Таврическая губ. – 330 коп., Казанская губ. – 120 коп.); в) 188 % (Таврическая губ. – 360 коп., Уфимская губ. – 125 коп.).

Используя вышеприведенный исследовательский подход, рассмотрим, насколько это возможно, динамику нивелировки цен на рабочие руки поденного конного работника с 1882 по 1913 г. В связи с отсутствием в источниках данных по равномерным периодам, используем периоды более-менее сопоставимые: два трехлетних (1889–1891 гг. и 1911–1913 гг.) и три пятилетних (1882–1886 гг.,

1901–1905 гг., 1906–1910 гг.). При этом данные за 1913 г. будут носить не расчетный, а лишь иллюстративный характер.

Итак, в 1882–1886 гг. в заработной плате конного работника колебания между крайними значениями по районам составляли: а) 39,5 % (Южный степной район – 120 коп, Северный черноземный – 86 коп.); б) 50 % (Прибалтийский – 141 коп., Восточный и Юго-Восточный – 94 коп.); в) 70 % (Южный степной – 177 коп., Средне-Волжский – 104 коп.). В этот же период колебания между крайними губернскими значениями составляли: а) 79,7 % (Санкт-Петербургская губ. – 133 коп., Пензенская губ. – 74 коп.); б) 88,2 % (Бессарабская губ. – 160 коп., Волынская губ. – 85 коп.); в) 119,7 % (Таврическая губ. – 200 коп., Уфимская губ. – 91 коп.) [8, с. 66–67].

В 1889–1891 гг. межрайонные колебания в цене рабочей силы поденного конного работника в среднем по всем трем видам работ были равны 139,2 % (Новороссийский район – 148,6 коп., Нижне-волжский – 62,1 коп.), межгубернские – 167,6 % (Таврическая губ. – 174 коп., Пензенская губ. – 65 коп.) [9, с. 156].

В 1901–1905 гг. в заработной плате конного работника колебания между крайними значениями составляли: а) 63,7 % (Новороссийский район – 167 коп, Приуральский – 102 коп.); б) 77,6 % (Новороссийский – 183 коп., Приуральский – 103 коп.); в) 102,8 % (Новороссийский – 211 коп., Приуральский – 104 коп.). Колебания между крайними губернскими значениями составляли: а) 126 % (Таврическая губ. – 199 коп., Казанская губ. – 88 коп.); б) 172 % (Таврическая губ. – 253 коп., Казанская губ. – 93 коп.); в) 177 % (Таврическая губ. – 264 коп., Казанская губ. – 95 коп.) [5, с. 526].

В 1906–1910 гг. в заработной плате конного работника колебания между крайними значениями составляли: а) 79 % (Новороссийский район – 215 коп, Средне-Волжский – 120 коп.); б) 62,4 % (Новороссийский – 203 коп., Приуральский – 125 коп.); в) 109,5 % (Новороссийский – 264 коп., Приуральский – 126 коп.). В это же пятилетие колебания между крайними губернскими значениями составляли: а) 189,4 % (Таврическая губ. – 301 коп, Казанская губ. – 104 коп.); б) 134,9 % (Екатеринославская губ. – 249 коп., Казанская губ. – 106 коп.); в) 215 % (Таврическая губ. – 315 коп., Казанская губ. – 100 коп. [5, с. 526].

В 1911–1913 гг. межрайонные колебания в заработной плате конного работника были равны: а) 87,4 %; б) 88,8 %; в) 122,4 %, межгубернские: а) 170,8 %; б) 173,4 %; в) 213,2 %. [5, с. 526].

Обобщим все сведения о поденной плате конного сельского работника (табл. 1; рис. 1, 2).

Таблица 1

Межгубернские и межрайонные колебания поденной платы конного работника, %

	1882–1886	1889–1891	1901–1905	1906–1910	1911–1913	1913
Межрайонные колебания цен	39,5	Данных нет	63,7	79	87,4	71
	50	Данных нет	77,6	62,4	88,8	78
	70	Данных нет	102,8	109,5	122,4	104
Среднее значение	53,3	139,2	81,4	83,6	99,5	84,3
Межгубернские колебания цен	79,7	Данных нет	126	189,4	170,8	133
	88,2	Данных нет	172	134,9	173,4	175
	119,7	Данных нет	177	215	213,2	188
Среднее значение	95,8	167,6	158,3	179,7	185,8	165,3

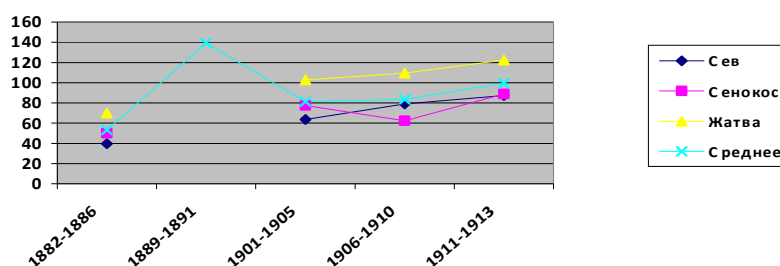

Рис. 1. Межрайонные колебания поденной платы конного работника

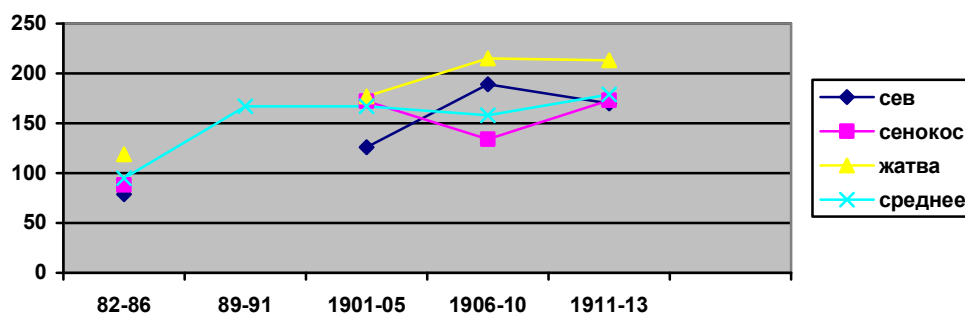

Рис. 2. Межгубернские колебания поденной платы конного работника

Итак, анализ цен на рабочие руки конного работника, их межрайонного и межгубернского колебаний за период с 1882–1886 гг. по 1913 г. дает возможность увидеть, во-первых, что межгубернские колебания цен превышают межрайонные почти в два раза, что более адекватно выявляет тенденции рыночной нивелировки цен, во-вторых, и межрайонные, и межгубернские колебания цен изменялись по одной и той же закономерности: резкий скачок в разбросе цен в начале 1890 гг. и их волновая стабилизация на достигнутом высоком уровне в начале XX в., что свидетельствует о господстве тенденции разрушения данного рынка.

Исследуем теперь колебания поденной платы пешим работникам на своих харчах с 1882 г. по 1913 г.: А – во время весенних полевых работ; Б – во время уборки хлебов; В – во время сенокоса. Для этого обратимся к материалам «Комиссии центра» [2, с. 238–242] и к Сборнику статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств [5, с. 516–526; 6, с. 404–409; 7, с. 3–6] (табл. 2, 3; рис. 3–6).

Таблица 2

Колебания поденной платы пеших работников на своих харчах (крайние значения), коп.

Годы	Колебания					
	Мжр. А.	Мжг. А.	Мжр. Б.	Мжг. Б.	Мжр. В.	Мжг. В.
1882	Малорос. – 30 Прибалт. – 60	Полт. – 30 Архангел. – 70	Сев.-Зап. – 50 Прибалт. – 90	Могилев. – 50 Таврич. – 100	Юго-Зап. – 52 Северный – 76	Минская – 45 Олонец. – 95
1883	Юго-Зап. – 34 Прибалт. – 60	Волынская – 32 Архангел. – 71	Сев.-Зап. – 53 Прибалт. – 133	Уфимская – 50 Таврич. – 170	Сев.-Вост. – 55 Новорос. – 101	Волынск. – 49 Бессараб. – 115
1884	Юго-Зап. – 33 Северный – 60	Волынская 30 Архангел. – 74	Сев.-Вост. – 50 Прибалт. – 119	Гродненс. – 40 Екатерин. – 170	Сев.-Вост. – 50 Новорос. – 78	Волынск.41 СПб – 95
1885	Малорос. – 33 Прибалт. – 60	Полтавская – 30 Архангел. – 66	Сев.-Зап. – 48 Прибалт. – 78	Гродненс. – 45 Таврич. – 110	Среднезем. – 49 Северный – 71	Гродненс. – 40 Бессараб. – 95
1886	Ср.земл. – 32 Прибалт. – 58	Пензенская – 30 Архангел. – 75	Сев.-Зап. – 46 Новорос. – 94	Вятская – 40 Таврич. – 120	Юго-Зап. – 43 Северный – 70	Гродненс. – 38 Таврич. – 95
1882-1886	Юго-Зап. – 34 Прибалт. – 59	Гродненская – 30 Архангельс. – 71	Сев.-Зап. – 50 Новорос. – 103	Гродненская – 43 Таврич. – 122	Юго-Зап. – 52 Новорос. – 74	Гродненская – 44 Таврич. – 87

Продолжение табл. 2

1887	Юго-Зап. – 29 Прибалт. – 54	Киевская – 25 Архангел. – 62	Сев.-Вост. – 45 Новорос. – 88	Вятская – 40 Екатерин. – 100	Юго-Зап. – 43 Северный – 68	Подольск. – 40 Архангел. – 80
1888	Юго-Зап. – 30 Прибалт. – 60	Гроднен- ская – 30 Архангел. – 65	Сев.-Вост. – 45 Новорос. – 232	Вятская – 40 Екатерин. – 280	Юго-Зап. – 45 Новорос. – 127	Подольск. – 40 Таврич. – 200
1889	Восточный – 30 Прибалт. – 54	Гроднен- ская – 30 Архангел. – 70	Сев.-Зап. – 47 Новорос. – 91	Вятская – 40 Таврич. – 110	Вост. – 42 Прибалт. – 72	Гродненс. – 40 СПб – 80
1890	Малорос. – 30 Прибалт. – 57	Гроднен- ская – 25 Архангел. – 70	Сев.-Вост. – 45 Новорос. – 89	Вятская – 40 Екатерин. – 85	Вост. – 43 Северный – 68	Гродненс. – 35 Бессараб. – 85
1891	Восточный 28 – Прибалт. – 56	Пензенская – 25 Архангел. – 55	Сев.-Вост. – 38 Новорос. – 76	Пензенск. – 30 Екатерин. – 90	Ср.Привол. – 37 Прибалт. – 67	Казанская – 30 Вологодс. – 80
1887- 1891	Юго-Зап. – 30 Прибалт. – 56	Гроднен- ская – 27 Архангел. – 64	Сев.-Вост. – 44 Новорос. – 115	Вятская – 39 Екатерин. – 127	Восточный – 44 Новорос. – 73	Гроднен- ская – 39 Тавриче- ская – 89
1892	Малорос. – 30 Прибалт. – 54	Симбир- ская – 25 Влади- мирск. – 55	Сев.-Зап. – 46 Новорос. – 99	Пензенск. – 35 Екатерин. – 155	Юго-Зап. – 40 Прибалт. – 68	Орловск. – 35 Эстлянд. – 75
1893	Малорос. – 30 – Прибалт. – 57	Гроднен- ская – 30 Курляндск. – 60	Сев.-Зап. – 48 Новорос. – 163	Гродненс. – 45 Екатерин. – 215	Вост. – 48 Новорос. – 84	Пензенск. – 40 Таврич. – 110
1894	Юго-Зап. – 38 Прибалт. – 55	Гроднен- ская – 30 Архангел. – 63	Сев.-Зап. – 48 Новорос. – 100	Гродненс. – 45 Екатерин. – 120	Сев.-Зап. – 49 Новорос. – 76	Гродненс. – 40 Таврич. – 90
1895	Юго-Зап. – 33 Прибалт. – 57	Гроднен- ская – 30 Архангел. – 62	Сев.-Зап. – 44 Новорос. – 88	Гродненс. – 35 Екатерин. – 100	Юго-Зап. – 40 Ср.пром. – 70	Подольск. – 35 Владим. – 80
1896	Юго-Зап. – 32 Прибалт. – 57	Гроднен- ская – 30 Архангел. – 64	Сев.-Зап. – 48 Новорос. – 71	Гродненс. – 45 Екатерин. – 90	Юго-Зап. – 42 Северный – 73	Волынск. – 40 Олонец. – 90
1892- 1896	Юго-Зап. – 32 Прибалт. – 56	Гроднен- ская – 29 Архангел. – 60	Сев.-Зап. – 47 Новорос. – 104	Гроднен- ская – 42 Екатерин. – 136	Юго-Зап. – 44 Новорос. – 69	Гроднен- ская – 41 Таврич. – 84
1897	Юго-Зап. – 33 Сев. – 59	Волынская – 30 Архангел. – 71	Сев.-Зап. – 46 Новорос. – 83	Казанская – 40 Екатерин. – 105	Юго-Зап. – 47 Ср. пром. – 77	Уфимская – 40 Владим. – 100

Продолжение табл. 2

1898	Юго-Зап. – 33 Прибалт. – 67	Волынская – 30 Архангел. – 70	Ср.-Прив. – 48. Новорос. – 105	Казанская – 39 Екатерин. – 136	Юго-Зап. – 42 Ср.пром. – 79	Волынск. – 40 Владим. – 100
1899	Юго-Зап. – 33 Прибалт. – 70	Волынская – 35 Архангел. – 76	Юго-Зап. – 52 Прибалт. – 74	Гродненс. – 45 Екатерин. – 90	Юго-Зап. – 47 Ср.пром. – 83	Гродненс. – 40 Владим. – 105
1900	Юго-Зап. – 33 Прибалт. – 77	Волынская – 35 Курляндск. – 80	Юго-Зап. – 50 СЗГСП – 81	Гродненс. – 45 Екатерин. – 90	Юго-Зап. – 43 Ср.пром. – 87	Подольск. – 35 Владим. – 110
1897-1900	Юго-Зап. – 34 Прибалт. – 69	Гродненск. – 31,2 Архангел. – 73,7	Сев.-Зап. – 51 Новорос. – 81	Гродненская – 43 Екатерин. – 105	Юго-Зап. – 44,7 Ср.пром. – 81,5	Подольская – 40 Владимир. – 103,7
1901	Юго-Зап. – 37 Прибалт. – 75	Волынская – 35 Архангел. – 85	Данных нет	Данных нет	Юго-Зап. – 52 Ср.пром. – 86	Волынская – 45 Владимир. – 105
1902	Юго-Зап. – 36,6 Прибалт. – 71,6	Подольская – 35 Астраханс. – 80	Литовский – 55 Новорос. – 96	Казанская – 45 Донская – 110	Юго-Зап. – 48,3 Промышл. – 90,8	Волынская – 40 Владимир. – 105
1903	Юго-Зап. – 38,3 Сев. – 77,5	Подольская – 35 Архангел. – 100	Приурал. – 57,5 Новорос. – 134	Казанская – 55 Херсонская – 180	Юго-Зап. – 55 Новорос. – 122	Подольск. – 50 Донская – 115
1904	Юго-Зап. – 35 Северный – 77,5	Пензенская – 35 Таврическая – 75	Юго-Зап. – 50 Новорос. – 98,5	Подольская – 45 Екатерин. – 125	Юго-Зап. – 43,3 Новорос. – 95	Подольск. – 35 Таврич. – 105
1905	Юго-Зап. – 38,3 Прибалт. – 73,3	Подольская – 35 Курляндск. – 80	Белорус. – 60 Новорос. – 106	Орловская – 50 Екатерин. – 145	Юго-Зап. – 60 Новорос. – 94	Пензенская – 50 Екатерин. – 120
1901-1905	Юго-Зап. – 37 Прибалт. – 74	Подольская – 35 Архангел. – 98	Литовский – 55 Новорос. – 104	Гродненская – 48 Екатерин. – 115	Юго-Зап. – 52 Промышл. – 90	Пензенская – 43 Таврич. – 121
1906	Юго-Зап. – 46,6 Пром. – 74,1	Подольская – 45 Таврическая – 85	Ср.волж. – 58,3 Новорос. – 124	Казанская – 45 Екатерин. – 125	Ср.волж. – 69,1 Новорос. – 123	Казанская – 55 Владимир. – 130
1907	Юго-Зап. – 43,3 Прибалт. – 78,3	Пензенская – 40 Курляндск. – 85	Юго-Зап. – 60 Новорос. – 113	Казанская – 55 Донская – 130	Юго-Зап. – 60 Новорос. – 114	Тамбовск. – 55 Екатерин. – 115
1908	Юго-Зап. – 36,6 Прибалт. – 86,6	Киевская – 35 Курляндск. – 100	Юго-Зап. – 55 Новорос. – 90	Подольская – 50 Екатерин. – 110	Юго-Зап. – 45 Северный – 100	Киевская – 45 Владимир. – 130

Продолжение табл. 2

1909	Юго-Зап. – 38,3 Прибалт. – 70	Подольская – 35 Курляндск. – 95	Юго-Зап. – 50 Новорос. – 122	Подольская – 55 Донская – 170	Юго-Зап. – 43,3 Северный – 95	Подольск. – 45 Владимир. – 120
1910	Юго-Зап. – 38 Прибалт. – 93	Подольская – 35 Курляндск. – 100	Юго-Зап. – 65 Новорос. – 125	Волынская – 55 Екатерин. – 140	Юго-Зап. – 57 Прибалт. – 103	Подольск. – 50 Екатерин. – 125
1906-1910	Юго-Зап. – 41 Прибалт. – 64	Киевская – 39 Архангел. – 105	Юго-Зап. – 63 Новорос. – 16	Казанская – 54 Донская – 134	Юго-Зап. – 57 Промышл. – 97	Казанская – 51 Владимир. – 120
1911	Юго-Зап. – 45 Прибалт. – 98	Подольская – 45 Курляндск. – 110	Ниж.волж. – 55 Новорос. – 116	Казанская – 45 Екатерин. – 130	Юго-Зап. – 65 Новорос. – 114	Казанская – 60 Таврич. – 130
1912	Юго-Зап. – 55 Прибалт. – 108	Казанская – 45 Курляндск. – 115	Приурал. – 73 Новорос. – 128	Казанская – 65 Екатерин. – 140	Юго-Зап. – 70 Прибалт. – 128	Волынская – 65 Курляндск. – 135
1913	Юго-Зап. – 53 Прибалт. – 117	Подольская – 50 Курляндск. – 130	Юго-Зап. – 138 Новорос. – 87	Подольск. – 60 Донская – 175	Юго-Зап. – 72 Прибалт. – 133	Подольск. – 60 Владимир. – 150
1911-1913	Юго-Зап. – 51 Прибалт. – 107,6	Подольская – 50 Курляндск. – 118,3	Приурал. – 76 Новорос. – 127,3	Казанская – 61,6 Донская – 140	Юго-Зап. – 69 Прибалт. – 125	Подольск. – 65 Владимир. – 136,6

Таблица 3

Колебания поденной платы пеших работников на своих харча, %

Годы	А		Б		В		Среднее	
	Меж-район. колебания	Межгуб. колебания	Меж-район. колебания	Межгуб. колебания	Меж-район. колебания	Меж-губ. колебания	Меж-район. колебания	Меж-губ. колебания
1882	100	133,3	80	100	46,1	111,1	75,3	114,8
1883	76,4	121,8	150,9	240	83,6	134,6	103,6	165,4
1884	81,8	146,6	138	325	56	131,7	91,9	201,1
1885	81,8	120	62,5	144,4	44,8	137,5	63	133,9
1886	81,2	150	104,3	200	62,7	150	82,7	166,6
1882–1886 (САК)	84,2	134,3	107,1	201,8	58,6	132,9	83,3	156,3
1882–1886 (СК. по ср.ц.)	73,5	136,6	106	183,7	42,3	97,7	73,9	139,3
1887	86,2	148	95,5	150	58,1	100	79,9	132,6
1888	100	116,6	415,5	600	82,2	400	232,5	372,2

Продолжение табл. 3

1889	80	133,3	93,6	175	71,4	100	81,6	136,1
1890	90	180	97,7	112,5	58,1	142,8	81,9	145,1
1891	100	120	100	200	81	66,6	93,6	162,2
1887– 1891 (САК)	91,2	139,5	160,4	247,5	90,1	181,8	113,9	189,6
1887– 1891 (СК по ср. ц.)	86,6	137	161,3	225,6	65,9	128,2	104,6	163,6
1892	80	120	115,2	2342,8	70	114,2	88,4	192,3
1893	90	100	239,5	377,7	75	175	134,8	217,5
1894	66,6	110	108,3	166,6	55,1	125	76,6	133,8
1895	72,7	106,6	100	185,7	75	128,5	82,5	140,2
1896	78,1	113,3	47,9	100	73,8	125	66,6	112,7
1892– 1896 (САК)	77,4	109,9	122,1	234,5	69,7	132,5	89,7	158,9
1892– 1896 (СК по ср. ц.)	75	106,8	121,2	223,8	56,8	104,8	84,3	145,1
1897	78,7	136,6	80,4	162,5	63,8	150	74,3	149,7
1898	103	133,3	118,7	248,7	88	150	103,2	177,3
1899	112,1	153,3	42,3	100	76,5	162,5	76,9	138,6
1900	133,3	128,5	62	100	102,3	214,2	99,2	147,5
1897– 1900 (САК)	106,7	137,9	75,8	152,8	82,6	169,1	88,3	153,2
1897– 1900 (СК по ср. ц.)	101	136,2	58,8	144,1	82,3	159,2	80,7	147
1901	102,7	142,8	-	-	65,3	133,3	84	138
1902	95,6	128,5	74,5	144,4	87,9	162,5	86	145,1
1903	102,3	185,7	133	227,2	118,1	130	117,8	180,9
1904	121,4	114,2	97	177,7	119,3	200	112,5	163,9
1905	91,3	128,5	76,6	190	56,6	40	74,8	152,8
1901– 1905 (САК)	102,6	139,9	95,2	184,8	89,4	153,1	95,7	159,2
1901– 1905 (СК по ср.ц.)	100	180	89	139,5	73	181,3	87,3	166,9
1906	59	88,8	112	177,7	78	163,3	83	143,2
1907	80,8	112,5	88,3	136,3	90	109	86,3	119,2
1908	136,6	85,7	72,27	120	122,2	188,8	110,3	164,8
1909	82,7	171,4	144	209	119,3	166,6	115,3	182,3
1910	144,7	85,7	92,3	154,5	80,7	150	105,9	163,4
1906– 1910 (САК)	100,7	148,8	101,8	159,5	98	155,5	100,1	154,6

Продолжение табл. 3

1906–1910 (СК по ср.ц.)	104,8	169,2	84,1	148,1	70,1	135,2	86,3	150,8
1911	117,7	144,4	110,9	188,8	75,3	160	101,3	164,4
1912	96,3	155,5	75,3	115,3	82,8	250	84,8	173,6
1913	120,7	160	58,6	107,3	84,7	150	88	139,1
1911–1913 (САК)	111,5	153,3	81,6	137,1	80,9	186,6	91,3	159
1911–1913 (СК по ср.ц.)	110,9	136,6	67,5	127,2	81,1	110,1	86,5	124,6

Примечание. САК – среднее арифметическое колебаний цены, которое получается при сложении колебаний цен за каждый год пятилетия и делении на пять; СК – средние колебания, полученные при работе со средними за пятилетие ценами (СЦ).

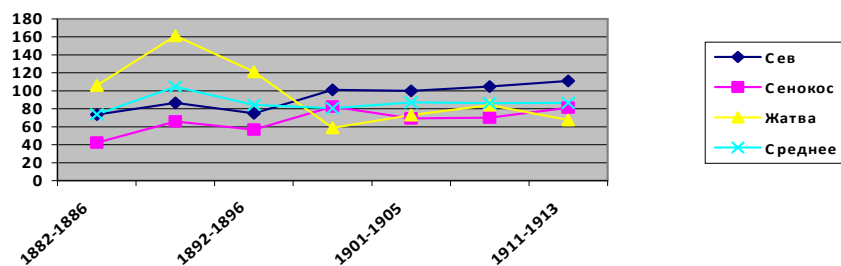

Рис. 3. Межрайонные колебания поденной платы пешего работника по средней цене за пятилетие

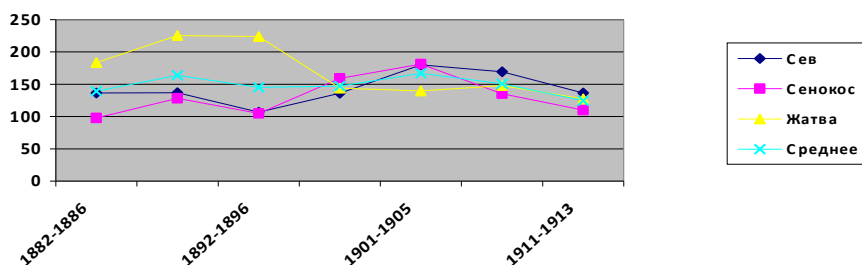

Рис. 4. Межгубернские колебания поденной платы пешего работника по средней цене за пятилетие

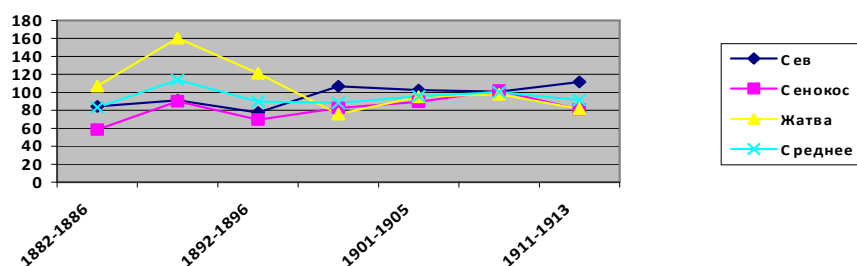

Рис. 5. Межрайонные колебания средней поденной платы пешего работника по пятилетиям

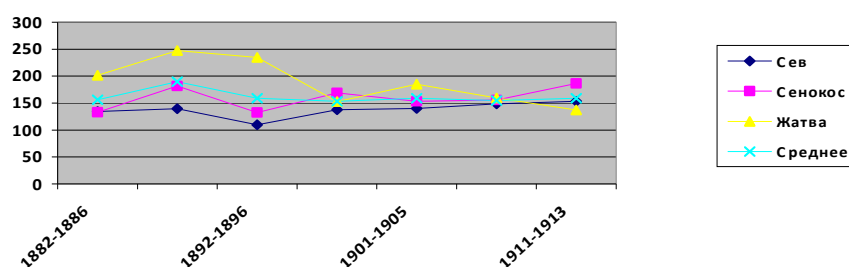

Рис. 6. Межгубернские колебания средней поденной платы пешего работника по пятилетиям

Изучение колебаний цен нескольких видов сельскохозяйственных работ пеших поденных работников дает основание сделать следующие выводы.

1. Межрайонные колебания поденной платы пешего работника и по средней цене (СЦ) при севе и на сенокосе, и по средним арифметическим колебаниям цены (САК) по пятилетиям (трех- и четырехлетиям) за те же работы, пройдя за 30 лет волнообразные трансформации, немного увеличились. Такие же межгубернские колебания по СЦ остались на прежнем высоком уровне, по САК – немного возросли.

2. И межрайонные, и межгубернские колебания поденной платы пешего работника на жатве хлебов по СЦ и по САК развивались по одной и той же закономерности: резкий всплеск в 1880–1890-х гг. и стабилизация к началу XX в. на уровне ниже изначального примерно на 45 %.

3. Средняя величина и межрайонных, и межгубернских колебаний по всем видам работ и для СЦ, и для САК оставалась постоянной в течение 30 лет.

4. Все это говорит о том, что в целом, исходя из показателя нивелировки цен, рынок труда поденных работников не развивался. Лишь колебания цен на жатве показали некоторую прогрессивную динамику в самом конце XIX в. Однако и они, достигнув определенного уровня, прекратили свое развитие.

Таким образом, тенденция нивелировки цен на рабочие руки в аграрном секторе России конца XIX – начала XX в. была крайне слабой. По этому критерию сферу трудовых отношений в сельском хозяйстве России можно определить как неразвитый слабоформирующийся рынок.

Список литературы

1. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – XX в. – М., 2004.

2. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. – СПб., 1903. – Ч. I.

3. Миронов Б.Н. О критерии единого национального рынка // Ежегод. по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. – Л., 1972. – С. 180–188.

4. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). – Л., 1985. – С. 60–62.

5. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – Пг., 1916.

6. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – СПб., 1910.

7. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. – СПб., 1908.

8. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. – СПб., 1892. – Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих, передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. – Таблица VI.

9. Статистика Российской империи. – СПб., 1897. – Вып. XL. Сборник сведений по России, 1896.

Тарифная политика на железных дорогах Российской Империи

В статье показаны принципы формирования тарифов, обосновываются их базовые научные положения. Тарифы на российских железных дорогах разрабатывались исходя из экономических, географических и региональных условий с учетом закона спроса и предложения и конкурентной борьбы. Введение и реализация единых государственных тарифов позволило обеспечить контроль над финансово-экономической деятельностью железнодорожных предприятий, повысить их рентабельность, увеличить доходность казны.

In this article, the principles of tariff, justified their basic scientific principles. Rates for the Russian railways were developed on the basis of economic, geographical and regional conditions, taking into account the law of supply and demand and competition. Writing and implementation of unified state tariffs helped to ensure control over the financial - economic activities of railway companies to improve profitability, increase revenue coffers.

Ключевые слова: тарифная политика, государственное регулирование тарифов, тарифная система, номенклатура грузов, рентабельность перевозок, дифференцированные тарифы, пассажиропоток.

Key words: tariff policy, state regulation of tariffs, tariff system, range of goods, profitability of traffic, differentiated tariffs, powered by powered by, volume of passenger traffic.

Тарифная политика – это политика государства, направленная на строгое соблюдение провозных тарифов на транспорте. Устанавливаемые тарифные коридоры для перевозки грузов и пассажиров на железнодорожном транспорте выражались в тарифах, которых обязаны были придерживаться как государственные, так и частные дороги. В процессе становления и развития железнодорожной сети тарифный вопрос был одним из важных в экономической жизни России. Первоначально единой унифицированной тарифной системы на российских железных дорогах не было. На каждой железной дороге существовали свои тарифные сетки, что создавало беспорядок в финансово-экономической деятельности. В июле 1862 г. Министерство путей сообщения утвердило общие для казенных железных дорог пассажирские и грузовые тарифы.

В конце 70-х гг. XIX в. государство начинает более активно приводить в порядок некоторые тарифы. Так, в 1879 г. был введен IV класс пассажирских перевозок с пониженным тарифом для пере-

мещения групп рабочих (такого порядка не было в других европейских странах). Одновременно вводился единый государственный сбор с пассажирских билетов в вагонах III класса – 15 %, II и I класса – 25 %, устанавливались льготы для обратной, круговой и сезонных поездок. В 1883 г. была введена единообразная номенклатура и определен алфавитный списочный перечень типов грузов [5, с. 52, 76]. Внедрение единой номенклатуры по перевозке грузов способствовало становлению и развитию тарифной системы российских железных дорог. С 1884 г. начался пересмотр тарифов на перевозку всей массы грузов, причем провозные платы на перевозку некоторых типов грузов, например хлеба, неоднократно изменялись.

Разработка тарифной политики в процессе развития железнодорожного транспорта в стране сопровождалась тарифной борьбой частных обществ и правительства. Обострилась борьба и по вопросу руководства тарифами между Министерством путей сообщения и финансов. Решающую роль в разрешении спора сыграл С.Ю. Витте. Он обосновал новый порядок государственного управления железными дорогами – разделение технологического и финансового управления. Министерство путей сообщения осуществляло техническую политику, управление строительством и эксплуатацией дорог, Министерство финансов, выражая государственные интересы, регулировало финансовую и тарифную политику. Введение единых государственных тарифов позволяло обеспечивать контроль над финансово-экономической деятельностью железных дорог.

В середине 80-х гг. XIX в., предлагая ввести жесткую тарифную политику государства на перевозки грузов и пассажиров, С.Ю. Витте учитывал конкуренцию, которая существовала как между различными видами транспорта, так и внутри каждого вида путей сообщения. В 80-х – 90-х гг. в условиях огосударствления железных дорог правительство проводило мероприятия по унификации рельсовых средств сообщения, вводило единые для всей страны правила хозяйствования. Потребовалось также создание единого железнодорожного законодательства и контроля над тарифной политикой. В 1889 г. были приняты «Временные правила относительно общих способов устранения соперничества дорог между собою по перевозке грузов». Затем они были продублированы в дополнении к «Общему Уставу Российских железных дорог» и в «Учреждении Министерства финансов». Эти правила регулировали установление равных и соразмерных тарифов в различных направлениях. Также указывалось на необходимость того, чтобы соперничавшие дороги собирали съезд. Его решения направлялись в Департамент железных дорог Министерства финансов, который их и утверждал.

На основании исследования видов конкуренции и их проявлений на железных дорогах С.Ю. Витте сформулировал основной

принцип железнодорожных тарифов: они должны регулироваться по ценам провоза, определяемым законом спроса и предложения. Рассматривая действие закона спроса и предложения применительно к железнодорожным тарифам, он не отрицал при этом необходимость государственного воздействия на них. С.Ю. Витте рассматривал экономику железных дорог в неразрывной связи с народным хозяйством в целом. Поэтому принципы формирования тарифов должны быть строго обоснованы и базироваться на научных положениях. Накопленный практический опыт в тарифном деле С.Ю. Витте осмыслил и обобщил в работе «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов». Это теоретическое исследование основано на глубоком анализе его собственной работы в качестве управляющего Юго-западными железными дорогами и практики частных железнодорожных компаний того времени. Книга представляет государственный подход к делу тарифного регулирования. Практические рекомендации, которыми завершается работа, предлагали механизм согласования частных и государственных интересов в развитии железнодорожного дела [2].

Налаживание и дальнейшее развитие тарифной системы на транспорте было одним из главных достижений эпохи. Это нашло отражение в подготовке тарифной реформы. Законодательно реформа была оформлена в 1889 г. В её разработке принимали участие Совет по тарифным делам, Тарифный комитет, Департамент железнодорожных дел Министерства финансов. С.Ю. Витте так определил главную задачу реформы: «Тарифы нужно составить по принципу – чтобы каждый товар заплатил всё, что он может заплатить» [2, с. 141]. Реализованная С.Ю. Витте система государственного регулирования тарифов позволила согласовывать интересы грузоотправителей, железных дорог и казны.

К началу XX в. в мировой практике сложились две системы установления тарифов. Первая – «историческая», при которой размер «взимаемой железнодорожной провозной платы, а также правила взимания этих плат» зависели от ценности груза (т. е. субъективно устанавливаемые какими-либо органами). Вторая – «натуральная», когда тариф зависел от скорости движения (большая – 300 вёрст в сутки, малая – 150), величины отправляемых грузов, рода подвижного состава (открытый, закрытый), а также товарно-пассажирская, экспресс-пассажирская.

В процессе реформирования тарифной системы в России была создана общая тарифная схема по классам и дифференцированная для разных групп товаров, в особенности для массовых грузов, с единообразными для всей железнодорожной сети классификацией номенклатур грузов и правилами их применения. Так, были установлены единые специальные тарифы для провоза хлеба, сахара,

мануфактуры, пеньки, пакли, соли, леса, керосина, каменного угля, железа. Стал применяться принцип дифференциальных тарифных ставок. С увеличением расстояния перевозки значительно, по отношению к грузам малой скорости, увеличивался тариф. Увеличение тарифов распространялось и на грузы большой и пассажирской скоростей, а также на пассажирское движение в целом. Особо были выделены тарифы для товаров внутреннего пользования и товаров на экспорт. Большое значение для упорядочивания перевозок имело устранение существовавших ранее на различных дорогах неясностей тарифной ставки расчётов, а также имевшее место неравенство в стоимости услуг железных дорог по отношению к отдельным производственным районам.

Модернизация России, создание монополистических объединений и появление новых тенденций в экономической и финансовой сферах обусловили государственное централизованное регулирование железнодорожных тарифов. В марте 1889 г. Император Александр III утвердил положение «О способах осуществления надзора за железнодорожными тарифами», по которому руководство тарифами возложили на Министерство финансов, а именно на Совет по тарифным делам, тарифный комитет и Департамент железных дорог. Создаваемые Министерством финансов тарифы утверждались Правительством. При разработке тарифов учитывались географические, экономические и региональные особенности каждой железной дороги. Тарифы устанавливались исходя из потребностей страны и с целью получения максимального дохода в государственный бюджет.

В Совет по тарифным делам входили: представители Министерств финансов, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ, императорского двора и уделов, государственного контроля, земледельческих и промышленных объединений, торговых и мануфактурных предприятий, горнозаводских объединений, а также частных железных дорог. Находящиеся в ведении Совета вопросы тарифной практики подразделялись на три группы. Первую составляли общие тарифные вопросы: правила их составления, публикации, введения в действие и отмена и т. д. Во вторую группу входили частные тарифные вопросы, поступавшие из правительственных органов. Третью составляли возражения железных дорог и съездов их представителей. [9, с. 145–146]. В разработке тарифной политики определенную роль играли общие тарифные съезды представителей российских железных дорог. Они решали такие вопросы, как упорядочение тарифов, выработка систем взаимных расчетов. Общие и частные съезды собирались по распоряжению министра финансов. Предложения, поступавшие от съездов представителей, направлялись на утверждение в Министерство финансов и, если

оно не имело возражений, через шесть недель тарифы вступали в силу [10, с. 242].

В Министерстве финансов вопросами реализации тарифов занимались два подразделения. Тарифный комитет решал такие стратегические проблемы, как возможное потребление отдельных видов сырья и продукции, а также частные вопросы, возбуждаемые правительственными учреждениями в отношении конкретных железных дорог. В Департаменте железных дорог сосредотачивалось ведение тарифных вопросов. В его компетенцию входили: делопроизводство Совета по тарифным делам и тарифного комитета; все дела по железнодорожной части, подлежащие ведению Министерства финансов; производство по сношениям с правительственными ведомствами, частными обществами, казенными железными дорогами, частными лицами; представления об изменениях в действующих тарифах; сбор сведений и данных по тарифному делу от дорог, разработка тарифных предложений; объявление дорогам распоряжений о новых тарифах; надзор за соблюдением тарифов; издание сборника тарифов, разрешение частных вопросов [9, с. 148–149]. Департамент имел право требовать от железных дорог всей тарифной документации. Через Департамент железные дороги предоставляли предложения о пересмотре тарифов, изменении тарифных расстояний и т. д.

Важным документом по внедрению тарифной политики являлся «Общий Устав Российских железных дорог» (утвержден 12 июня 1885 г.). Его разработка и введение в действие – одна из ярких страниц борьбы государственных ведомств за контроль над тарифами на железных дорогах. Принятие Общего Устава железных дорог страны помогло окончательно решить вопрос о введении обязательных для всех магистралей тарифов. Он обеспечивал взаимоотношения дорог с заказчиками по перевозке грузов и пассажиров. В соответствии с Уставом железные дороги осуществляли перевозку грузов и пассажиров независимо от формы собственности, при этом железнодорожные предприятия обязаны были неукоснительно следовать всем тарифным положениям Устава. Даже суд не вправе был определять и изменять размер провозной платы [1, с. 1, 7, 20, 39].

В соответствии с Общим Уставом железным дорогам надлежало организовать перевозку грузов в зависимости от существовавших в стране в данное время естественных экономических условий, а также особенностей, таких как географическое положение, геополитическая ситуация, происхождение массовых грузов, наличие рынков их сбыта, рыночная конъюнктура и др. Утверждалось положение о перевозках прямого сообщения по разным дорогам по единым билетам, выданным станцией на весь путь следования в соответствии

с тарифами. Ряд статей запрещал рефракцию, т. е. предоставление грузоотправителям уступок в тарифах или других исключительных преимуществ. Особые обязанности возлагались на железные дороги при перемещении войск и арестантов. Тарифные правила, изложенные в Общем Уставе, в обязательном порядке вводились в учредительные документы железных дорог. Железнодорожные акционерные компании имели в Уставах обществ разделы по установлению провозных тарифов в соответствии с общими правилами о железнодорожных тарифах. Кроме этого, они должны были руководствоваться принятыми дополнениями к ст. 924 Правил о платах за перевозку по тарифу, утвержденных в 1902 г. [12].

Утвержденные тарифные правила устанавливали дополнительные сборы на такие работы, как таксировка, перевозка международных, длинномерных и массовых грузов, проверка и определение массы груза, загрузка, выгрузка, перегрузка, простой вагонов, хранение, занятие станционных земель, перевод наложенных платежей, составление уведомлений, копий телеграмм. Выделялась перевозка особых грузов (рассыпных, скоропортящихся, масел, винограда и др.). Проводились государственные и гербовые сборы с пассажирских, багажных, почтово-телеграфных сообщений. Регулировались также тарифные сборы за производство ссудной, складочной и комиссионной операций, хранение хлеба на элеваторах, перевозку арестантов, для которых предоставлялись специальные вагоны. Появилась возможность предварительного обсуждения тарифов. С этой целью созывались общие тарифные съезды представителей российских железных дорог. Был применен принцип распределения провозной платы между участвующими в перевозке отдельными дорогами пропорционально расстоянию, пройденному составом на каждой из них.

С расширением сети железных дорог, ростом грузопотоков и пассажиропотоков, с развитием рельсовой связи между регионами, а также на территории пролегания железнодорожных линий тарифы периодически пересматривались. Трудности в железнодорожном хозяйстве, возникшие в связи с экономическим кризисом 1900 г. и последовавшей за ним депрессией обусловили пересмотр тарифов в сторону их повышения в 1903 г. В 1905 г. Правительство приняло решение поддержать вновь строящиеся железные дороги. Среди прочих льгот им предоставлялись правительственные гарантии на использование в течение пяти лет с начала деятельности льготных тарифов с возмещением дополнительных расходов в денежном эквиваленте [13]. Так, этим правом пользовалось Общество Олонецкой железной дороги (1912–1917 гг.), которое получало из казны в возмещение связанных с введением твердых тарифов убытков разницу между обыкновенным коммерческим и льготным тарифом [7. Л. 17].

Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. усугубили тенденцию жесткого государственного регулирования железнодорожным делом, придав российской тарифной системе фискальный налоговый характер. К 1907 г. сложилась практика регулирования тарифов, исходя из экономических и региональных условий, что привело к тому, что в Общий Устав были внесены соответствующие дополнения [11]. В условиях экономического подъема с увеличением перемещения населения с 1908 г. тарифы были повышены. Плановое развитие железнодорожной сети и начало строительства новых линий обосновывалось на основе тарифных норм. С учетом тарифов просчитывался примерный доход проектируемой дороги. В определенной степени благодаря рациональной тарифной политике доходы железных дорог накануне Первой мировой войны составляли четвертую часть поступлений в государственный бюджет.

По мере совершенствования перевозок изменялись и пассажирские тарифы, определявшие цены на билеты. По первому тарифу 1857 г. устанавливалась дорогая стоимость поездки на дальнее расстояние, что делало такие поездки доступными только для богатых людей. В организации пассажирского движения и установлении тарифов выделялись две категории поездов: дальние и местные (с разновидностями пригородные и дачные). По скорости движения выделялись пассажирские и скорые, которые подразделялись на экспрессы («молнии»), курьерские и собственно скорые. В 1869 г. пассажирское сообщение было распределено на три группы (I группа – обыкновенные билеты, II и III группы – купонные книжки с отрывными билетами, по числу участков до станции назначения) [6. Л. 5]. Позднее устанавливались пониженные тарифы для круговых, сезонных, абонементных, переселенческих, рабочих поездок и для учащихся.

С развитием сети железных дорог и освоением новых территорий страны интенсивно росли и пассажирские перевозки. Если в 1880 г. их объем составил 3,1 млрд пассажиро-километров, то в 1890 г. – 3,8 млрд, в 1900 г. – 9,7 млрд [4, т. II, с. 472]. Этому способствовало введение в 90-х гг. XIX в. прогрессивно уменьшающегося вместе с расстоянием тарифа. Такая мера способствовала увеличению числа пассажиров и доходности пассажирских перевозок. За десятилетие (1891–1901) число пассажиров выросло в вагонах первого класса с 569 тыс. чел. до 1262 тыс.; второго класса – с 2872 до 10019 тыс.; третьего – с 37185 до 72968 тыс.; четвертого – до 5655 тыс. чел. В целом же следует отметить, что тарифы по пассажирским перевозкам не обеспечивали больших доходов. Так, чистый доход от пассажирских перевозок по всей сети дорог страны в 1913 г. составил 42,4 млн руб., в девять раз меньше, чем от грузового движения [3, с. XXVIII]. С одной тысячи пассажирове́рст в России

получали 8,58 руб. дохода, тогда как в Англии – 10,86 руб., в Австро-Венгрии – 12,91 руб., в Германии – 14,40 руб., во Франции – 15,80 руб., в США – 32,52 руб. [8, с. 7].

Тарифная политика российского Правительства на железных дорогах прошла длительный путь развития. Причем существенного отличия между казёнными и частными железными дорогами не было. Лишь географические, региональные и экономические особенности каждой из железных дорог делали стоимость перевозок на них, а значит и доходность, различными. Тарифная политика осуществлялась на основе нормативной базы, создававшейся Министерством финансов с учётом интересов государства, самих дорог, грузоотправителей и пассажиров. Введение монополии на железнодорожные тарифы было государственным механизмом финансового надзора за деятельностью казенных и частных дорог. К началу XX в. в России сложилась и функционировала система централизованного государственного управления железнодорожными тарифами.

Список литературы

1. Брюль Н.Л. Систематический сборник действующих на русских железных дорогах узаконений и распоряжений правительства, а также положений, правил, инструкций и соглашений, изданных и одобренных правительством. Ч. 1. – СПб., 1889.
2. Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. – СПб., 1910.
3. Железнодорожный транспорт в 1913 г.: статист. материалы. – М., 1925.
4. Малая советская энциклопедия. – М., 1934. Т. II.
5. Мартенс О. Тридцать лет (1882–1911 гг.) русской железнодорожной политике и её экономическое значение. – М., 1919.
6. РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 143.
7. РГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 33.
8. Салов В. В. Исследование финансовых результатов эксплуатации железных дорог в России. – СПб., 1908.
9. Сборник относящихся к железным дорогам узаконений и распоряжений. Ч. 2. Специальные узаконения. – Пг., 1915.
10. Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. I. Ч. 2. – СПб., 1906.
11. СЗРИ. Т. II. Ч. 1, 2. – СПб., 1906.
12. СЗРИ. Т. XII. Ч. 1. Ст. 18. – СПб., 1906.
13. СЗРИ. Т. XII. Ч. 1. Ст. 18, 22–31. – СПб., 1906.

Автомобиль и Красная армия

В статье на основе архивных документов и научных публикаций автор исследует состояние автомобильной промышленности в РСФСР в начале 1920-х гг., анализирует деятельность советского государства и военного ведомства по обеспечению Красной Армии автомобильной техникой.

On the basis of archival documents and scientific publications author examines the state of the automotive industry in the USSR in the early 1920s and analyzes activities of the Soviet state and military departments in equipment of the Red Army with vehicles.

Ключевые слова: Красная армия, Народный комиссариат по военным делам, Главное военно-инженерное управление, автомобиль, автомобильная промышленность, техническая оснащенность, автомобильный отряд, эксплуатация, перевозки, ремонт.

Key words: The Red Army, the People's Commissariat for Military Affairs, the Chief Military Engineer's Office, car, automotive, technical equipment, motor unit, maintenance, transportation, repair.

Состояние автомобильных войск Красной армии, как и состояние всей военной организации советского государства после окончания Гражданской войны, во многом определялось экономическими факторами. Отсутствие отечественной автомобильной промышленности обусловило тот факт, что в начале 1920-х гг. практически весь автомобильный парк России был представлен автомобилями иностранного производства. По данным В.И. Матвеевко, до 1917 г. в Россию было импортировано около 45 тыс. машин, в то время как внутри страны произведено не более 5 тыс. автомобилей [5, с. 18]. Архивные документы, обнаруженные автором в фондах РГАЭ, позволяют уточнить эту цифру. По сведениям Комитета по де- и мобилизации промышленности при Президиуме ВСНХ (КДМ), за период с 1901 по 1923 г. в Россию было завезено 42325 автомобилей и 22103 мотоцикла [12. Л. 67].

В исторической литературе приводятся различные сведения о количестве автомобилей в нашей стране в начале 1920-х гг. Одни источники приводят цифру 18125, другие – 17097, третьи – около 15000 автомобилей [5, с. 18–19]. При этом все авторы указывают на разномастность автомобильного парка России – свыше 800 моде-

лей и модификаций. Наиболее распространенными моделями (т. е., более 100 машин одной марки) в армии были: легковые – «Фиат», «Бенц», «Форд», «Рено»; грузовые – «Уайт», «Паккард», «Фиат», «Берлис», «Пилес», «Рено»; мотоциклы – «Санбим», «Индиан», «Харлей-Давидсон», «Клино», «Энфильд», «Стевенс» [13. Л. 106].

Почти половина автомобилей находилась в распоряжении военного ведомства. В 1920 г. автомобильный парк Красной армии насчитывал 7,5 тыс. автомобилей разных марок, в том числе 6,8 тыс. легковых, 3,5 тыс. грузовых и 1,2 тыс. специальных машин [1, с. 57]. Обилие различных моделей автомобилей создавало трудности в их эксплуатации. Значительная часть автомобильной техники была сильно изношена¹, а отсутствие запасных деталей не позволяло эксплуатировать автомобили по техническим причинам. Авторы монографии «Автомобильная техника. Автомобильные войска. Автомобильная служба» (М., 1982) считают, что в этот период количество исправных автомобилей в вооруженных силах было около 5 тыс. (66,7 % от общего количества) [1, с. 57]. Однако документы, обнаруженные автором в фондах РГВА, свидетельствуют, что эта цифра была значительно меньше. В отчете народного комиссара по военным и морским делам за 1922/23 год сообщается, что из 7014 автотранспортных средств, имеющих в Красной армии, на ходу находится лишь 3152 машины (45 %) [13. Л. 106].

Советской Республике пришлось практически заново создавать автомобильную промышленность. За годы Первой мировой и Гражданской войн автопарк значительно сократился. Оставшиеся на ходу машины в основном были сосредоточены в государственных учреждениях и военном ведомстве. Недостроенные автомобильные заводы и плохо оснащенные ремонтные мастерские не могли исправить сложившееся положение. Отсутствовало необходимое оборудование, материалы, топливо. Немногочисленные квалифицированные кадры рассеялись по стране. Необходимо было срочно решать судьбу тех немногих предприятий, которые были связаны с автомобильным производством. В той исторической обстановке вряд ли можно было говорить о создании отечественного автомобилестроения, скорее – о восстановлении того, что еще сохранилось.

Руководители советского государства понимали, что в условиях экономической блокады со стороны высокоразвитых капиталистических стран рассчитывать на экономическую помощь в создании собственной автомобилестроительной отрасли не приходится. Уже в начале 1920-х годов в России предпринимаются попытки в возобновлении выпуска отечественных автомобилей. 4 марта 1921 г. ко-

¹ Большинство автомобилей находилось в эксплуатации с 1914–1915 гг. и ранее. – Е.Б.

миссия по восстановлению крупной промышленности при Совете труда и обороны (СТО) под председательством В.В. Куйбышева приняла решение: «...Признать принципиально необходимым постановку в России автомобилестроения в массовом масштабе» [3. Л. 54]. Предлагалось закупать за границей готовые автомобильные шасси (с мотором) или машины в разобранном виде и осуществлять сборку на отечественных предприятиях. По мнению руководителей ВСНХ, это «...облегчит финансирование и подготовит кадры для будущего отечественного автозавода» [12. Л. 22].

Единственным предприятием, способным начать производство автомобилей в тот период, был завод АМО¹, накопивший опыт ремонта автомобилей «Уайт» американского производства. За период с 1919 по 1923 г. на АМО был восстановлен 131 грузовой автомобиль марки «Уайт» [6, с. 37–39]. С 1918 по 1923 г. в цехах завода был произведен капитальный ремонт 230 трофейных автомобилей разных марок, средний ремонт 18 и текущий ремонт 67 автомобилей и 137 мотоциклов [6, с. 37]. К концу 1922 г. завод АМО изготавливал собственными силами около 75 % комплектующих частей грузовиков «Уайт». Всего с 1921 по 1924 г. было отремонтировано (фактически наполовину построено заново) 219 автомобилей [6, с. 38]. В отдельных случаях грузовики оснащались деталями, узлами и агрегатами отечественной конструкции – коробками передач, шестернями и кожухами дифференциалов, кузовом, бензобаком, колесами. Эти автомобили вошли в историю под названием «Уайт-АМО». За сравнительно короткий период руководителям АМО удалось наладить технологический цикл, а коллективу завода приобрести необходимый опыт. В 1923 г. во Всероссийском испытательном пробеге по маршруту Москва – Вышний Волочек – Москва (629 км) приняли участие две машины «Уайт-АМО». По результатам пробега один из автомобилей был отмечен призом, а завод получил серебряный письменный прибор как награду за восстановительный ремонт гру-

¹ Автомобильный завод АМО («Автомобильное московское общество») был основан торговым домом «Кузнецов, Рябушинские и К» 2 августа (20 июля по старому стилю) 1916 г. Устав «Товарищества на паях автомобильного Московского общества» был утвержден 18 мая 1916 г. Рябушинскими планировалось развернуть на заводе производство лицензионного 1,5-тонного грузовика «Фиат-15 Тег» образца 1915 г. Первым директором завода был назначен Д.Д. Бондарев. Начатое в 1915 г. строительство к революции было выполнено на 95 %. 15 августа 1918 г. АМО был национализирован под предлогом срыва Рябушинскими условий контракта с военным ведомством. Завод успел собрать из итальянских сборочных комплектов 1317 грузовиков: в 1917 г. – 432 единиц, в 1918 г. – 779 единиц, в 1919 г. – 106 единиц. В 1919–1923 гг. завод занимался ремонтом грузовиков иностранных марок и налаживал производство моторов. – Е.Б.

зовиков. Однако производственные мощности завода, техническое оборудование и отсутствие квалифицированных инженерных и рабочих кадров не позволяли приступить к самостоятельному производству отечественного автомобиля. Вплоть до 1924 г. основными видами работ были ремонтно-восстановительные.

В 1922 г. завод в Филях выпустил пять первых советских автомобилей «Руссо-Балт» («Промбронь») С24/40 [4, с. 164]. Это был усовершенствованный вариант легкового автомобиля «Руссо-Балт» С24/40, выпускавшегося Русско-балтийским вагоноремонтным заводом в Риге в 1915 г. Автомобиль имел укороченную базу, модернизированную коробку передач, измененную конструкцию редуктора заднего моста, радиатора и выпускного коллектора. Для освещения был установлен электрический генератор. Однако эти первые опыты не могли кардинально решить проблему массового производства отечественных автомобилей и поставку их народному хозяйству и вооруженным силам.

Переход Красной армии на мирное положение неизбежно повлек за собой изменение задач автомобильных частей и их организационно-штатной структуры. В начале 1920-х гг. около 20 % всех машин находилось в штате автомобильных грузовых отрядов (АГО), а 80 % автомобильного парка было в соединениях, частях, управлениях и учреждениях Народного комиссариата по военным делам [1, с. 57]. На 1 октября 1923 г. в РККА насчитывалось 7014 автомашин и мотоциклов, из них: 1999 легковых, 2885 грузовых, 389 специальных автомобилей; 526 мотоциклов с колясками и 1215 мотоциклов без коляски [13. Л. 106]. Состав автомобильного парка военного ведомства показан на диаграмме (рис. 1).

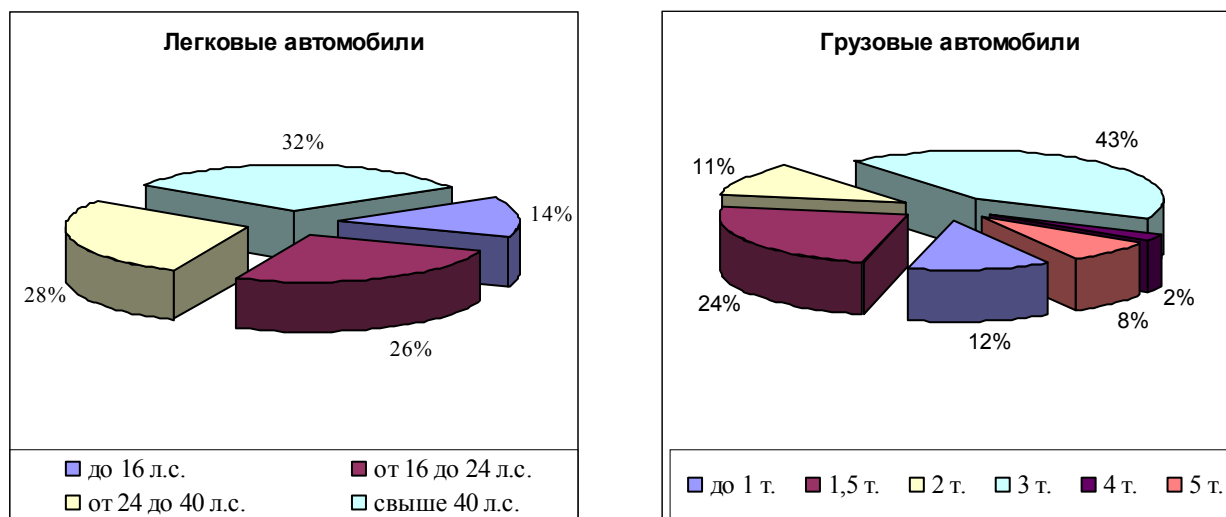

Рис. 1. Характеристика парка автомобилей РККА в 1923 г.¹

¹ Составлено автором по РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3. Л. 106.

Как видно из диаграммы, более половины (53 %) автогрузового парка Красной армии составляли автомобили грузоподъемностью от 3 до 5 т, т. е. наиболее оптимальные образцы для армейских условий. Однако это были автомобили иностранного производства. В отечественной автомобильной промышленности только начиналось освоение серийного производства техники для народного хозяйства и вооруженных сил.

Серьезной проблемой для военного ведомства была разномарочность автомобильного парка РККА: на 1999 легковых автомобилей приходилось 148 марок, на 2885 грузовых машин – 142 марки, на 389 специальных автомобилей – 52 марки, на 1741 мотоцикл – 78 моделей [13. Л. 106]. Большое количество моделей автомобилей иностранного производства и отсутствие в России заводов по изготовлению запасных частей создавали большие трудности по ремонту машин, состоящих на вооружении Красной армии.

К середине 1922 г. 39 % наличного парка автомобильных грузовых отрядов требовали ремонта, причем большей частью сложного [1, с. 173]. Зачастую продолжительность ремонта автомобильной техники была равна продолжительности их работы в течение года. Так, например, в 1922/23 операционном году работа автотранспорта РККА характеризовалась следующими показателями: за период с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. в эксплуатации находилось 790 машин общей грузоподъемностью 2101 т. За 116117 машино-дней работы (919578 часов пребывания вне гаража) пройдено 5068456 верст и перевезено 29786462 пуда груза [13. Л. 106 об.]. При этом на каждую списочную машину пришлось 97 дней работы, 122 дня простоя и 89 дней ремонта [13. Л. 107]. Приведенные данные говорят о низкой эффективности эксплуатации автотранспорта в армии в рассматриваемый период. Коэффициент использования автомобилей составил всего лишь 0,315¹.

Критическое положение с состоянием автомобильной техники в армии и стране в целом заставило Совет труда и обороны и Реввоенсовет республики принимать решительные меры по рациональному использованию имеющегося автомобильного парка. Уже в 1920 г. в крупных городах страны (Москве и Петрограде) автомобильные перевозки всех воинских грузов были централизованны. Для доставки грузов в пределах Москвы и ее окрестностей в 1920 г. был сформирован Московский военно-автомобильный транспорт («Мосват»). В соответствии с «Положением о Московском военно-

¹ Подсчитано автором по РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3. Л. 107.

автомобильном транспорте» (объявлено приказом РВСР от 21 января 1921 г. № 250), он подчинялся Главному военно-инженерному управлению. Организационно «Мосват» состоял из следующих подразделений: а) управление транспортом; б) грузовые рабочие колонны (в каждой по двадцать трехтонных рабочих грузовых, одному 1,5-тонному грузовому и одному легковому автомобилю) [7]. Число таких колонн устанавливалось начальником ГВИУ в зависимости от фактической потребности, но всего не более десяти. В Петрограде автомобильные перевозки осуществлял Петроградский военно-автомобильный транспорт («Петроват»). В его составе было: а) четыре грузовых автоотряда (по 20 грузовых автомобилей в каждом); б) два легковых автоотряда (по 20 легковых автомобилей); в) один мотосамокатный отряд (20 мотоциклов и 10 велосипедов). Всего в «Петровате» было 164 транспортных средства (автомобили, мотоциклы и велосипеды) и 458 чел. личного состава [11].

Руководство автомобильными частями в рассматриваемый период осуществляли: в центре – Главное военно-инженерное управление, а в округах (фронтах, армиях) – начальники инженеров военных округов (фронтов, армий). За Центральным управлением военных сообщений и его окружными, фронтовыми и армейскими органами было сохранено право использования автотранспортных частей для оперативных целей [4, с. 163]. По мнению автора, такое двойное подчинение вносило дезорганизованность и отрицательно сказывалось на деятельности автомобильных частей и их снабжении.

Необходимость восстановления экономики страны и недостаток транспортных средств потребовали привлечения автомобильных частей Красной армии к решению народно-хозяйственных задач. 19 января 1921 г. Совет труда и обороны принял постановление, в соответствии с которым часть военного имущества подлежала передаче гражданским ведомствам для использования в хозяйственных целях. В отношении автомобильного транспорта СТО принял решение: грузовые автомобили не изымать у военного ведомства, 40 % легковых автомашин передать гражданским учреждениям, а гаражи военного ведомства преобразовать в гаражи общего пользования с сохранением их военной структуры [8].

На основании постановления комиссии по передаче военного имущества, образованной при СТО, в Москве 50 % грузовых автомобилей военного ведомства были переданы для эксплуатации гражданским учреждениям. Все гаражи войсковых частей были подчинены Управлению военно-грузового транспорта (Увогрузтрану) как «единому руководящему эксплуатационно-транспортному военному

центру» [9]. Половина машин суточного наряда выделялась для перевозок народнохозяйственных грузов. Оставшиеся в распоряжении Увогрузтрана автомобили использовались для обслуживания войсковых частей, управлений и учреждений Красной армии в Москве и ближнем Подмосковье. Наблюдение за исполнением этого постановления было возложено на главного начальника снабжения РККА.

Исследования показывают, что в 1921–1923 гг. в организации автомобильных войск шли непрерывные изменения. Во многом они были вызваны недостаточной технической оснащённостью автомобильных частей. Парк автомобильных грузовых отрядов в этот период насчитывал 2500 грузовых автомобилей, из них исправных около 1750 единиц (70 %) [1, с. 57]. Содержать большое количество слабо оснащённых АГО было нецелесообразно. Часть отрядов была расформирована, а их материальная база передана на доукомплектование оставшихся. К концу 1921 г. число автомобильных грузовых отрядов сократилось с 51 до 25 [1, с. 57].

В сентябре 1922 г. автомобильные грузовые отряды были реформированы в отдельные военные грузовые автоотряды (ОВГАО). Автоотряд являлся строевой частью и в соответствии с положением, утвержденным РВС Республики 28 августа 1922 г., предназначался «...для выполнения: а) перевозок, имеющих связь с работой военных сообщений, б) перевозок грузов воинских частей, управлений и учреждений, когда эти перевозки не могут быть выполнены транспортными средствами самих частей, управлений, учреждений» [10]. В ОВГАО по штату имелось два взвода (автогрузовой и автотранспортный), мастерская, 25 автомобилей (20 эксплуатационных, 4 специальных, 1 легковой), 1 мотоцикл и 80 чел. личного состава [10].

Командир ОВГАО назначался начальником инженеров округа (фронта, армии) из лиц, имеющих опыт службы в автомобильных частях, и подчинялся ему во всех отношениях. По вопросам эксплуатации отряд также подчинялся начальнику ВОСО округа (фронта, армии). На 1 октября 1922 г. в РККА насчитывалось 55 ОВГАО, в которых было: 53 легковых, 1083 грузовых, 42 специальных автомобиля и 66 мотоциклов [13. Л. 106 об.]. Однако несмотря на принятые меры, автоотряды так и не удалось укомплектовать техникой до полного штата. Некомплект составлял: 4 легковых (7 %), 127 грузовых (10,5 %), 68 специальных (61,8 %) автомобилей и 44 мотоцикла (40 %) [13. Л. 106 об.]. Из-за скудного финансирования, а также отсутствия топлива, смазочных материалов и запасных частей даже это количество автомобилей использовалось не в полном объеме, в

то время как потребности в автоперевозках были огромные. «Отпуск эксплуатационных средств не позволял использовать весь ходовой автогрузотранспорт, понижая его работоспособность по крайней мере на 30 %, – говорилось в отчете народного комиссара по военным и морским делам за 1922/23 год. – Потребность же в автогрузоперевозках все время значительно превышала наличный ходовой тоннаж» [13. Л. 105 об.]. Количество автомобилей, находившихся ежемесячно в эксплуатации в 1922/23 г., показано на диаграмме (рис. 2).

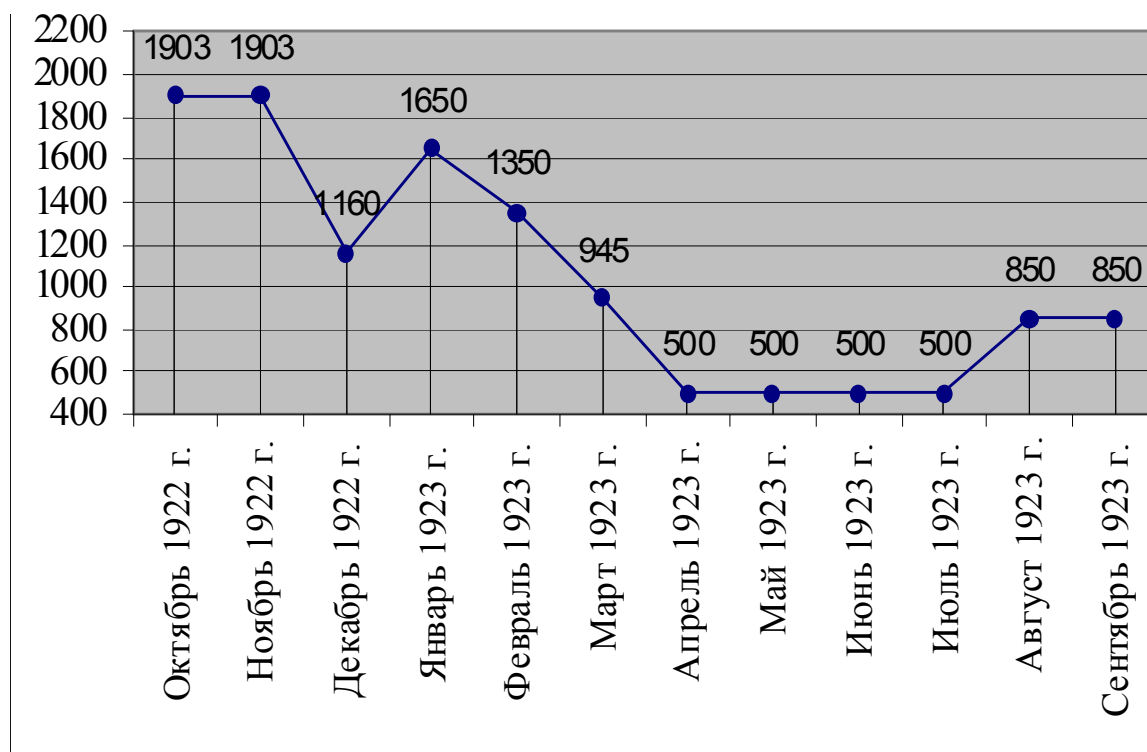

Рис. 2. Эксплуатация автотранспорта РККА в 1922/23 г.¹

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что наибольшее количество эксплуатировавшихся автомобилей приходится на начало операционного года², когда финансирование более стабильно. Максимальный спад приходится на вторую половину года, когда перечисления денежных средств Народному комиссариату по военным делам из государственного бюджета сокращались до минимума.

Для приведения в работоспособное состояние автотранспорта РККА народный комиссариат по военным и морским делам планировал отобрать все серийные машины, хорошо зарекомендовавшие

¹ Составлено автором по РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3. Л. 59.

² Операционный (или хозяйственный) год в РККА (как и в стране в целом) начинался 1 октября. – Е.Б.

себя в процессе эксплуатации, и провести их капитальный ремонт на государственных заводах. По мнению руководства наркомата по военным делам, эти меры должны были, во-первых, привести в исправное состояние автотранспорт военного ведомства, во-вторых, стимулировать отечественные заводы в производстве запасных деталей, чтобы избежать зависимости от иностранных поставок. Однако из-за ограниченного финансирования военное ведомство в течение апреля – сентября 1923 г. смогло отремонтировать лишь 25–30 машин [13. Л. 107].

В 1922/23 г. в связи с острой нехваткой материальной части большинство грузовых отрядов было расформировано. К 1 октября 1923 г. в Красной армии осталось 27 отрядов и «Петроват», в составе которых было 52 легковые, 592 грузовые, 33 специальные автомашины и 40 мотоциклов [13. Л. 106 об.]. В ноябре 1923 г. вместо грузовых отрядов были образованы автопарки трех разрядов с 10, 20 и 30 эксплуатационными автомобилями [1, с. 58]. Военные автопарки в административном и техническом отношении подчинялись начальнику инженеров округа. Использование грузовых автомобилей для перевозок по-прежнему осуществлялось окружным управлением военных сообщений, а эксплуатация легковых автомобилей – с разрешения начальника штаба округа.

Таким образом, в рассматриваемый период автомобильные парки находились в тройном подчинении, что создавало большие трудности в их повседневной деятельности. Ненормальность такого положения уже в 1920-е гг. отмечалась специалистами: «Одним из условий, обеспечивающих успешное выполнение авточастями возлагаемой на них работы, является установление ясной схемы подчиненности с точным определением прав, предоставленных в отношении их отдельным органам. Всякая неясность в указанном вопросе или двойственность подчинения плохо отражается как на состоянии авточастей, так и на их работе» [2, с. 228–229]. В 1923 г. для подготовки водителей для автомобильных частей и подразделений РККА была сформирована отдельная учебная автотомовелобригада.

Большие изменения в структуре автомобильных подразделений произошли и в войсковом звене. По штатам 1923 г. в стрелковых корпусах и стрелковых дивизиях предусматривалось иметь автотототряды. Их состав представлен в таблице.

Состав автомотоотрядов стрелковых корпусов
и стрелковых дивизий РККА в 1923 г.¹

Наименование техники	В стрелковом корпусе	В стрелковой дивизии
Автомобили легковые	8	4
Автомобили грузовые	22	8
Автоцистерны	1	1
Автомобильные мастерские	1	1
Мотоциклы с колясками	15	9
Мотоциклы без колясок	11	4
Самокаты (велосипеды)	2	–

Однако из-за нехватки положенного штата автомотоотрядов снижались их технические возможности по оперативным и снабженческим перевозкам как в мирное, так и в военное время.

После окончания Гражданской войны транспортные части РККА подверглись значительному сокращению. К 1 октября 1922 г. в составе Красной армии было семь кадровых военных транспортов и два отдельных кадровых военно-транспортных эшелона [13. Л. 16 об.]. Транспортные части предназначались для перевозки материальных средств – боеприпасов, продовольствия, вещевого имущества и т. п. В июне 1923 г. для обслуживания Штаба РККА был сформирован эксплуатационный эшелон, который вошел в состав 7-го кадрового военного транспорта [13. Л. 16 об.]. В августе 1923 г. шесть кадровых военных транспортов и два отдельных эшелона были переведены на новые штаты. Лишь 7-й кадровый военный транспорт содержался по старым штатам [13. Л. 16 об.]. В течение 1923 г. кадровый военный транспорт, дислоцировавшийся на территории Приволжского военного округа, был расформирован, а его обязанности по формированию армейских военных транспортов были переложены на губернские военкоматы [13. Л. 16 об.]. Ввиду особых условий на среднеазиатском театре военных действий в 1923 г. в составе Туркестанского фронта были сформированы три военно-вьючных армейских верблюжьих транспорта по 211 чел. в каждом [13. Л. 16 об.]. Всего в составе трех транспортов насчитывалось 444 верблюда [13. Л. 105]. Таким образом, к 1 октября 1923 г. в

¹ Составлено автором по: Автомобильная техника. Автомобильные войска. Автомобильная служба. М., 1982. С. 58.

составе РККА было шесть кадровых военных транспортов, два отдельных кадровых эшелона, три армейских вьючно-верблюжьих транспорта. Общая численность транспортных частей Красной армии была невелика и составляла 2467 чел. [13. Л. 16 об.].

Подводя итог, следует сказать, что руководство Советской Республики и военного ведомства в начале 1920-х гг. хорошо осознавали необходимость технического оснащения Красной армии. Однако состояние экономики и финансов страны, пережившей две разорительные войны, не позволяли обеспечить войска автомобильной техникой даже в размерах минимальной потребности. Имевшиеся иностранные автомобили находились в эксплуатации от 5 до 20 лет и требовали капитального ремонта. Постоянные организационные изменения автомобильных частей и подразделений РККА в начале 1920-х гг. были обусловлены стремлением руководства Народного комиссариата по военным делам создать жизнеспособные структуры. К сожалению, это были временные меры, кардинально не решавшие проблемы повышения мобильности войск. Только создание отечественной автомобильной промышленности могло обеспечить народное хозяйство и вооруженные силы транспортом и специальной техникой.

Список литературы

1. Автомобильная техника. Автомобильные войска. Автомобильная служба. – М., 1982.
2. Брусанцев Н. В., Кашкаров М. В. Военно-автомобильный транспорт. – М., 1929.
3. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 434.
4. История Тыла Российских Вооруженных сил. (XVIII–XX вв.): в 4 кн. Кн. 2. – СПб., 2000.
5. Матвеев В. И. Забытые и знаменитые. Кн. 1. Грузовики, спецмашины и автобусы в СССР. 1924–1945 гг. – СПб., 2003.
6. Матвеев В. И. История конструирования и производства грузовых автомобилей повышенной проходимости в СССР в период с конца 20-х до середины 40-х годов XX века: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004.
7. Приказ РВСР от 21 янв. 1921 г. № 250 // Сб. приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
8. Приказ РВСР от 29 янв. 1921 г. № 255 // Сб. приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
9. Приказ РВСР от 2 февр. 1921 г. № 262 // Сб. приказов Реввоенсовета Республики за 1921 год.
10. Приказ РВСР от 9 сент. 1922 г. № 2126 // Сб. приказов Реввоенсовета Республики за 1922 год.
11. Приказ РВСР от 16 нояб. 1922 г. № 2569 // Сб. приказов Реввоенсовета Республики за 1922 год.
12. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 201.
13. РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 3.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(47).084.6

Н. Д. Козлов, В. О. Левашко

Ввод советских войск в Прибалтику в оценках современников и свидетельствах очевидцев

В статье приводятся мнения политических и государственных деятелей различных стран, современников ввода советских войск на территорию Латвии, Литвы и Эстонии, дается характеристика взаимоотношений советских войск, государственных и политических структур с соответствующими органами и структурами прибалтийских государств.

In this paper it reflected the views of political and public figures of various countries who were contemporaries of Soviet troops on the territory of Latvia, Lithuania and Estonia, it described the relationship of Soviet troops, state and political structures with the relevant authorities and institutions of the Baltic states.

Ключевые слова: ввод войск, оккупация, договор о взаимопомощи, военные базы, мнение, Красная армия, руководство страны.

Key words: the invasion, occupation, mutual assistance treaty, military bases, the opinion of the Red Army, the government.

Одной из острейших проблем не только в исторической науке, но и, как это ни прискорбно, в межгосударственных отношениях между Российской Федерацией и прибалтийскими государствами является вопрос о вводе советских войск на территорию Эстонии, Латвии и Литвы осенью 1939 г. Сегодня в самих прибалтийских странах, в Западной Европе и Северной Америке оценки этих событий носят откровенно негативный характер. Действия СССР однозначно оцениваются как неприкрытая агрессия, от Российской Федерации как правопреемницы СССР требуют бесконечных покаяний и извинений за этот шаг, в последнее время всё чаще звучат заявления о необходимости возмещения материального ущерба, причинённого якобы агрессией Советского Союза.

Таким образом, наша страна ставится, с одной стороны, на одну доску с державами–агрессорами во Второй Мировой войне, а с другой – де-факто объявляется проигравшей стороной, обязанной в рамках мирового военного права компенсировать материальные потери стороне победившей. Едва ли можно согласиться с подобным

мнением. В небольшой статье будет предпринята попытка дать, по возможности, объективную оценку событиям 1939–1940 гг. на основании свидетельств современников этих событий с советской, прибалтийской стороны и со стороны третьих стран.

Итак, осенью 1939 г. Советское правительство предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить пакты о взаимопомощи. Данные предложения тогда советской стороной преподносились как мера, направленная на укрепление безопасности своих северо-западных границ и на ограждение Прибалтийских государств от угрозы фашистской агрессии. В результате проходивших в Москве двухсторонних переговоров Эстония стала первой, заключившей с СССР договор о взаимной помощи 28 сентября 1939 г., за ней 5 октября последовала Латвия. Договор с Литвой был подписан только 10 октября, когда в Москве стало окончательно ясно, что республика переходила в сферу интересов СССР.

В советско-эстонском договоре, в частности, отмечалось: «Обе Договаривающиеся Стороны обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ Договаривающихся Сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Латвийской Республики, а равно и баз. СССР обязывался оказывать Эстонской армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами».

Согласно условиям договоров Советский Союз получал право содержать на территориях Эстонии, Латвии и Литвы ограниченное количество войск и в определенных пунктах создавать военно-морские базы (Эстония и Латвия) и аэродромы.

Например, на основе пакта о взаимопомощи между СССР и Латвийской республикой Советскому Союзу предоставлялось право иметь военно-морские базы и аэродромы в Либаве (Лиепая) и Виндаве (Вентспилс). В целях охраны Ирбенского пролива разрешалось создание береговой батареи на латвийском побережье между Виндавой и Питраге.

11 октября 1939 г. были окончательно оформлены и подписаны советско-эстонские военные договорённости, предполагавшие ввод на территорию страны 25-тысячного советского военного контингента и создание военно-морских и военно-воздушных баз на островах Эзель и Даго – семь рейдов и одна база морской авиации, временной стоянки в Рохукюла и базы в портах Таллинн и Палдиски [7, с. 14].

После обмена ратификационными грамотами 4 октября 1939 г. договор вступил в силу. Одновременно было подписано Соглашение о торговом обороте между СССР и Эстонией на период с 1 октября 1939 г. до 31 декабря 1940 г.

Ввод частей Красной армии начался с утра 18 октября и осуществлялся в соответствии с заранее разработанным и согласованным с представителями Эстонии графиком и процедурами. 19 октября 1939 г. в 10.50 операция была завершена [1, с. 184, 188].

Какие же оценки дали современники этим договоренностям. Сталин на церемонии подписания договоров добродушно «поздравил» министра иностранных дел Эстонии Сельтера: «Могу вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С вами могло бы получиться, как с Польшей» [1, с.189].

Что касается оценок непосредственно руководства Эстонии, то Президент Эстонской Республики К. Пятс выступил 29 сентября по радио с речью, которая была также опубликована в газетах. Касаясь пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией, Пятс заявил: «Пакт о взаимопомощи не задевает наших суверенных прав. Наше государство остается самостоятельным, таким, каким оно было и до сих пор. Заключение пакта означает, что Советский Союз проявляет по отношению к нам свою доброжелательность и оказывает нам свою поддержку как в экономическом, так и в военном деле. Я думаю, что подобное разрешение при нынешнем военном положении в Европе дает лучшие доказательства того, чтобы договаривающиеся государства сумели решить напряженные вопросы так, чтобы не пролить ни капли крови.

В требованиях СССР не было ничего необычного. Учитывая историю нашего государства и наше географическое и политическое положение, становится ясным, что мы должны были вступить в соглашение с СССР...» [3].

6 октября в здании советского полпредства в Таллинне советская военная делегация дала обед в честь членов советско-эстонской военной комиссии. На обеде присутствовали Селтер, главнокомандующий эстонской армией генерал Лайдонер, начальник штаба эстонской армии генерал-лейтенант Реек.

В своей речи Селтер заявил: «Дружественные отношения между обеими странами получили дальнейшее развитие. Эстонское правительство обеспечит правильную реализацию пакта о взаимопомощи. Советская армия, авиация и морской флот могущественны, а эта армия – наша союзница. Я поднимаю тост за советскую армию».

Генерал Лайдонер заявил: «Мы знаем, что невозможно великой советской державе находиться в углу Финского залива. СССР должен иметь выход в Балтийское море. Мы решаем историческую задачу. Говорят, что великая и маленькая страна не могут дружить. Но мы видим, что эта дружба между нами и Советским Союзом осуществляется. Из истории известно, что такие вопросы решаются года-

ми. А мы в течение трех дней решили в основном все вопросы. Я поднимаю тост за Сталина» [14].

Вполне естественно, что достигнутые договорённости стали предметом детального анализа не только в Прибалтике и СССР, но и в других заинтересованных государствах. Тогдашние американские дипломаты однозначно трактовали соглашение с республиками Балтии как соглашение о взаимной обороне на случай германской агрессии [5, с. 44].

Интерес представляет высказывание Посланника США в Эстонии и Латвии Дж. К. Уайли, который 3 октября 1939 г. заявил: «Советский торговый договор, согласно сообщениям в эстонской печати, предусматривает увеличение товарообмена между Советским Союзом и Эстонией в 4,5 раза. Кроме всего прочего, Советский Союз предоставляет Эстонии возможность провоза товаров по железным дорогам и морским путям через порты Мурманск, Сорока (на берегу Белого моря) и порты Черного моря» [6, с. 75]. Забегая вперёд, следует отметить, что по подсчётам некоторых экономистов в результате заключения советско-эстонских договорённостей ВВП страны в первой половине 1940 г. вырос на 4,5 %. Представляется, что это заявление само по себе является ответом тем, кто требует от Российской Федерации материальных компенсаций.

Оценку, в чём-то схожую с оценками сегодняшних наших западных коллег, высказал Начальник канцелярии министерства иностранных дел Италии Ф. Анфузо. В своем письме послу Италии в СССР А. Россо «Каковы возможные цели советского империализма?» он подчеркивал, что видит советский экспансионизм главным образом не в «территориальных завоеваниях», но скорее в «политическом проникновении» и приобретении «зон влияния».

Весьма интересна и актуальна правовая оценка действий СССР, предложенная итальянцем: «Оккупация Украины и Западной Белоруссии и территориальные уступки, достигнутые в трех Балтийских государствах, не могут в строгом смысле расцениваться как истинные проявления настоящей экспансионистской политики, так как это по существу восстановление ранее существовавшего российско-го единства. Следует также признать, что требования о морских базах в Латвии, Эстонии и Финляндии частично оправданы реальными требованиями военной безопасности и географическими соображениями» [2, с. 66].

И в дальнейшем позиция прибалтийской стороны, как видно из высказываний ее представителей, не претерпела серьёзных изменений. Государственные деятели этих государств неоднократно отмечали выполнение сторонами достигнутых соглашений. Новый эстонский министр иностранных дел страны А. Пийпа писал 7 февраля 1940 г.: «Живем под знаком обсуждения бюджета, иногда даже

забывая о чрезвычайном положении, в котором находимся. До сих пор наши мнения учитывались... Стараемся предотвратить обострение конфликтов как с населением, так и с властями, демонстрируя невозмутимость. Особо теплых отношений между войсками и населением не желает ни одна из сторон. Не заметно также вмешательства в наши внутренние дела» [8, с. 104].

«Войска Советского Союза никак не вмешиваются в наши внутренние дела, – говорил в январе 1940 г. министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис, – мы распоряжаемся в нашей стране так, как мы распоряжались до договора от 10 октября. Правдой является также и то, что со стороны Советского Союза мы до сих пор не испытали никакого расхождения с положениями договора и гостеприимства» [16, с. 49].

Такая позиция прибалтийского руководства в значительной мере подкреплялась демонстративными действиями советской стороны. Так, 23 октября 1939 г. нарком иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов устроил форменный разнос полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину. Молотов писал по поводу предполагаемого торжеств в Эстонии в связи с праздником 7 ноября: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом взаимопомощи Вы не поняли. Вас ветром понесло по линии настроений "советизации" Эстонии, что в корне противоречит нашей политике». Полпреду ставилась конкретная задача: «Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии, и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии. Главное, о чем Вы должны помнить, – это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии» [8, с. 104].

Уже упомянутый нами К. Уайли, комментируя эти действия советского руководства, осенью 1939 г. отмечал: «Какой-то странной до смешного выглядит новая советская позиция в отношении левого крыла в этих государствах. На местах, где она проявлялась, советские представители отреагировали на это нерасположением. Правительствами прибалтийских стран, по крайней мере, косвенно, поощрялись твёрдые, репрессивные меры против любых блокирующих акций со стороны левых. Ожидавшие худшего, самого худшего местные власти начинают испытывать чувство изумлённого облегчения... Г-н Сталин, кажется, сконцентрировал всё внимание на создании своих военно-морских и военно-воздушных баз и береговой обороны....» [5, с. 47].

С каким настроением входили на территорию прибалтийских государств «оккупационные», как сейчас утверждают наши оппоненты, и «деморализованные» советские войска? Документы политических

органов однозначно свидетельствуют, что личный состав частей, которым была поставлена задача по перебазированию, с огромным подъёмом и воодушевлением встретил эти сообщения. Проводились различные мероприятия и беседы об экономическом, политическом положении Эстонии и о состоянии её вооружённых сил. Политотдел ВВС балтийского флота свидетельствовал, что подтянулись даже закоренелые лентяи, они упрашивали послать их на выполнение государственного задания [10. Л. 574].

Естественно, как в советском обществе в целом, так и Вооружённых силах в частности мы можем проследить отдельные негативные моменты, связанные с вводом войск. Некоторые из них, что вполне естественно, носили достаточно резкий характер. Так, преподаватель Военно-медицинского училища батальонный комиссар Г.М. Иконников, излагал эти события следующим образом: «...на Эстонию с нашей стороны был оказан военный нажим с предоставлением на несколько часов ультиматума, что если не примет предложение Советского правительства, то по истечении установленного срока наша Красная армия оккупирует эстонскую территорию. После такого ультиматума министр иностранных дел Эстонии Сельтер прилетел на самолете в Москву для подписания пакта. Ввод наших частей Красной армии в Прибалтийские государства аналогичен такому примеру, как пустить приятеля в свою квартиру, который, сначала заняв одну комнату, затем захватит всю квартиру и выживет из нее самого хозяина...». За эту позицию Иконников был 24 марта 1940 г. исключен из членов ВКП(б), а его делом занялся Особый отдел ГУГБ НКВД [13. Л. 156–165].

Следует отметить, что подобных высказываний было немного, а по документам КБФ они вообще не фиксируются. Остальной негатив носил личностный характер, и его можно разделить на три группы. Больше всего выражали недовольство те, кому отказали в доверии. Например, в политдонесениях по 9 АБ ВВС КБФ фиксируются шесть подобных высказываний. Об их характере свидетельствует следующий пример.

Домнин, командир авиаотряда 43 АЭ, выразил недовольство тем, что его не берут, заявив, что арест двух его братьев, причины которого он не знает, не мешает ему выполнить задание Родины...

Вторая группа негативных высказываний связана, наоборот, с нежеланием ехать, таких высказываний в 9 АБ было зафиксировано три, при этом все они имели личный, а не политический мотив.

В третью группу можно включить высказывания тех, кто тяготился службой, и поэтому всё воспринимал негативно. В политдонесениях по ВВС КБФ, например, зафиксировано шесть таких случаев. Так, краснофлотец Голубев заявил: «лучше в тюрьме сидеть, чем служить, дома бы много зарабатывал»; краснофлотец Прокопенко,

считал, что чем ехать, лучше уволиться и жить дома, выпить будет можно, а лейтенант Коростылёв, начальник радиостанции 43 авиаэскадрильи, в беседе высказал желание поухаживать за эстонками, правда тут же оговорился, что сморозил глупость [11. Л. 91]. По каждому случаю негативных высказываний политсоставом, вплоть до комиссара ВВС КБФ, проводились беседы с недовольными.

Следует отметить, что советские политические, государственные и военные органы прилагали поистине титанические усилия, чтобы с одной стороны, продемонстрировать высокую дисциплину и порядок в советских войсках, а с другой – не дать эстонской стороне повода для каких-либо обвинений в «оккупационном» поведении. Так, ещё перед вступлением советских войск на Эстонскую территорию на флоте была распространена директива № 3208 от 14 октября 1939 г., которая предписывала, что советским морякам не следует «представлять себя в роли победителя и завоевателя и тем самым задевать самолюбие граждан иностранных республик». Особое внимание нарком ВМФ обращал на нравственную сторону поведения наших моряков: «...Ни под какими предлогами не дать вовлечь себя в участие во всякого рода аморальных поступках (пьянство, хулиганство, драки, дебоши, проституция). Всякий случай недостойного поведения командира или бойца должен считаться тяжчайшим преступлением перед Родиной...». Подобная линия советского руководства выдерживалась и в дальнейшем. Кроме того, советские воинские контингенты, расположенные в Прибалтийских странах, имели строгие предписания исключать контакты с местным населением [4, с. 240].

Стоит ли удивляться, что поведение советских войск на территории прибалтийских государств никак не напоминало оккупационные войска. Приведём один пример: «18-го ноября возник пожар в г. Палдиски. По получении сигнала первыми на тушение пожара прибежала дежурная часть БУРа. При тушении пожара: а) спасли имущество всех соседей по горевшей постройке, б) протянули шланг до $\frac{3}{4}$ километра длиной и потушили пожар. Кстати, в ходе пожара приехала Таллиннская пожарная команда и, прежде чем тушить, ее руководитель заявил: «Деньги на бочку, тогда будем тушить». Хозяин, убедившись в «чистой работе» советских краснофлотцев, отказался от услуг Таллиннской пожарной команды. Утром все газеты поместили большие статьи, восхваляющие русских моряков, «спасших Палдиски от уничтожения огнем» [12. Л. 4].

Американская журналистка Анна Луиза Стронг, длительное время работавшая в СССР и высланная по указанию Сталина в 1949 г. «как американская шпионка», а по прибытии в США обвинённая в шпионаже против СССР, летом 1940 г. находилась в Литве. В своих статьях и брошюре «Новый путь Литвы» она дала

картину отношения народа к Красной армии. «В первые недели Красную армию не считали своей, "нашей армией", но её называли нашим "великим союзником", который пришёл в прибалтийские государства, чтобы укрепить их оборону и защитить от войны в Европе, – свидетельствует журналистка. – Однако этого было достаточно, чтобы Красную армию приняли, так как народы Прибалтики, как и все народы, боятся войны, которая теперь бушует в Европе и грозит захватить весь мир. Но Красная армия завоевала популярность своим поведением. Литовские солдаты завидовали отличному снаряжению красноармейцев, а те относились к ним как к равным союзникам. Красноармейцы удивили крестьян своим бережливым отношением к собственности, даже в мелочах. Интеллигенты были поражены культурой бойцов Красной армии, их осведомлённостью в вопросах международной политики. Что касается фабричных рабочих, то они были на стороне красноармейцев с самого начала. От литовских женщин я часто слышала о красноармейцах: «Они замечательные» – дань той вежливости, с которой те обращаются с женщинами» [15, с. 24].

В то же время свидетельница подчёркивала, что «было бы неправильно думать, что всё литовское население радушно встретило Красную армию. Некоторые приветствовали её, но большинство удивлялось и выжидало» [15, с. 25]. Вместе с тем были и те, кто однозначно не принимал ни СССР, ни Красную Армию, ненавидя всё, что связано с этой страной.

Как же встретила Прибалтика советские войска? Представление о положении наших военных гарнизонов на местах в свете их взаимоотношений с органами власти даёт доклад советского военного атташе в Латвии полковника М. Васильева К.Е. Ворошилову в конце ноября 1939 г. В докладе отмечалось, что «...со стороны армейского командования и правительства создаются всевозможные условия, затрудняющие организацию нормальной жизни, учебы и быта в корпусе наших войск и базе флота. При эвакуации частей 1-й пехотной дивизии латвийской армии из Либавы был отдан приказ забрать все и ничего не оставлять для советских войск и флота. Этот приказ офицерство выполнило точно и даже больше, они во всех домах и казармах срезали электропроводку под самый потолок, так что восстановление представляет исключительную трудность. Сняли кухонные котлы, очаги частично разрушили. Ванные в квартирах начсостава сняли, а те, которые оставили, разрушили. Оборудование хлебопекарни, бани и прачечной сняли, оставив одни голые стены. В одном казарменном корпусе сняты трубы парового отопления и увезены. Таким образом, наши войска из казарменных зданий приняли одни голые стены, причем некоторые из них не отаплива-

ются вследствие разрушения...» [8, с. 170–172]. Можно привести ещё несколько подобных примеров.

По мере роста военных успехов Германии и особенно неудач Красной армии в советско-финляндской войне всё более активизировалась антисоветская деятельность, нарушались достигнутые договорённости. В феврале 1940 г. президент Литвы Сметона направил в Берлин директора департамента госбезопасности Новилайтиса для ведения секретных переговоров об установлении над Литвой германского протектората. В начале 1940 г. состоялась встреча министра иностранных дел Эстонии Сельтера с Герингом. Весной 1940 г. заметно усилилось германское влияние в Прибалтике, активизировалось военное сотрудничество. В это же самое время резко возросло количество различных провокаций и инцидентов, связанных с советскими военнослужащими [9. Л. 36–38].

В сложной обстановке лета 1940 г. Москва обратилась к руководству Литвы, Латвии и Эстонии с требованием согласиться на введение дополнительных контингентов Красной Армии на территорию этих государств. Одновременно подчёркивалось, что совершенно необходимо и неотложно сформировать в них такие правительства, которые могли бы обеспечить «честное проведение в жизнь договоров». Тон и аргументация этих документов были жёсткими и носили ультимативный характер.

Вступление дополнительных контингентов войск Красной Армии в республиках было встречено основной частью населения с пониманием, в ряде случаев – приветственными возгласами и цветами, хотя не обошлось и без эксцессов.

В те дни в странах Прибалтики проходили массовые митинги и демонстрации, а в середине июля состоялись выборы, в которых приняли участие от 94,8 до 97,8 % избирателей. В результате выборов в Литве и Латвии были избраны сеймы, а в Эстонии – государственная дума, принявшие решения просить Верховный Совет СССР принять республики в состав Союза.

У. Черчилль, человек сложный, убеждённый антикоммунист, ставивший своей главной целью уничтожение большевизма, анализируя запутанную предвоенную обстановку, в своих мемуарах, написанных в разгар «холодной войны», вынужден был признать «всю глубину провала английской и французской политики за несколько лет». «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи, – писал бывший премьер-министр Великобритании. – В умах русских калёным железом запечатлелись катастрофы в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, ещё не закончив мо-

билизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой войны. Им нужно было оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно-расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной» [17, с. 184].

Свидетельства и высказывания современников подтверждают факт, что ни советская, ни эстонская сторона, ни третьи державы не высказывали мыслей об оккупации и насильственных действиях СССР в отношении Прибалтийских государств. Не имели подобных настроений и советские войска, входившие в Прибалтику. Но позиция политической и военной элиты, части населения прибалтийских стран по отношению к Советскому Союзу оставалась достаточно негативной.

Список литературы

1. «От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах». Документы и материалы. – Таллинн, 1990.
2. M. Toscano. «Designs in Diplomacy» («Модели дипломатии»), Baltimore and London, The Johns Hopkins Press, 1970. P. 129–130 / пер. с англ. // На чаше весов. – Таллинн, 1999.
3. Известия. 1939. 2 окт.
4. Курмышов В.М. Строительство Балтийского флота в межвоенный период 1921–1941: дис. ... д-ра истор. наук. – СПб., 2006.
5. Мальков В.Л. Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939–1940 гг. (Из архивов США) // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5.
6. На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия. – Таллинн, 1999. – С. 75.
7. Петров П.В. Освоение Прибалтики: КБФ в Эстонии и Латвии (октябрь 1939 – февраль 1940 гг.) // Военно-технический альманах «Тайфун». – 2000. – № 3.
8. Полпреды сообщают ... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией август 1939 – август 1940 гг. – М., 1990.
9. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р. – 107. Оп. 7 с. Д. 58.
10. РГА ВМФ. Ф. р. 62. Оп. 5. Д. 6.
11. РГА ВМФ. Ф. р. 62. Оп. 5. Д. 3.
12. РГА ВМФ. Ф. р-34. Оп. 6. Д. 832.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 544.
14. Советская Балтика. – 1939. – 8 окт.
15. Стронг А. Л. Новый путь Литвы. – М., 1990.
16. Орлов А. С. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // История СССР. – 1990. – № 4.
17. Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 1–2 / пер. с англ. – М., 2011.

УДК 94(47).084.3

К. В. Левшин

Экономические меры борьбы с дезертирством красноармейцев в годы Гражданской войны на Северо-Западе России

В статье на архивных материалах рассмотрена малоисследованная проблема применения экономических инструментов в борьбе с массовым дезертирством в РККА в 1919–1921 гг. Отмечена ключевая роль комиссий по борьбе с дезертирством при конфискациях имущества у дезертиров, укрывателей и обеспечению социальной помощи семьям «честных красноармейцев».

In the article on the archival materials a scantily explored problem of application of economic tools in struggle against mass desertion in the Red Army in 1919–1921 was considered. The key role of the Commissions on struggle against desertion in confiscations of property at deserters, concealers and maintenance with the social help of families of «fair Red Army men» was shown.

Ключевые слова: дезертирство, комиссии по борьбе с дезертирством, Гражданская война, Петроградская губерния, Псковская губерния, конфискации.

Key words: Desertion, the Commissions on struggle against desertion, the Civil War, Petrograd province, Pskov province, confiscations.

Дезертирство красноармейцев в годы Гражданской войны в России носило массовый характер. Крушение старой армии, а с ней и понятия о дисциплине, хозяйственная разруха не располагали к тому, чтобы армия крестьян и рабочих смогла избежать такой вневременной болезни, как дезертирство. Меньшевик Ф. Дан в своих воспоминаниях передал мрачную шутку своего собеседника, красноармейца-конвоира, о трехмиллионной армии: «миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит и водит» [6, с. 66]. По подсчетам Г. Кривошеева, за всю войну добровольно сдались и были задержаны 2 846 тыс. дезертиров [8, с. 94].

Экономическое направление борьбы с дезертирством при всей невинности формулировки в годы Гражданской войны представлялось, чуть ли не важнейшим и наиболее эффективным методом. По сути, его можно назвать методом кнута и пряника. Одной рукой государство предоставляло (или обещало) всяческую помощь и под-

держку семьям красноармейцев, которую те, естественно, теряли в случае дезертирства. Таким образом, шла профилактическая работа по предотвращению данного преступления, ведь случаи побега из части с целью помочь семье, поднять развалившееся хозяйство были чрезвычайно распространены и к тому же морально оправданы. А другой рукой власть карала семью «бегунца» самым чувствительным образом – конфискациями. Для крестьянина, этого «прирожденного материалиста», стоял выбор: принять и «укрыть» дома сына (или мужа) дезертира или заставить его сдаться, вернуться в армию. Красноармеец же должен был осознать, на что он толкает родных своим поступком.

Призыв в армию был неминуемо связан с разрывом с домом. Семья теряла кормильца, хозяйство – рабочие руки. В сложнейших условиях Гражданской войны провал запашки или сенокоса мог обернуться голодом и гибелью домочадцев. В докладе агитатора псковского губернского военкомата Пугачева (май 1919 г.) описано отношение крестьян к мобилизации. В беседе с ним бедняки объяснили, что они не готовы идти на фронт, так как боятся оставить свои семьи на произвол судьбы: даже «...когда дома не можешь ничего добиться, а когда уйдешь так и совсем погибнут...» [3. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 26]. Создание реально действующей системы социального обеспечения семей красноармейцев виделось советской власти едва ли не основным методом ликвидации массового дезертирства, ведь «корни дезертирства лежат в тылу... всякая работа на фронте в области борьбы с дезертирством будет бесплодна, если она не будет опираться в эти корни» [10, с. 47].

Как проведение конфискаций, так и контроль за местными органами власти в вопросах оказания помощи хозяйствам красноармейцев находился в руках системы чрезвычайных органов – комиссий по борьбе с дезертирством во главе с Центральной комиссией по борьбе с дезертирством (далее ЦКД). В начале февраля 1919 г. были организованы Петроградская и Псковская губернские комдезертир (далее ГКД), следом началось формирование таких комиссий в уездах и волостях. Н. Мовчин подчеркивал значение комдезертир именно в давлении на местные советы, которые всячески игнорировали вопрос о помощи семьям [9, с. 137]. На съезде председателей ГКД Петроградского военного округа в марте 1920 г. член ЦКД Лурье констатировал, что колоссальный, по его мнению, прорыв в деле обеспечения семей красноармейцев был достигнут только после того, как на комдезертир были возложены функции контроля над «отсобезами, комкрасхозами и земотделами» [4. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 20].

В мае 1919 г. ГКД округа было рекомендовано специально возложить на одного из членов этих комиссий заботу о «действитель-

ном проведении в жизнь распоряжения по обработке полей красноармейцев» [5. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 1]. Подобная концентрация ведения дел, по крайней мере, наделяла ответственностью конкретного человека за успех или провал работы. Но «задуманная и разработанная при воздействии комдезертир в огромном масштабе работа по оказании помощи хозяйствам красноармейцев была далеко не выполнена» [14. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4. Л. 13]. Скудные возможности государства не способствовали этому.

Большое внимание вопросам снабжения семей честных красноармейцев было уделено на XI Общегородской конференции РКП(б) 29 ноября 1919 г. в Петрограде. Партийные работники откровенно представили безрадостное положение на этом своеобразном «фронте»: «...в большинстве случаев наши ордера оказываются только ордерами... дров нет и семья красноармейца ходит неделями за этими дровами и возвращаются домой только с ордером... если вы выдадите красноармейцу 400–600 рублей на пять членов, это по теперешней дороговизне не имеет значения... это нуль». Приведем несколько небезынтересных тезисов докладчиков: «Ужасно сложная работа обследовать семьи, даже просто застать дома»; «... у красноармейца две, три а иногда и четыре жены, это факт и надо выдавать чуть не 27 детям паек. Декрет этого не предусматривает»; «Мы устроили справочное бюро и наблюдается картина, что местные власти вместо того, чтобы выдавать паек жене или отцу красноармейца отбирают последнюю корову» [13. Ф. 16. Оп. 1. Д. 143. Л. 28–29, 40].

По данным Политико-просветительского управления Петроградского военного округа паек получали 2,5 млн членов семей красноармейцев. За июль – сентябрь 1919 г. на эти нужды по Петроградской губернии было выделено 23 млн руб. (в том числе только по Петрограду – 18,5 млн руб.), по Псковской – 30 млн, по Новгородской – 16 млн [13. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 3]. По состоянию на весну 1919 г. «из числа зарегистрированных» по Псковской губернии в оказании помощи нуждались 7754 хозяйства красноармейцев [4. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 1 об.]. Только по Островскому уезду Псковской губ. за октябрь 1919 г. были удовлетворены пайком 1 514 семей красноармейцев на сумму 1 048 062 руб. 46 коп., обработано с общественной помощью 57 десятин земли, выдано 18 плугов, 73 пуда посевного зерна [1, с. 79]. В 1920 г. в Мозинской волости Детскосельского уезда пособия из 233 семейств красноармейцев получала только треть. По словам работника волостного комдезертира, «такое явление объясняется частью незнанием, в большинстве же случаев отсутствием удостоверений» [14. Ф. 5275. Оп. 7. Д. 3. Л. 275]. То есть проблема заключалась не в недостатке средств, натурального пособия, а в бюрократических проволочках, неорганизо-

ванности на местах, недостатках учета, информированности, хотя данный уезд уж точно не являлся «медвежьим углом» губернии.

21 января 1921 г. Наркомюст дал свое заключение на весьма курьезный запрос из Наркомата социального обеспечения о праве на социальную помощь для семьи расстрелянного за военное дезертирство. «... Такой трудящийся как военный лишил свою семью всяких прав на обеспечения в форме карточек "Красной Звезды" и очевидно не остался в качестве трудового члена трудового государства, так как и тут своим уклонением он оказался трудовым дезертиром. Обеспечение семьи такого трудящегося всеми видами социального обеспечения наравне с прочими семьями трудящихся, исполняющими свой долг, было бы своеобразной привилегией и делало бы призрачными все меры борьбы с дезертирством» [5. А-413. Оп. 2. Д. 1011. Л. 48].

Целиком посвящена вопросам помощи семьям «честных красноармейцев» 16-ти страничная брошюра С. Гарина. Не скрывая проблем и трудностей, автор пытался подвести читателя к выводу об элементарной выгодности службы в Красной армии, что должно было еще более подчеркиваться контрастом с дезертирами, семьи которых такими правами и льготами не обладали. Он признавал: «не может солдат идти с бодрым настроением в бой, когда у него неотступно перед глазами образ плачущей матери и тянущихся к ней за куском хлеба голодных ребят». Но отныне все будет иначе: полная поддержка хозяйств честных воинов, а те, кто не выполнил своего долга по защите рабоче-крестьянской России, пусть «... платятся своим имуществом в пользу стойких бойцов на народную землю и волю» [2, с. 4].

Конфискации («отбирать скот, хлеб и прочее») должны были явственно показать вредность дезертирства и желательность выдачи уже бежавших. Семья дезертира ощущала преступление своего родственника непосредственно на своей шкуре. В телеграмме председателя ЦКД Данилова в Петроградскую ГКД (копии губисполкому, губернскому парткомитету, окружной комдезертир (далее ОКД)) от 2 февраля 1920 г. предупреждалось о неминуемом «временном» всплеске дезертирства, в связи с чем требовалось повышение настойчивости и систематичности борьбы, – с особым упором на экономические меры принуждения в первую очередь против укрывателей, к которым он относил и сельские власти. Тактично, но сурово применяя репрессии, необходимо было добиться того, чтобы местное население, власти «... боялись появления дезертира, старались избавиться от него» [13. Ф. 16. Оп. 1. Д. 387. Л. 25].

Конфискациям подлежало самое разнообразное имущество: например, у дезертира Крючихина была отобрадена швейная машинка и передана в швейную мастерскую, оказывающую помощь семьям

красноармейцев Урицкой волости. За все время работы (март 1919 г. – апрель 1921 г.) только Новоржевской уездной комдезертир (далее УКД) (Псковская губерния) было конфисковано у дезертиров и их укрывателей 263 коровы, 30 нетелей, 90 лошадей, 55 овец, 4 свиньи, 396 пудов хлеба, 1244 пудов сена, 22 пуда льна, 14 повозок, 2 железных плуга, 2 саней. Кроме того, за период с марта 1919 по 1 января 1921 г. та же комиссия изъяла 23 земельных надела, наложила штрафов за укрывательство на сумму 1 407 500 руб., в добавок было «подвергнуто различным наказаниям и взысканиям» 723 чел. и 16 деревень [4. Ф. 51. Оп. 1. Д. 96. Л. 12, 30, 32].

Постановлением Совета обороны от 3 июня 1919 г. революционным трибуналам, а там, где их нет, ГКД, было предоставлено право проведения конфискаций имущества и наделов у беглецов и уклонистов, наложения на них штрафов. Все отчужденное передавалось во временное пользование семьям красноармейцев. В пропагандистских целях укрыватели дезертиров (особенно родители-кулаки) приговаривались к общественным работам на полях семей «честных красноармейцев». В декабре того же года эти права были распространены и на уездные комдезертир.

В 1919 г. экономические меры борьбы с дезертирством еще отнюдь не были во главе угла, но определенное будущее за ними, несомненно, угадывали. Так, факт наложения штрафов за укрывательство на 34 семьи дезертиров за вторую половину августа 1919 г. в Псковской губернии был отмечен в Москве на самом высоком уровне [5. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 35]. Дело стояло за четкой и налаженной системой, что было, по большому счету, вопросом времени и воли властей на местах. Последнее было весьма затруднительно, учитывая напряженнейшее положение северо-западных губерний в 1919 г. Массовое проведение конфискаций у укрывателей стало возможным только с осени 1919 г. Ранее этому препятствовало как физическая невозможность такого процесса со стороны представителей Советской власти, так и отсутствие четкой законодательной оформленности. С конца 1919 г. в Петроградской губернии было отмечено, что «если нарастание количества скрываемых дезертиров шло в арифметической прогрессии, то штрафование и применение репрессивных мер... шло в прогрессии геометрической» [14. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4. Л. 13 об.].

Целью и сутью именно систематической борьбы было создание у дезертиров (действительных и потенциальных), их семей, общества в целом уверенности в том, что ни один случай уклонения или бегства из армии не останется безнаказанным. Любой факт недонесения о проживании дезертиров военным властям должен был неуклонно влечь «общую ответственность населения». То, что имущественные взыскания, конфискации скота и наделов действо-

вали на население гораздо успешнее, чем применение силы и влекли за собой выдачу или массовую явку дезертиров, свидетельствуют данные других регионов, например Пензенской губернии [7, с. 185].

Конфискации предписывалось проводить крайне осторожно и с дифференцированным подходом: «у кого – курицу, у кого – корову». Распределение изъятого имущества в пользу нуждающихся семей «честных красноармейцев» позволяло, по словам С. Оликова, одновременно и прекратить пересуды о «других целях в отношении... имущества», и «наглядно провести границу между красноармейцами и дезертирами» [10, с. 53].

У восьми дезертиров, добровольно явившихся в 3-ю районную комдезертир Петрограда, «по обследованию их имущественного положения конфискацию провести не представляется возможным, так как эти граждане не имеют никакого имущества» [14. Ф. 5275. Оп. 3. Д. 545. Л. 115]. В Петроградской губернии ситуация была несколько лучше, чем, к примеру, в Псковской, бывшей долгое время ареной боевых действий, где имелась «... слишком большая категория семей дезертиров... у которых и взять нечего» [14. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4. Л. 121].

После восстановления экс-дезертира на службу льготы его семье возвращались. За декабрь 1920 г. по Псковской губернии за дезертирство были лишены пособий 434 семьи, одновременно восстановлены в правах по возвращении в Красную армию 87 семей [4. Ф. 609. Оп. 1. Д. 686. Л. 143]. Наложённые уездными комдезертир конфискации могли быть в семидневный срок оспорены пострадавшей стороной или по ходатайству местных властей в ГКД.

В мае 1920 г. приказом Политического управления РВСР устанавливалась практика заочной описи имущества возвращенных в Красную армию экс-дезертиров. Они предупреждались, что в случае нового побега их семьи подвергнутся конфискациям [5. Ф. 130. Оп. 4. Д. 221. Л. 48 об.]. Это вряд ли получило широкое развитие, так как описать имущество десятков и сотен тысяч дезертиров, возвращенных в армию, было делом неподъемным, но определенную отрезвляющую роль такие «условные конфискации» сыграли.

Рассмотрим ситуацию с государственной помощью и значением конфискаций в этой помощи по конкретному уезду – Петроградскому. За первое полугодие 1919 г. здесь было удовлетворено пайком только 1647 семей красноармейцев, в июле – 3 тыс., в августе 4 тыс., в декабре 7 тыс., в феврале 1920 г. 8 424 семей. Несколько улучшить положение семей красноармейцев осенью 1919 г. удалось путем раздачи им ржи, убранный с полей дезертиров и перебежчиков на сторону белых в северных, пограничных с Финляндией волостях уезда [14. Ф. 5275. Оп. 7. Д. 1. Л. 51].

Порядок проведения конфискации был следующим: один из членов УКД выезжал на место, где «добывал следственный материал», на основании которого в присутствии свидетелей составлял протокол и представлял его комиссии по борьбе с дезертирством. Последняя, опираясь на него, выносила решение. «Инструкция УКД о применении репрессий к укрывателям дезертиров» допускала конфискации рабочего скота лишь «у элемента явно кулацкого и укрывателей особо злостных» [5. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 119]. Перед конфискацией местная комдезертир составляла «опись имущества семьи дезертира». В ней фиксировалось семейное положение с указанием возраста каждого члена семьи, имущественное положение (сколько во владении семьи коров, лошадей, плугов, борон, пудов сена, телег и т. д.) и есть ли еще в семье красноармейцы. Исходя из описи и серьезности преступления (а также, конечно, из «текущего момента») определялся размер конфискации. Предписывалось непременно выдавать квитанции на сданные деньги, «предметы живого и мертвого инвентаря» и справки об их дальнейшем применении. При проверке отчетности комиссий по Петроградской губернии обнаружилось множество случаев расходования конфискованного имущества не по назначению. Здесь и растрата средств «на нужды Комиссий или отрядов», и произвольные конфискации, которые «лишь впоследствии санкционировались дезертиркомиссией».

Говоря о противоправных действиях при проведении конфискации, нужно иметь в виду, что главную «деструктивную» роль играли не работники комдезертир, а приданные в ее распоряжение вооруженные отряды. Скорее всего, злоупотребления не носили какого-либо повального характера, а объяснялись соображениями плохого снабжения самих отрядов, что толкало их на путь «самообеспечения». Акт проверки Торопецкой УКД (Псковская губерния) в августе 1920 г. показал, что «конфискованный скот за исключением одной лошади, оставленной при комиссии, и овцы, «съеденной кр-цами», был сдан в продовольственный комитет и в комиссию по улучшению быта семей красноармейцев [14. Ф. 5275. Оп. 4. Д. 2. Л. 106]. 20 ноября 1920 г. датирован рапорт Псковской ГКД губернскому военкому о необходимости распределения части конфискованного у дезертиров обмундирования между членами отрядов [4. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 43].

Что касается применения штрафов в качестве меры наказания за дезертирство и укрывательство, любопытна реакция председателя РВСП Троцкого на сводку о борьбе с дезертирством за 1–15 мая 1920 г., изложенная им главе ЦКД Данилову в телеграмме от 3 июня того же года. По его мнению, штраф, являющийся наиболее легким наказанием, «совершенно очевидно... не имеет никакого значения и равносителен безнаказанности». Троцкий предлагал отме-

нить штрафование и сосредоточиться на конфискации. В ответ С.С. Данилов, не отрицая важности проведения активных конфискации, подчеркивал важность такой меры как штрафы: они «должны применяться как одно из несуровых наказаний населения за круговой порукой» [11. Ф. 11. Оп. 3. Д. 86. Л. 19–20].

С августа 1919 по март 1920 г. по Петроградской губернии было наложено штрафов за укрывательство на сумму 1 638 735 руб. 75 коп., из них 450 000 руб. – на целые села [14. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4. Л. 13 об.]. Один из актов контролера Псковского губотдела рабоче-крестьянской инспекции, составленный по обследованию Псковской уездной комдезертир, позволяет увидеть все многообразие валют, имевших хождение среди населения в годы Гражданской войны. В числе конфискованных 41 471 руб. имелись: 5 руб. золотой монетой, 4 руб. 95 коп. медной монетой, 24 руб. 20 коп. серебром, 100 руб. 5-процентным «Займом Свободы», керенок на 12 820 руб., «думками» 5 000 руб., марками 258 руб., царскими 2 664 руб., советскими 20 594 руб. 95 коп., 16 5-процентных листов Московского городского кредитного общества на сумму 16 000 руб., купонов на 2 362 руб. 50 коп., семь акций на сумму 700 руб. [14. Ф. 5275. Оп. 4. Д. 2. Л. 91 об.].

Если концентрация дезертиров в конкретном селе была чрезмерной, а жители не способствовали их выдаче, то такая круговая порука каралась порукой другого типа: штрафом, наложенным на все село. Инструкция Наркомюста и ЦКД от 6 августа 1919 г. впервые закрепила за ГКД право налагать штрафы на целые деревни и волости [12, с. 52]. Целью было добиться добровольной сдачи дезертиров под давлением односельчан. Только за июнь 1920 г. по Петроградской губернии штрафом были обложены 19 волостей и сел [14. Ф. 5275. Оп. 9. Д. 4. Л. 20–20 об., 22–22 об.]. После того как «дезертиры и бандиты в Дунянской и Дроздовской волостях совсем обнаглели и не остановились перед гнусным убийством уполномоченного разъездного бюро Военной секции Петросовета тов. Назарова, работавшего в этих волостях по ловле изменников трудящихся», на население за укрывательство дезертиров и бандитов (которые так и не были арестованы) был наложен огромный штраф: 80 лошадей, 200 коров, 500 овец. Санкции были применены и к представителям местной власти, каковые «не приняли никаких мер к искоренению дезертирства и не донесли своевременно о месте нахождения этого осинового гнезда» [14. Ф. 5275. Оп. 4. Д. 2. Л. 101].

В марте 1920 г. председателю Петроградской ГКД было указано на слабую работу с укрывателями дезертиров в Петрограде, о чем говорили малые цифровые показатели репрессий к председателям домкомбедов и к квартирохозяевам, у которых проживали дезертиры. Заместитель председателя Петроградской ОКД Федоровский

жестко отреагировал на двухнедельную сводку работы Псковской ГКД (1–15 июля 1920 г.): «Предлагаю тов. Шпыневу¹ вместо литературных трудов заняться вопросами о проведении в жизнь конфискации как средства к искоренению дезертирства. Задержанных за время с 7–15 июля – 2379 чел., а конфисковано 2 надела... – А скот... – разве нет укрывателей [?]]» [14. Ф. 5275. Оп. 4. Д. 6. Л. 70]. Псковская ГКД, оправдываясь, ссылалась на тяжелое положение населения губернии и указывала, что количество конфискации относительно числа дезертиров невелико не от слабости работы – это «явление, общее для всей Республики, и Псковская комдезертир по числу произведенных конфискации стоит далеко не на последнем месте» [14. Ф. 5275. Оп. 4. Д. 2. Л. 121].

Этот окрик сверху был наверняка вызван давлением на саму ОКД со стороны Всероссийского главного штаба по итогам поданной сводки за все ту же первую половину июля: «Совет Штаба обращает внимание на слабое проведение репрессий (конфискации)... Предлагается решительно воздействовать на губернии Округа в смысле действительного усиления репрессий» [11. Ф. 11. Оп. 3. Д. 86. Л. 363]. В качестве примера для подражания были приведены данные по Московскому округу: 2 567 конфискации за 1–15 июля. Федоровский спустил справедливую критику ниже по вертикали.

По Петроградскому военному округу за 1919–1920 гг. было наложено более 15 тыс. конфискации, только в одном 1920 г. изъято 6500 голов крупного рогатого скота и до 900 лошадей [14. Ф. 83. Оп. 1. Д. 139. Л. 13 об.].

22 апреля 1920 г. был опубликован декрет о реквизициях и конфискации, по которому отменялись все прежние противоречащие ему узаконения. В число таковых попала и законодательная основа прав наложения комдезертир полной или частичной конфискации имущества у дезертиров и их укрывателей, отнятии земельного надела или его части. По оценке ЦКД это неминуемо губительно отразилось бы на антидезертирской работе, тем более что в это время «дезертирство проявляет тенденцию к усилению» [5. Ф. 130. Оп. 4. Д. 281. Л. 31]. Просьбы ЦКД «в срочном порядке» пересмотреть декрет были удовлетворены.

Применение экономических санкций запутывала следующая коллизия: когда конфискация должна быть произведена у семьи дезертира, брат, например, которого честно служил в Красной армии, а хозяйство у них общее. Такая ситуация встречалась нередко, учитывая обычное многочадие того времени. Эту двусмысленность разъясняла телеграмма ЦКД от 8 августа 1919 г.: «За семьями, у ко-

¹ И.С. Шпынев – председатель (с июня 1920 г. – заместитель председателя) Псковской ГКД в 1919–1921 гг.

торых один из сыновей дезертир, а другой честный красноармеец, сохраняются все виды помощи и пособия, установленные для семей красноармейцев» [12, с. 12]. Впоследствии при массовом применении конфискации имущества как основного вида наказания семей дезертиров такие казусы становились острее. В новом разъяснении ЦКД от 4 августа 1920 г. уточнялось, что имущество таких семей все же может быть подвергнуто конфискации, но лишь в «доле, причитающейся дезертиру» [5. Ф. 7274. Оп. 1. Д. 80. Л. 222].

Государственная поддержка семей «честных красноармейцев» как гарантия спокойной службы в отрыве от дома и хозяйства из-за скудности средств не стояла на высоком уровне, но, тем не менее, этой помощью и льготами дорожили. В ходе Гражданской войны уже к весне 1920 г. самой верной стратегией борьбы с дезертирством на Северо-Западе была признана конфискация имущества, главным образом скота, привлечение виновных в укрывательстве к трудовой повинности. Целью было вызвать «враждебное отношение к дезертирству». Конфискации понимались и как важнейший элемент построения нового мира – достижение «искусственной пролетаризации кулаческих элементов» через раздачу конфискованного бедным. Несмотря на все недочеты, эта практика была успешной даже скорее не в количественном плане, а в том эффекте, который она имела в крестьянской среде. Это были не абстрактные кары на голову дезертиров, рассыпаемые государственной пропагандой, а очень конкретное и болезненное наказание «рублем».

Список литературы

1. Бармина Я.Ф. Курзиниер М.Я. Из истории организации Красной армии в Псковской губернии в 1918–1919 гг. // Красная Летопись. – 1930. – № 1.
2. Гарин С. Как Советская власть заботится о красноармейцах и их семьях. – М.: Лит.-издат. отдел Полит. упр. РСФСР, 1919.
3. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО).
4. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
6. Дан Ф.И. Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921. – М., 2006.
7. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М., 2009.
8. Кривошеев Г.Ф. О дезертирстве в Красной армии // Военно-истор. журнал. – 2001. – № 6.
9. Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии. – М., 1926.
10. Оликов С.П. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. – Л., 1926.
11. Российский государственный военный архив (РГВА).
12. Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. Вып. 3. – М., 1919.
13. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД).
14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Тактические десанты Ладожской военной флотилии в июле 1941 г.

В статье рассматриваются десантные операции на острова Лункулансаари и Мантсинсаари, проведенные Ладожской военной флотилией в начальный период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Особое внимание уделяется процессу подготовки к операциям, их осуществлению, мероприятиям, последовавшим за неудачей десанта.

In article landing operations on islands Lunkulansaari and Mantsinsaari spent by the Ladoga military flotilla in an initial stage of the Great Patriotic War of 1941–1945 Special attention are considered is given to process of preparation for operations, their realization, the actions which have followed failure of a landing.

Ключевые слова: Ладожская военная флотилия, морские десанты, оборона Ленинграда, острова Лункулансаари и Мантсинсаари.

Key words: the Ladoga military flotilla, sea landings, defense of Leningrad, islands Lunkulansaari and Mantsinsaari.

В июне 1941 г. на Ладожском озере была воссоздана военная флотилия. Основными боевыми задачами соединения на начальном этапе Великой Отечественной войны стало содействие флангам сухопутных армий. Помимо организации снабжения, доставки подкреплений, артиллерийской поддержки, важным направлением деятельности была высадка десантов. Десантные операции на Ладоге, сыгравшие важную роль, историками упоминаются вскользь.

Так, не проясненным остается вопрос о силах Ладожской военной флотилии (ЛВФ), привлекаемых к высадке. В.И. Ачкасов и Н.Б. Павлович приводят следующие данные корабельного состава: «2 канонерские лодки, 2 бронекатера, 2 сторожевых катера типа "МО-4" и несколько катеров типа "КМ" и "Р" [1]. «Боевая летопись военно-морского флота 1941–1942 гг.», изданная десятью годами позже, называет уже три канонерские лодки, сторожевой корабль и катера [2]. В статье В.А. Мосунова фигурирует еще и тральщик (ТЩ-100) [5]. Разнятся и точки зрения на итоги десантных операций. Адмирал флота И.С. Исаков, являвшийся инициатором высадки на острова, оценивает действия ЛВФ как успешные, способствующие стабилизации фронта [3]. Фельдмаршал К.Г. Маннергейм в своих мемуарах склонен недооценивать последствия десантной операции [4].

Между тем способствовать изучению темы будут документы, найденные автором в фондах Центрального Военно-морского архива в городе Гатчина. Во-первых, речь идет о материалах, представленных в виде акта и систематизированной таблице на утраченное имущество 4-й Морской бригады, составленных комиссией соединения 10 августа 1941 г. Документы направлялись в Штаб Морской обороны Ленинграда и Озерного района (МОЛ, и ОР) – далее Штаб обороны, имели гриф «Совершенно секретно» и печатались в двух экземплярах [6]. Во-вторых, материалы военной флотилии: Отчет о боевой деятельности ЛВФ в кампанию 1941 г., направленный в апреле 1942 г. командующему КБФ В.Ф. Трибуцу, содержит структурированный по времени и выполняемым целям статистический материал. Этот документ визировался командующим, военным комиссаром, начальником штаба флотилии, печатался в двух экземплярах и также имел гриф «совершенно секретно» [7]. Особое место в изучении темы занимают нормативные документы, определяющие не только цели и задачи, но и состав, структуру, штаты ладожской военной флотилии. К ним отнесем приказы народного комиссара Военно-морского флота адмирала Н.Г. Кузнецова, направляемые из Москвы. Распоряжения заместителя наркома ВМФ адмирала И.С. Исакова, решения главнокомандующего войсками Северо-Западного направления маршала К.Е. Ворошилова, исходящие из Ленинграда. Адресованные командованию Ладожской военной флотилии, они охватывают период июнь – август 1941 г. Документация содержит грифы «Секретно» и «Совершенно секретно» [8].

Военная флотилия на Ладожском озере была воссоздана приказом народного комиссара ВМФ от 25 июня 1941 г. К началу июля она вошла в оперативное подчинение штаба обороны, который определяет состав флотилии следующим образом: 6 канонерских лодок, 6 тральщиков, 28 различных катеров и береговые части [7. Л. 2–5, 7]. Задачи, поставленные перед ЛВФ, сводились к обеспечению перевозок и поддержке сухопутных войск. 10 июля в связи с возможностью прорыва финских войск на побережье Ладоги флотилия поступила в оперативное подчинение командиру 19-го стрелкового корпуса. К 17 июля финны прорвали фронт на участке северовосточнее Ладожского озера, связь с подразделениями 19-го стрелкового корпуса была нарушена. Для создания угрозы флангу наступающего противника было принято решение о высадке десантов на острова Лункулансаари и Мантсинсаари.

Десантную операцию 24–28 июля 1941 г. стоит разделить на несколько этапов: подготовка, проведение высадки, бой за острова, эмбаркация (вынужденная эвакуация десанта). Ввиду дробления десанта на две части необходимо рассматривать их действия как две отдельные операции.

Первый этап – подготовка и развертывание сил – осуществлялся с 7 часов 19 июля. В это время от заместителя наркома ВМФ адмирала И.С. Исакова был получен приказ об организации и проведении десанта. Руководство операцией было возложено на командующего МОЛ и ОР контр-адмирала Ф.И. Челпанова [7. Л. 12]. Уже на этапе подготовки выявляется спешный, порою импровизированный характер её претворения в жизнь. Так, задуманная операция должна была проходить при тесном взаимодействии ВМФ, ВВС и приданных сухопутных подразделений. Однако привлекаемая для перевозки и артиллерийской поддержки ЛВФ находилась в состоянии развертывания и доукомплектования. Командующий флотилией контр-адмирал П.А. Трайнин был назначен на этот пост 18 июля, а начальник штаба капитан 1 ранга В.П. Боголепов тремя днями спустя. В обстановке смены командования ЛВФ в составе трех канонерских лодок («Бира», «Олекма», «Селемджа»), сторожевого корабля («Пурга»), 11 различных катеров и 9 транспортов («Совет», «Республика», «Кремль», «Щорс», «Чапаев», «Илга», «Вилсанди», «Ханси», «Стенсо») привлекается к операции. Процесс экстренной подготовки затронул все подразделения, участвовавшие в десанте. В частности, воздушное прикрытие обеспечивала авиагруппа, созданная позднее – лишь 19 июля. 5 МБР-2, 6 СБ и 6 И-15 бис, прибывшие с КБФ, сформировали ядро ВВС на Ладоге [8. Л. 217].

Особую роль в подготовке следует отнести силам десанта. Отсутствие частей для десантной операции побудило командование развернуть 4-ю бригаду морской пехоты. Четыре батальона бригады, по замыслу операции, и должны были совершить высадку. Однако формирование 1-го и 2-го батальонов началось 19 июля, 3-го и 4-го лишь 22 июля 1941 г., вследствие чего принять участие в десантировании они не смогли. По штату батальон состоял из 765 чел., причем комплектование личным составом 1-го батальона производилось из различных частей КБФ, а 2-го – из Краснознаменного учебного отряда подводного плавания имени С.М. Кирова (КУОПП). Существенное количество бойцов было призвано из запаса. Вооружение и обмундирование были получены из КУОППа, Военного порта и других подразделений флота. Командный и политический состав был набран из преподавателей Военно-морских учебных заведений [6. Л. 307–310]. Отсутствие времени (менее четырех суток) не позволили провести обучение частей.

Во время подготовки наладить связь с сухопутными частями 7-й армии, в интересах которой проводилась операция, не удалось. Не проясненным остался также вопрос о силах противника на островах. Разведка проводилась лишь один раз (в ночь на 23 июля), выявить значительные силы финнов разведгруппы не смогли. Не вызвал беспокойства и факт исчезновения одной из разведгрупп. К началу операции командование было уверено в невозможности ока-

зять противодействие десанту, вопрос о переброске частей противника с материка всерьез не рассматривался.

Коррективы в планирование внесла быстро меняющаяся обстановка на восточном берегу Ладоги. Уже на этом этапе выявляются разногласия во взглядах командования. Так, распоряжением адмирала Исакова силы высадки были уменьшены до батальона. Непосредственное руководство в лице контр-адмирала Челпанова настаивало на отмене десанта и усилении его силами сухопутных частей, сражающихся под Видлицей. В результате переписки, обмена радиограмм 22–23 июля высадка на остров Лункуланссари трижды была подтверждена. Таким образом, единая операция 4-й бригады морской пехоты по высадке на Лункулансаари и Мантсинсаари была раздроблена на две отдельные операции, проводимые неоправданно ограниченными силами. Вечером 23 июля приказ о десантировании был направлен командирам транспортов, боевых кораблей, батальона и рот.

Второй этап – с 7 ч 48 мин 24 июля 1941 г. – это собственно начало высадки на Лункуланссари. Ошибки ответственных за навигацию и метеоусловия (туман) не позволили действовать в соответствии с планом. Опоздание на пять часов привело к проведению развертывания и высадки на глазах у противника. Сказалось и отсутствие разведанных: на подходе к острову артиллерийским огнем был потоплен катер «КМ-11», на канонерской лодке «Олекма» прямым попаданием убито 4 и ранено 11 чел. (в том числе командующий ЛВФ контр-адмирал Трайнин) [7. Л. 12–15, 17]. Начальник штаба флотилии капитан 1 ранга Боголепов продолжил руководить высадкой.

Высаживаемый 1-й батальон был разделен на три группы (рота с усилением в каждой) с различными участками десантирования. Артиллерийская поддержка каждой группы осуществлялась канонерской лодкой и катером. Для воздушного прикрытия использовались истребители авиагруппы, барражировавшие над островом. В целом высадка при сопротивлении незначительных сил противника проходила успешно и к 12 часам была закончена. Роты начали продвижение в глубь Лункуланссари.

Третий этап. Бой за остров проходил с полудня 24 до вечера 25 июля. Недооценка противника привела к распылению сил 1-го батальона. Действуя разрозненно, группы углубились на территорию острова и завязали бой. Отсутствие связи с командованием флотилией сделало невозможной артиллерийскую и авиационную поддержку. Переброска на остров подкреплений противника уже к 14 часам 24 июля, применение им авиации заставили десантные части отходить к берегу. Обстановка осложнялась отсутствием резервов и единого командования. В этих условиях крайне непродуманно выглядит решение контр-адмирала Челпанова лично отправиться за 2-м батальоном в Шлиссельбург [7. Л. 16]. Коман-

дующий операцией практически самоустранился от руководства силами десанта. Усугубляло положение и двойственность подчинения ЛВФ: одновременно МОЛ и ОР и 19-му стрелковому корпусу. В отсутствие контр-адмирала Челпанова командир корпуса приказал выделить канонерские лодки для артподдержки флангов, что и было сделано в ущерб десантной операции. Штаб флотилии и лично Боголепов не смогли организовать взаимодействие с десантными частями. Эвакуация раненых, доставка боезапаса и продовольствия не могли оказать серьезного влияния на исход боя. К утру 25 июля бой переместился на побережье. Артиллерийское воздействие противника привело к уничтожению катера «БКА-98», выведению из строя канонерской лодки «Олекма».

К полудню 25 июля остатки десантных частей на острове, по сути, остались без какой-либо поддержки. В этих условиях штаб ЛВФ направил донесение о положении 1-го батальона адмиралу Исакову, но, несмотря на сложившуюся ситуацию, приказ о захвате острова оставался в силе. К исходу 25 июля остатки десантных групп были уничтожены. Кораблями ЛВФ было подобрано 109 чел., из них 50 раненых [7. Л. 25].

Провал десанта на Лункуланссари привел к изменению планирования операцией. Силами 2-го батальона следовало захватить соседний остров Мантсинсаари. Таким образом, десантная операция, проводимая без учета сложившейся обстановки, переросла в отдельную операцию, состоявшую так же из четырех этапов.

Подготовка к высадке на Мантсинсаари носила еще более спешный характер. В 17 часов 25 июля контр-адмиралом Челпановым было проведено совещание, где и были поставлены задачи десанту. Уже в 4 часа 26 июля отряд транспортов «Щорс», «Чапаев», «Илга» подошел к острову. Метеорологические условия (туман) вновь не благоприятствовали высадке. Канонерские лодки «Бира» и «Селемджа» вследствие посадки на мель не смогли участвовать в артподготовке. Её осуществлял лишь флагманский сторожевой корабль «Пурга». К тому же эффект внезапности был утрачен вследствие появления разведсамолета противника. Второй батальон, усиленный шестью 45-мм орудиями, высаживался двумя группами. Не встретив сопротивления во время высадки, десант продвигается в глубь острова. Как и в случае с первым десантом, связь отсутствовала. Лишь через сутки в 7 часов 30 минут 27 июля связь удалось восстановить [7. Л. 16–20, 27].

Бой на острове велся неорганизованно, противник в ночь на 27 июля перебросил дополнительные силы и начал теснить части десанта. Уже утром 27 июля командование батальона и 130 бойцов на плотках попытались эвакуироваться с острова. Ввиду невозможности дальнейшего управления войсками контр-адмирал Челпанов приказал снимать оставшиеся части с острова. Катерами и шлюпка-

ми было эвакуировано 548 чел., из них 40 раненых. Операция по захвату Мантсинсаари, проведенная без должной организации и напора, также провалилась.

По итогам десантов, 24–28 июля потери ЛВФ состояли в следующем: катера «БКА-98», «КМ-11», повреждена канонерская лодка «Олекма». Потери в людях: убито пять, пропало без вести – пять, ранено – 13 чел. [7. Л. 25].

Что касается потерь собственно десанта, то здесь данные разнятся. Подобрано с берега и на воде: из 1 батальона – здоровых 59, раненых 50; из 2-го батальона здоровых 548, раненых 40. Итого 697 чел. Учитывая штатную численность двух батальонов в 1530 бойцов и командиров, безвозвратные потери составили 830 чел. Иллюстрацией спешности эвакуации служат потери снаряжения: утрачены все шесть орудий, 52 ручных и станковых пулеметов, все химическое имущество и многое другое [6. Л. 307–310].

Думается, что основными причинами разгрома десантов на Лункулансаари и Мантсинсаари являются: поспешный, порою лихорадочный характер подготовки и проведения операций, отсутствие единого слаженного руководства, неподготовленность подразделений на всех уровнях (начиная от рядового состава, заканчивая штабами). Командования ЛВФ, понимая всю сложность дальнейших действий, стремились ликвидировать недостатки, так, уже 5–6 августа 1941 г. было проведено учение по высадке десанта на остров Валаам. Хотя определенный эффект был, но последующие десанты в сентябре 1941 г. закончились так же плачевно. Выводы пытались сделать, и несмотря на поражение под Шлиссельбургом, опыт накапливался.

Десантные операции июля 1941 г. имели далеко идущие последствия для Ладожской военной флотилии. Неудача десантов привела в повышенному вниманию к проблемам Ладоги командования Северо-Западного направления. Уже в начале августа 1941 г. ЛВФ была усилена 7 боевыми самолетами, 28 катерами, сторожевым кораблем, 2 канонерскими лодками и другими частями, что, безусловно, повысило боеспособность флотилии [8. Л. 56–58, 68, 100].

Список литературы

1. Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. – М., 1973.
2. Боевая летопись Военно-морского флота (1941–1942). – М., 1982.
3. Исаков И.С. Военно-морской флот СССР в Отечественной войне. – 2-е изд. – М.-Л., 1945.
4. Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. – 508 с.
5. Мосунов В.А. Формирование и первые боевые операции 4-й бригады морской пехоты // Северо-западный регион в первый год Великой Отечественной войны. – СПб., 2006. – С. 120–126.
6. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 580. Оп. 1. Д. 4.
7. ЦВМА. Ф. 505. Оп. 028603. Д. 1.
8. ЦВМА. Ф. 505. Оп. 0017868. Д. 3.

УДК 94(47).027/05:351.755.6

С. И. Митюшин

Зарождение паспортной системы в России

В статье рассматривается начальный этап формирования паспортной системы как способа контроля за передвижением русских подданных и иностранцев по территории России и за ее пределы.

The article deals with the initial stage of forming the passport system as an effective way of checking out the Russian citizens and foreigners movement across the Russian territories and their going abroad.

Ключевые слова: перемещение населения, учет, регистрация, документы, паспорт.

Key words: population movement, checking out, registration, documents, passport.

На всех этапах человеческой истории миграционные процессы обуславливались определенными факторами. Среди них политические, религиозные, военные и др. Однако подавляющая часть всех переселений вызывалась экономическими причинами. Так, формирование и развитие российского государства, расширение его территории положили начало перемещению коренного населения и иностранцев на Руси, которое потребовало организации контроля за этим процессом.

С началом развития заграничной торговли предпринимаются первые попытки учета и документирования передвижения отечественных и зарубежных купцов. В Лаврентьевской летописи в сообщении за 945 г. мы находим, что иностранным купцам княжеская администрация выдавала грамоты, в которых были обозначены их корабли [1, с. 48–49].

Передвижение заграничных купцов («гостей») органы городского самоуправления пытались контролировать путем размещения их на специально отведенных подворьях – «гостиных дворах».

Учет населения был организован первоначально в Киевском и Новгородском княжествах с целью податного обложения граждан.

Уже с конца XIII в. В Новгороде фиксируются попытки установления контроля за перемещением с помощью регистрации как иностранцев, так и коренного населения. В данный период для лиц, выезжавших в другие государства и приезжавших иностранцев, были введены «проезжие грамоты», которые служили своего рода удостоверением личности. С помощью таких удостоверений местные власти могли контролировать и поведение приезжих лиц.

В XIV–XV вв. в северо-восточную Русь из южных княжеств двигались миграционные потоки населения. Это заставило власть задуматься над формированием системы письменного учёта населения и контроля за его перемещением. Так, письменному учёту в XIV в. подлежали земельные участки как объекты обложения. В результате описания земли составлялось «сошное письмо», заносимое в писцовые книги. В них отражались сведения о населении, содержались записи, характеризующие положение крестьян, выполняемые ими повинности и другие данные [2, с. 34].

Возвышение и укрепление Московского централизованного государства в конце XV – начале XVI в. привело к тому, что русским подданным, отправляющимся за границу, и всем иностранцам, въезжающим в Россию, выдавались «проезжие грамоты». Они являлись разовым, временным документом, предоставлявшим возможность пересекать несколько русских воеводств, проезжать по многим городам и провинциям, проникать за границы чужих княжеств.

Изначально такие грамоты имел право выдавать только лишь царь, в конце XVI – в первой половине XVII в. данное право стало принадлежать и центральным московским учреждениям, таким как приказ Посольский, Иноземный, Сибирский, Разрядный и приказ Казанского Дворца.

Практика выдачи таких грамот была юридически закреплена первым печатным кодексом русского права – Соборным Уложением 1649 г., документом, сохранившим свою актуальность на протяжении более двухсот лет. В соответствии с уложением в городах воеводам предписывалось «давати проезжие грамоты безо всякого задержания» тем, кто ехал в иное государство мирное с Московским «для торгового промыслу или иного для какого своего дела» [8, с. 80].

За проезд в другое государство без проезжей грамоты по торговым делам предусматривалось наказание кнутом, а с целью государственной измены «или для иного какого лихого дела» – смертная казнь [8, с. 80].

Просьбы на выдачу таких грамот следовало подавать в Москве на имя царя, в других городах на имя воевод. Совершенствуя систему и контроль за выдачей проезжих грамот, царское правительст-

во, таким образом, обеспечивало государственную безопасность. Следует отметить, что в целях поощрения внешних экономических связей жителям городов и сел, порубежных с литовскими и немецкими землями, разрешалось пересекать границу без проезжих грамот [8, с. 81].

Иноземные купцы могли ездить по территории Российского государства лишь при наличии у них проезжей грамоты, выданной в Посольском приказе.

По Новоторговому уставу от 22 апреля 1667 г. торгующих иностранцев разрешалось пропускать в Москву и другие города лишь в тех случаях, если у них будут «...Великаго Государя жалованная грамоты о торгах, за красною печатью...» [3, с. 7]. Что же касается тех иностранцев, у которых таких грамот не было, то им запрещался въезд в Москву, а торговать они имели право только в приграничных городах.

После закрепления полного закрепощения крестьян Соборным уложением 1649 г., отменившим ограничения по срокам сыска беглых крестьян, перемещение по стране стали весьма редкими. Осуществлять передвижение могло только дворянство, так как имело свободу при перемещении, что считалось важной сословной привилегией. Купцам при каждой надобности в переезде приходилось обращаться к воеводам за «прохожей грамотой», а совершенно закрепощённым к тому времени крестьянам было практически невозможно уйти за границы вотчины своего господина. За ними был установлен жесткий надзор не только специальным персоналом (к нему относились староста, управляющий имением), а также всеми членами общины и всеми односельчанами, которые были обязаны в силу кругового поручительства лично нести ответственность за каждого беглого.

Несмотря на такие положения законодательства, уже во второй половине XVII в. удержание крестьян на их постоянном месте жительства стало острой проблемой. Крестьяне оставляли насиженные места и уходили в поисках лучшей жизни. Для поиска крестьян и холопов, покинувших самовольно вотчину господина, а затем и возвращения их к законным владельцам на то место жительства, где они числились по переписным книгам, указом от 2 марта 1683 г. «О посылке сыщиков для отыскивания беглых» [4, с. 502] были назначены специальные сыщики. Этим же указом был введен централизованный учет и прикрепление бобылей и крестьян к господским вотчинам, «которые люди и крестьяне написаны в писцовых и в переписных книгах... те люди и крестьяне взяты в те города в посады: и тех людей с посаду не отдавать и велеть им жить в тех городах на посадах по прежнему» [4, с. 503]. Частновладельческим же крестья-

нам разрешалось проживать в городах со своими владельцами без каких-либо документов.

В конце XVII в. были приняты меры по упорядочению передвижения русских подданных по территории России. Для вольных людей, приходящих в города на заработки, в том числе артелями, были введены обязательная поручная запись и регистрация в управленческих учреждениях. Регистрация записи всех приезжающих в Москву осуществлялась в книги Земского приказа. Без такого оформления проживание и работа в столице запрещались. За нарушение взыскивались крупные штрафы с лиц, у которых обнаруживались приезжие люди без регистрации.

Начало массового движения населения в Российской империи и иммиграции, в ее современном понимании, приходится на период царствования Петра I. Стремление превратить новые присоединенные территории в составную часть Российской империи, распространить на них экономическое и политическое влияние потребовало скорейшего заселения новых земель путем переселения выходцев из центральных регионов страны или иностранных колонистов. Кроме этого, Петр I понимал, что для реализации намеченных реформ необходимо привлечение из-за рубежа лучших специалистов и даровитых иностранцев.

Преследуя самовольных мигрантов, правительство создавало благоприятные условия для легальных переселенцев (выделение денежных пособий на обзаведение хозяйством, временное освобождение от уплаты налогов и т. д.). Своим особым манифестом от 16 апреля 1702 г. [5, с. 192–195]. Петр I приглашал иностранцев в Россию с обещанием им разных привилегий, в том числе и свободы вероисповедания «...всяк и каждый, имеющий намерение сюда ехать для поступления на службу в наше войско... и равным образом купцы и художники ...имеют быть приняты со всякой милостью» [5, с. 143]. Для въезда в Россию иностранцам требовалось специальное разрешение от российского представителя «Генерал Коммисара» в Германии.

Многолетние и непрерывные войны в первой половине XVIII в. вызвали необходимость создания огромной вооруженной армии, строительства всевозможных заводов, таких как рудоплавильные, сукновальные и холщевые мануфактуры, и вместе с этим создания на совершенно новых местах целых городов, что потребовало, в свою очередь, перемещения огромных людских масс. В связи с этим в России появился контингент людей, которые не подходили под такие понятия, как «крепостные» или «свободные», и временно стали подчиняться различным ведомствам. К их числу относили солдат, матросов и их семьи, рабочих рудников, солеварен, железолитейных и медеплавильных заводов, городских ремесленников различ-

ного рода, мещанское, посадское население городов, отнятых у монастырей крестьян и многих других зависимых людей. Их труд использовался в нуждах государства: в сооружении военных укреплений, строительстве Петербурга, Выборга и других городов, починке и прокладывании дорог и т. д.

Вместе со всеми этими изменениями правительство Петра I, чтобы не смешивать новые категории людей с крепостными в целях их учёта, а также сдерживания огромного дезертирства из армии, самовольного и массового бегства крестьян и работных людей из-за больших налогов, государственных и частных повинностей, издало ряд указов. Их целью было введение системы контроля внутри страны для определенного контингента населения.

В 1713 г. последовал указ о запрете перемещения без пропускных писем, т. е. без «проезжева писма» по империи и «прохожева писма» между двумя близлежащими городами или в пределах двух – трех застав в большом городе [6, с. 24]. Однако введенный запрет на передвижение российского населения без специальных «проезжих», «прохожих», «покормежных», «пропускных» писем оказывался неэффективным.

В это время появились новые документы, удостоверяющие личность, а жесткий контроль государства за передвижением населения привел к созданию паспортной системы. Купцам, как и прежде, выдавались проезжие грамоты. Военнослужащим, временно отпущенным со службы, выдавались «письменные отпуска», а уволенным со службы – «абшиды» [7, с. 340].

Четкого различия между этими документами не делалось, для их названия уже в Воинском артикуле 1715 г. как альтернативное употреблялось слово «пас»: «после от начальства потребным пасом снабжен был» [7, с. 340].

Документом, удостоверяющим личность иностранцев, прибывших в Россию, а также отъезжавших за границу русских подданных, становится «пашпорт», иногда называемый также «пас».

Таким образом, начинает устанавливаться порядок в виде формирования паспортной системы, сужавшей возможности передвижения населения. Никто не мог изменить место жительства без разрешения соответствующих властей. Основным государственным органом, который вел учет населения и контролировал его передвижение, стала полиция. Что касается зависимых, или податных, сословий, то в первой четверти XVIII в. было издано множество указов о преследовании беглых [6, с. 63, 66, 70, 76, 87, 773, 748]. Уже сточалось и преследование всех незанятых постоянным трудом и без достаточных оснований находившихся вне постоянного места жительства. В пунктах, «данных Санкт-Петербургскому генерал-полицеймейстеру» 25 мая 1718 г. в разделе «о гулящих людях» по-

лиции предписывалось: «Всех гулящих и слоняющихся людей, а особливо которые под видом, аки бы чем промышляли и торговали, хватать и допрашивать». Трудоспособных следовало определять на работу, «кто работать может, и тех ловить и определять в работу ж» [6, с. 571]. В разделе «о приезжих и отъезжающих» домохозяевам определялось сообщать в полицию о всяком вставшем к нему на постой: «Накрепко смотреть приезжих, какие люди, и чтоб всякий хозяин тотчас объявлял, кто к нему станет и какой человек... равным же образом и об отъезжающих объявлять» [6, с. 571]. За утайку постояльцев или сообщение неправильных сведений о них хозяева ссылались на галеры с конфискацией всего имущества.

В пунктах сенатского указа от 18 июня 1718 г. каждому жителю Санкт-Петербурга определялось не только подавать в канцелярию полицеймейстерских дел «ведомости о тех людях, которые у них будут стоять и отпускать», но и предписывалось «без свидетельств никого не принимать». Усиливалась ответственность и за нарушение указа. Домохозяева, не подавшие ведомости или записавшие постояльцев под вымышленным именем, «будут биты кнутом и сосланы на каторгу, а движимое и недвижимое их имение будет взято на Государя» [6, с. 576].

Данный указ не коснулся лишь дворянства, для которого Петром I и его потомками была сохранена привилегия свободного передвижения по государству и, более того, даровано право на свободный, беспаспортный выезд за границу с целью обучения там и получения знаний, необходимых Отечеству. Данная вольность выезда за границу без паспорта по служебным надобностям либо в целях учёбы привела к тому, что множество русских дворян, как бродяги, в Германии были либо арестованы, либо завербованы в армию насильственным образом.

Указом от 31 августа 1719 г. паспортная система была введена для иностранцев, приезжавших в Санкт-Петербург: «всем иноземцам, которые приезжать будут в Санкт-Петербург из иностранных государств являться в приезды свои записывать в канцелярии Полицеймейстерских дел» [6, с. 732]. Полицейским предписывалось допрашивать иностранцев, откуда и зачем они приехали, и в зависимости от целей приезда направлять в соответствующие коллегии. «Тех которые на службу на флот соответственно в Адмиралтейскую, купцов в коммерц-коллегию». Учет иностранцев осуществлялся в Коллегии иностранных дел, где ставились печати на абшиды т. е. документы, удостоверяющие личность, выданные в соответствующих коллегиях. Передвижение иностранцев по территории Российского государства без абшидов запрещалось: «таких одерживать и расспрашивая об их приезде... отсылать в Коллегию Иностранных Дел немедленно» [6, с. 732].

16 августа 1721 г. был издан указ, который предписывает коллегиям при выдаче «пашпортов» иностранцам, прибывающим и убывающим из Санкт-Петербурга, направлять в полицейместерскую канцелярию, где они брались на учет и им ставились специальные отметки. Без таких записей иностранцев за границу не выпускать «и их на заставах, без подписи из Канцелярии нигде не пропускать» [6, с. 413].

Абшид включал в себя свойства сразу нескольких документов, таких как «трудовая книжка», удостоверение личности, характеристика и паспорт, в современном значении этого слова.

Иностранцам, въезжающим в Россию с целью проживания, выдавались паспорта-абшиды, в которых они были записаны не под своим настоящим именем, а под русифицированным. Делалось это из-за малограмотности полиции для облегчения чтения и понимания данных паспортов низшими полицейскими чинами, а также для того, чтобы избавить владельцев паспортов от всевозможных недоразумений.

Таким образом, первые попытки установления контроля за перемещение коренного населения и иностранцев предпринимались с конца XIII в. в форме регистрации и выдачи различных документов на право передвижения. При Петре Великом начинает формироваться паспортная система. Паспорт становится инструментом ограничения и средством контроля за передвижением внутри страны и за границу. Создается регулярная полиция, и вместе с ней совершенствуется государственный контроль за миграционными процессами.

Список литературы

1. Лаврентьевская летопись. Полн. собр. рус. летописей. [Электронный ресурс]. URL: http://rclib.ru/rus_letopisi/Laurence/contents.htm.
2. Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. – М., 1956.
3. Мыш М.И. Об иностранцах в России: сб. узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. – СПб., 1888.
4. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 2.
5. ПСЗ. Т. 4.
6. ПСЗ. Т. 5.
7. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. – М., 1986.
8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М., 1961.

**Государственная политика в сфере образования
на Западных окраинах России в конце XIX – начале XX в.
как часть национальной политики**

В статье дается характеристика системы образования на Западных окраинах Российской империи. Автор выделяет её достоинства и недостатки, характеризует причины реформирования. Определяются основные направления государственной политики в области образования в Западном крае и обращается внимание на оценку отношения общественности к вопросам воспитания и образования в данном регионе.

This article characterizes the system of education on the West edge of Russian Empire. The author shows its dignities and deficiencies, reasons of its reforms are revealed. Then the author defines the main direction of the state politics in the education on the West edge and pays attention to the attitude of the public towards the questions of the education.

Ключевые слова: Земство, Западные окраины Российской империи, система образования, Виленский учебный округ, Киевский учебный округ, народные училища, политика русификации, тайное польское обучение, влияние польской культуры, национальная политика.

Key words: The zemstvo, the West Edge of Russian Empire, the system of education, the Vilenskiy educational district, the Kievskiy educational district, the national school, the policy of russification, the secret Polish education, the influence of Polish culture, the national policy.

Западные губернии Российской империи являлись территориями с особыми условиями, сложившимися в результате их исторического, экономического, политического и культурного развития. Западными окраинами принято считать три северо-западные губернии (Виленская, Ковенская, Гродненская), три белорусские губернии (Могилевская, Минская, Витебская) и три юго-западные (Киевская, Подольская, Волынская). Присоединение данных территорий от Речи Посполитой произошло в конце XVIII в. В XIX в. территории принадлежали Белорусскому, Литовскому и Киевскому генерал-губернаторствам. Большое влияние на развитие этого региона оказало сосуществование на его территории представителей нескольких национальностей: польской, литовской, русской и еврейской.

Система образования в западном крае играла важную политическую роль и являлась одним из средств, которое правительство

использовало для проведения русификации. Особенности присоединения Западного края обусловили преобладание на этой территории польской культуры и мировоззрения. Польское население не только обладало экономической мощью, но и старалось распространить свое влияние на культурную жизнь этого региона. Так, например, Я.Н. Офросимов в одной из своих публицистических работ свидетельствовал, что «...западно-русское дворянство почти поголовно приняло римско-католическую веру и усвоило себе польскую культуру, стало в полном смысле слова польским» [9, с. 3].

Особенно сильное влияние поляков на культуру ощущалось в религиозных вопросах. Современники обращали внимание на то, что в начале XX в. происходило «ополячивание» русского населения западных окраин. Н. Кобрин приводил примеры проникновения польской культуры в жизнь русского населения: использование польского языка в Холмской семинарии, пение польских песнопений в униатских церквях и т. д. [5, с. 21].

Проникновение польской культуры в жизнь русского населения вызывало недовольство местного населения, а также общественных деятелей, проживавших и в центральных губерниях. Многие из них соглашались с мнением Я.Н. Офросимова о том, что «русская культура в Западном крае до сих пор не восстановлена, и мечта о возрождении Польского государства препятствует полному слиянию края с Россией и спокойному течению в нем жизни» [9, с. 4]. Схожую точку зрения высказывала и газета «Окраины России», являвшаяся основным печатным органом, выражавшим интересы русского населения Западного края: «Нам, русским, пора проводить и свою определенную политику относительно Западной окраины... Гораздо проще раз и навсегда сказать прямо, что мы хозяева положения, что западные губернии русские... и мы должны принять все меры, чтобы обеспечить наши культурные и государственные интересы...» [8].

Проникновение польской культуры имело важное последствие, которое заключалось в распространении и политических идей, популярных среди данной национальной группы. Виленский генерал-губернатор В.Н. Троцкий в январе 1900 г. в докладе сообщал о том, что «Мелкая шляхта, связанная единством веры и церковным общением с местными польскими помещиками ... тяготеет к теснейшему слиянию с ними и во всех других отношениях, усваивая себе их политические воззрения и идеалы» [13]. Русская общественность опасалась, что распространение польской культуры приведет к росту политического влияния поляков в данном регионе.

Кроме того, огромный резонанс в обществе вызывал тот факт, что польское влияние ощущалось и в среде образования. В 1865 г. мещане г. Влодава подали прошение в Селецкую учебную директорию с просьбой отменить преподавание русского языка и заменить

его на польский как более родной для них [5, с. 21]. Данный факт еще раз подтверждает, что масштабы польского влияния на культурную жизнь русских были значительными. В конце XIX – начале XX в. на Западных окраинах Российской империи сложилась ситуация, в которой польская культура начала всесторонне проникать в жизнь русского населения.

В центральной России решение вопросов народного просвещения возлагалось на земские органы самоуправления. С распространением на территорию Западного края органов самоуправления управление делами народного просвещения попадало в их ведение. Указ 2 апреля 1903 г. относил к сфере деятельности органов земского управления попечение о развитии начального и профессионального народного образования и участие в управлении учебных заведений.

Территории Западных губерний принадлежали к двум учебным округам – Киевскому и Виленскому. Киевская, Волынская и Подольская губернии по указу 14 декабря 1832 г. прикреплялись к Киевскому учебному округу. В состав Виленского учебного округа по постановлениям 2 мая 1850 г. и 7 октября 1864 г. входили Виленская, Гродненская, Ковенская, Минская, Витебская и Могилевская губернии [15, с. 48]. Учительский состав формировался преимущественно из лиц русского происхождения, поэтому существовали определенные привилегии для русских учителей, работавших в губернии Западного края в образовательных учреждениях. Согласно «Положению об особых преимуществах гражданской службы» учителям приходских училищ Западных губерний полагались прибавки в размере 50 % от основного жалования; лица, занимающие должности от 14 до 8 класса в духовно-учебных заведениях, в дирекции народных училищ, учителя уездных и городских училищ получали прибавки в размере 20 % от жалования. Кроме того, лица, определяемые на должности по учебной части в учебные заведения Виленского учебного округа, получали пособие: семейные – в размере полугодового оклада жалования, одинокие – в размере одной трети оклада [16, с. 13]. Царское правительство пыталось привлечь русских учителей на службу в Западные губернии для того, чтобы увеличить влияние русских на данной территории, особенно в области образования и культуры.

В начале XX в. на территории Западных губерний Российской империи распространены были следующие типы учебных заведений: учительские институты и двухклассные при них городские училища, учительские семинарии, городские училища, начальные народные городские и сельские училища (двухклассные и одноклассные), промышленные училища, частные училища и еврейские училища.

Начальное образование в народных училищах получали, прежде всего, в сельских одноклассных училищах. В Киевском учебном округе было всего 1031 народное училище. В сельских одноклассных школах работали 699 чел. В Виленском учебном округе народных школ было 1755, в то время как общее их количество – 1995. В сельских школах Киевского учебного округа обучалось 47304 чел., что составляло 50,7 % от общего числа учащихся. В Виленском учебном округе в сельских одноклассных училищах обучалось 126 695 детей, или 86,2 % от общей численности учеников. Витебский генерал-губернатор приводил следующие данные о количестве приходских училищ в своей губернии в 1887 г.: в городах существует 15 приходских училищ, число обучающихся здесь детей составляет 1548 чел., из них 894 мальчика и 654 девочки [14]. Таким образом, народное образование получило широкое распространение в народных массах. Начальное образование получали преимущественно при помощи сельских учебных заведений. Число подобных учебных заведений было значительно, что способствовало распространению просвещения.

При оценке социального состава народных училищ можно заметить, что основную массу учащихся составляло сельское население, что объясняется главным образом тем, что народные училища находились в сельской местности, в то же время процент городского населения также был значительным. Виленский генерал-губернатор В.Н. Троицкий так характеризовал социальный состав приходских училищ: «дети преимущественно бедных родителей, которые, за очень немногими исключениями, почти все христиане и русского происхождения из мещан, крестьян и отставных воинских чинов» [14]. Как видим, сельские школы играли важную роль в образовании беднейших слоев населения. Учитывая тот факт, что основная часть крестьянского населения принадлежала к русскому населению, можно заключить, что система начального образования способствовала сохранению национальной идентичности русскоязычного населения.

По конфессиональной принадлежности учащиеся делились следующим образом: основную массу составляли представители православного вероисповедания – 82,4 % от общего количества учеников в Киевском учебном округе и 69,7 % – в Виленском. Кроме того, значительный процент приходился на католиков и евреев – от 28,4 до 11,5 %. Данные позволяют заключить, что, несмотря на противодействие со стороны польской общественности, поляки и евреи посещали русские начальные народные училища. В.П. Кулин в письме И.П. Корнилову в 1871 г. упоминал о том, как в одной из местечек близ Курляндской границы ученики переходили из немецкой в русскую школу [6, с. 216]. Русская культура, таким образом,

распространялась в крае не только в среде православного населения, но и среди представителей других религиозных концессий.

Большую роль в развитии системы народного образования сыграло открытие при народных училищах ремесленных классов и отделений. По Киевскому учебному округу на 1 января 1903 г. их существовало 45, из них 29 были прикреплены к сельским и городским народным училищам, а 16 – к еврейским частным школам. Эти классы способствовали привлечению в школу детей мещан, купцов, ремесленников и крестьян.

Таким образом, развитие системы начального народного образования способствовало повышению грамотности среди сельского и городского населения и соответствовало политике русификации, проводимой правительством в Западном крае. Рост числа сельских школ привел к увеличению грамотности в среде крестьянского населения, а открытие ремесленных классов привлекало в русские школы представителей мещанского и купеческого сословий. Русская культура в результате укрепляла свои позиции в регионе, что соответствовало основному направлению национальной политики.

Вместе с тем в системе народного образования существовали определенные недостатки. Во-первых, народные училища распределялись крайне неравномерно: в Киевском учебном округе в губернских и уездных городах существовало от 2 до 8 народных училищ, а в уездах эта цифра колебалась от 5 до 53 на уезд. Более того, во многих волостях Киевского учебного округа и вовсе не было народных училищ, в частности, в Киевской губернии из 204 волостей 79, а в Волынской губернии 13 из 203 были лишены школ [4, с. 126]. При оценке учительского состава школ можно заметить, что их педагогическая подготовка часто была низкой, например, в Киевском учебном округе количество учителей, получивших специальное образование, составляло 58,6 % [4, с. 120]. Остальными учителями являлись лица, получившие образование в средне-учебных заведениях или те, кто выдержал экзамен на звание учителя или учительницы. Такое положение дел во многом объяснялось недостатками материального обеспечения учителей. Большинство из них получало около 250 руб. жалования, причем эта цифра могла уменьшаться так как сельские учителя получали жалование от сельских обществ, которые в силу необязательности решения волостных сходов часто снижали продовольственное и денежное содержание учителей.

Другой проблемой было вмешательство поляков в вопросы образования. Римско-католическое духовенство настраивало католическое население против русской школы, подпольно издавались журналы и статьи, в которых авторы отрицательно высказывались о русской власти и русской школе. Среди таких журналов наибольшей популярностью пользовался польский журнал «Страж Отчизны» и литовская газета «Хозяин». Повсеместно в Западном крае было

распространено тайное польское обучение. Правительство боролось с нарушениями такого рода с помощью изданных 3 апреля 1892 г. Временных Правил о взысканиях за тайное обучение, согласно которым виновные могли быть подвергнуты денежному штрафу до 300 руб. или аресту до трех месяцев [11].

В отчете за 1903 г. по Виленскому учебному округу А.А. Ильин приводил данные о 55 случаях недозволенного обучения среди евреев, магометан и старообрядцев. В наказание за это на нарушителей были возложены штрафы от 3 до 10 руб. или арест сроком от 3 до 5 суток [3, с. 48]. Зачастую отследить подобные нарушения не представлялось возможным потому, что польское обучение производилось в семейном кругу. Таким образом, влияние польского элемента на систему русского образования в Западном крае продолжало существовать, несмотря на противодействие со стороны царского правительства.

Кроме того, недовольство со стороны российской общественности, вызывало отсутствие контроля со стороны центрального правительства. Сведения о расходах на народное образование в Западном крае показывают, что в 1908 г. на народное образование в центральных губерниях тратилось 17,9 % от общего бюджета, в Киевской губернии – 20,5 %, а Подольской – 25 % [2]. Финансирование было достаточным, но проблемы сохранялись. Многие общественные деятели видели корень проблем в отсутствии достаточного контроля со стороны государства, который должен был заключаться, например, в его усилении за расходованием денежных средств, а также в передаче управления вопросами образования в руки русского населения. Данные недостатки школьной системы свидетельствуют о необходимости преобразований в области образования, о чем неоднократно высказывалась русская общественность. «Население Западных губерний имеет такие же потребности народного образования, ... как и внутренние губернии» [7, с. 157]. Как видим, значительная часть общественности поддерживала правительство в проведении реформ с целью ликвидации влияния поляков на культурную жизнь русского населения.

Основное внимание уделялось таким проблемам, как: использование польского языка в делопроизводстве и преподавании; сохранение влияния католических монашеских орденов; активное использование тайного польского обучения; распространение большого числа подпольных журналов, в которых активно печатались статьи, в которых высказывалось негативное отношение к русской власти и школе.

Предпринимались меры для устранения влияния католической церкви на систему народного образования. 26 декабря 1905 г. был издан указ, по которому римско-католические приходские священники должны были назначаться, перемещаться и увольняться епархи-

альным начальником с согласия генерал-губернатора. Епархиальному начальнику, кроме того, принадлежало право принимать меры в том случае, если «деятельность лиц римско-католической принадлежности будет признана Министерством внутренних дел вредным для государственного порядка или мирного течения местной жизни» [1, с. 221]. Для защиты интересов русскоязычного населения 27 марта 1906 г. был издан указ, регулировавший употребление местных языков в делопроизводстве. Все сношения частных обществ должны были осуществляться на русском языке. Лишь в Ковенской губернии допускалась возможность использовать параллельно русский и местный языки [10].

Таким образом, в конце XIX в. основной целью правительственной политики в отношении образования в Западных губерниях была защита интересов русского населения, что соответствовало основному направлению национальной политики. В результате издания ряда законов было запрещено тайное обучение, расширены границы использования русского языка, усилен контроль генерал-губернатора за системой назначения римско-католических приходских священников.

Список литературы

1. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. / под ред. Н.И. Лазаревского. – СПб., 1909.
2. Земское дело. – 1910. – № 9.
3. Ильин А.А. Киевский учебный округ в 1902 году // Журн. Мин-ва нар. просв. – 1904. Авг.
4. Ильин А.А. Виленский учебный округ в 1903 году // Журн. Мин-ва нар. просв. – 1905. Февр.
5. Кобрин Н. Краткий исторический очерк полонизации западно-русского края и её следствий для Холмской Руси. – Варшава, 1902.
6. Корнилов И.П. Русское дело в северо-западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. – СПб., 1901.
7. Кузьмин-Караваев В.Д. Управление земским хозяйством в 9 западных губерниях. – СПб., 1904.
8. Окраины России. – 1910. – 13 марта.
9. Офросимов Я.Н. Записка о дворянских выборах и представительстве в государственном Совете западно-русского дворянства 9 губерний Западного края. – СПб., 1910.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. Т. XXIII. Ч. I. – СПб., 1903.
11. ПСЗ. Собр. 3. Т. XII. 1892. – СПб., 1895.
12. ПСЗ. Собр. 3. Т. XXVI. – СПб., 1903.
13. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 223. 1904.
14. РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1722. 1887.
15. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченные из Архива народного просвещения: в 4-х т. Т. 2. – СПб., 1893.
16. Свод уставов о службе гражданской. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского. – СПб., 1902.

Т. В. Деркач (Егорова)

Проблемы образования, здравоохранения и инфраструктуры в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии в начале XX в.

В статье рассматриваются вопросы здравоохранения, образования и инфраструктуры в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии в начале XX в., характеризуется уровень развития образования, врачебной деятельности и инфраструктуры губернии. В статье выявляется количество медицинских и учебных заведений в губернии на начало XX века.

The article explores a theme of health, education and infrastructure in St. Petersburg and St. Petersburg Gubernia (Province) in the early 20th century, and the level of development of education, medicine and infrastructure of the province. The number of medical and educational institutions in the province at the beginning of the 20th century is investigated in the article.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская губерния, Городское Управление, земство, сословия, образование, школы, приют Св. Николая Колпинского, здравоохранение, медицинские учреждения, инфраструктура

Key words: St. Petersburg, St. Petersburg province, The City Government, zemstvo, classes, education, schools, orphanage of St. Nicholas Kolpinskiy, health, medical institutions, infrastructure.

Проблемы образования, здравоохранения и инфраструктуры в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии важны для изучения, так как становление губернии напрямую связано с развитием этих направлений. Санкт-Петербургская губерния была образована 3 июня 1710 г. С этого времени перед правительством встала задача развития социальной сферы данного региона.

Становление и рост экономики этих земель не мог происходить за счёт малочисленного местного населения, поэтому с начала XVIII в. правительством применялось принудительное переселение. В результате данной политики постоянно происходил интенсивный рост населения. По данным переписи 1897 г. население губернии (вместе с Петербургом) составляло 2 107 691 чел. Около 60 % населения (1 267 023) проживало в Петербурге. В последующие 20 лет население города выросло ещё вдвое. Город вышел на третье место среди европейских столиц после Лондона и Парижа. Ввиду своего экономического значения столица привлекала большое

количество пришлого населения, преимущественно из крестьянского сословия. «Последняя перепись свидетельствует о громадном увеличении среднего прироста населения, что объясняется приливом пришлого элемента» [11, с. 23].

Несмотря на значительное увеличение населения, населенность ещё была невелика в окраинах и пригородах. Окраины заселялись преимущественно пришлоим населением. «Наибольший прирост населения намечается в отдалённых окраинах столицы, появляются новые улицы, строятся новые дома» [9. Д. 181. Л. 53]. В 1900 г. пришлого населения было 69 %, таким образом, более 2/3 жителей составляли люди, родившиеся вне Петербурга. «Лиц, родившихся в самом Петербурге, насчитывается 1/3, если же из этого числа исключить лиц, принадлежащих к сельским сословиям, многодетным мещанам и к иностранным гражданам, то окажется, что коренное население столицы составляет 1/5 часть общего числа населения» [9. Д. 181. Л. 55]. Дворяне, как правило, находились на государственной службе, выступая в роли чиновников, но не собственно горожан. Значительная часть крестьян приходила в столицу на заработки. Собственно коренными жителями являлись мещане и цеховые (ремесленники).

В связи с тем что губерния была многочисленной, проблемы здравоохранения и образования играли большую роль. Однако рождаемость и быстрый рост населения за счёт пришлого элемента превышал уровень развития социальной сферы. Власть не успевала реагировать на пополнение населения.

Система здравоохранения была развита недостаточно, и население находилось в трудных условиях. Смертность в Петербурге намного превышала рождаемость. Причиной этого была, прежде всего, крайняя антисанитария. Жизнь в городе зачастую не отвечала самым элементарным требованиям гигиены. Наблюдалось систематическое отравление почвы, воды и воздуха. В Известиях Петербургской городской думы за 1892 г. [1, с. 3] указывалось на загрязнение набережных рек и каналов, а также стен мостов, обрабатываемых «в места скопления всякого рода нечистот» и распространявших зловоние. Продолжалось загрязнение Невы, качество воды которой всё более ухудшалось. Это усугублялось отсутствием усовершенствованной канализации. Большая часть столичных труб была сделана в XIX в. деревянными вместо кирпичных, как это было в XVIII в. Сточные воды попадали в почву. «Петербург отличается крайней антигигиеничностью, в борьбе с которой столичный медико-полицейский надзор почти совершенно бессилён» [6. Д. 19. Л. 31].

Следует отметить медлительность и инертность местных органов власти в борьбе с антисанитарией. «Существенным недостатком в

общественном управлении Санкт-Петербурга является бесхозяйственность и фактическая безответственность исполнительных органов городского общественного управления» [8. Д. 104. Л. 17]. Городское общественное управление ограничивалось лишь общими санитарными мероприятиями, не требуя «понуждения к исполнению санитарных обязанностей домовладельцами и владельцам различных заведений». Штрафы за санитарные нарушения были недостаточно высокими. В результате нарушители предпочитали платить штраф, а не содержать дома в чистоте, что стоило значительно дороже.

Одной из причин антисанитарии было распространение в городе нищих и бродяг. Борьба с нищенством не была достаточно успешной. «Административные высылки нищих не достигают цели: нищие недолго остаются на новых местах и при первой возможности возвращаются в столицу. Малоуспешны и судебные репрессии в виде тюремного заключения, на которые многие нищие смотрят как на место желанного отдыха» [6. Д. 19. Л. 115].

Нищенство и антисанитария приводили к вспышкам эпидемий в городе. Были распространены заболевания брюшным тифом и дизентерией. В 1905 г. зарегистрировано наибольшее количество заболевших брюшным тифом. В 1908 г. произошла вспышка эпидемии холеры. Общее число поступивших в больницы в 1908 г. достигло 139 896 чел. Такого большого количества больных городские больницы ещё никогда не принимали. «Вследствие высокой болезненности населения и массы больных из числа пришлого населения столицы, больницы эти всегда переполнены» [11, с. 31]. Дело народного здравоохранения находилось в руках врачебного персонала Городского общественного управления и столичной полиции. Согласно данным Указателя врачебной помощи в Петербурге на 1904 г. [12, с. 20] в столице числилось 139 больниц и лечебных заведений. Из них 7 детских больниц, 28 больниц для лиц обоего пола, специально-мужских – 4, специально-женских – 11, амбулаторий для проходящих – 17, военных лазаретов и госпиталей – 7, частных лечебных заведений – 59. В следующем году число больниц увеличилось до 155. Но количество коек всё равно не хватало. «В столице недостаточно развито больничное лечение. Во всех городских больницах в 1905 г. было занято больными в среднем ежедневно до 1700 сверхштатных кроватей. В больницах в течение года пребывало 109300 больных, занимая ежедневно 8978 мест, тогда как штатных кроватей всего 7299» [7. Д. 69. Л. 13]. Городские больницы находились в крайне плохом состоянии. Таким образом, меры по оздоровлению столицы не поспевали за ростом проблем.

Несмотря на многочисленные трудности, местные власти обращали большое внимание на развитие образования. Учебные заведения состояли в ведении различных министерств и ведомств. «К

началу 1904 года числилось в ведении городского управления 330 училищ с 534 классами, в которых обучалось 26269 детей обоего пола; к концу года цифра увеличилась до 334 училищ с 571 классами и 28156 учащимися» [6. Д. 19. Л. 68]. С каждым годом открывались новые учебные заведения, увеличивалось количество учащихся. «Всех учебных заведений в 1907 г. было 1222, из них высших 47 (в том числе 13 частных), мужских и женских гимназий и институтов 145 реальных и коммерческих училищ, 735 низших учебных заведений и 298 прочих учебных заведений со смешанным курсом» [11, с. 39]. Увеличивалось число учащихся, стремящихся к дальнейшему образованию. Из городского управления выделялись средства на учреждение новых учебных заведений. «В 1908 г. на народное образование было выделено 2 470 000 р., то есть 8,6 % всего расходного бюджета на 1908 г. В следующем году цифра возросла до 2 859 885 р.» [3, с. 35]. Плата за обучение в содержащихся городом начальных училищах с 1903–1904 гг. не взималась. Многим учащимся выдавались бесплатные учебные пособия и завтраки. Важную роль в развитии образования принадлежало благотворительным учреждениям. Активно действовало в сфере образования и просвещения ведомство императрицы Марии. Но, несмотря на активную политику в данной сфере, количество малообразованного населения было достаточно велико, особенно среди женщин.

Таким образом, в начале XX в. Петербург был самым большим городом империи как по численности населения, так и по своему значению как экономического центра страны. Продолжался рост численности населения за счёт пришлых людей, в основном крестьян. Главной проблемой столицы оставалась антисанитария, борьба с которой проходила очень медленными темпами. Осуществлялась напряжённая деятельность в системе здравоохранения, но попытки его улучшения сталкивались с многочисленными трудностями. Определённые успехи были достигнуты в системе образования.

Вопросами образования, здравоохранения и инфраструктуры в Петербургской губернии занималось земство – выборные органы местного самоуправления. Земство было постоянным элементом общественно-политической жизни. В составе губернского земского собрания преобладала петербургская знать. Работа земских гласных фактически не оплачивалась, поэтому земской деятельности много времени могли уделять достаточно обеспеченные люди. Исходя из этого в повседневной деятельности земств его представители участвовали мало. Сановная знать на собраниях появлялась редко, обычно когда определялись размеры земских налогов и утверждался бюджет. Представители крестьян, хотя и имелись в уездных и губернском земском собраниях, вели себя пассивно, при голосовании ориентировались на мнение «господ». Не отличаясь

активностью в политической сфере, выступая преимущественно как консервативная сила, Петербургское земство, тем не менее, проводило полезную хозяйственную и социально-культурную работу. В собственной деятельности Санкт-Петербургское земство наибольшего успеха добилось в распространении школьного дела. За счёт своих средств земства содержали школы, причём число их увеличилось. В начале XX в. в подведомственных училищным советам заведениях обучалось примерно 80 % всех учащихся. «В 1904 г. существовало 513 училищ, в следующем 1905 г. их количество увеличилось до 525, а число учащихся достигло 64 829 человек» [5. Д. 194. Л. 144–145]. Но грамотность в Петербургской губернии была распространена не везде одинаково. «В общем, среди всего губернского населения обоего пола число грамотных определялось в 55,1 %» [2, с. xi]. Слабее всего грамотность была развита в трёх редко населённых уездах: Гдовском, Лужском, Новолодожском.

Увеличивалось число земской интеллигенции. Расширялся педагогический состав. «Преподавание в школах вели 596 законоучителей, 666 учителей и 1198 учительниц, а всего 2410. Из них 102 законоучителя, 22 учителя и 489 учительниц окончили курс в высших учебных заведениях, остальные обучались в средних учебных заведениях или получили специальную педагогическую подготовку» [5. Д. 194. Л. 145]. Для поддержания и увеличения профессиональной квалификации народных учителей в отдельных уездах организовывались общеобразовательные курсы, съезды и совещания преподавателей: такие съезды существовали в Павловске, курсы садоводства и огородничества в Сиворицах. Чтобы не прерывать занятия во время болезни учителя, во многих уездах имелись запасные учителя. Однако несмотря на предпринимаемые местными властями отдельные меры, жизнь народного учителя не находилась на должном уровне. «О тяжёлом, во всех отношениях, положении народного учителя мы много раз говорили: материальное положение его всё ещё не достаточно обеспечено...» [5. Д. 194. Л. 145]. Губернское учительство было значительной группой среди общественно активных элементов служащих и интеллигенции, на которые, помимо земских гласных, опирались в своей повседневной работе постоянно действующие земские органы – уездные и губернские управы.

Самой крупной статьёй расходов уездных земств (33,3 %) являлось содержание учреждений общественного призрения (богаделен, домов для душевно-больных, сиротских приютов и пр.). В этой сфере, как и в области народного образования, земствам активно помогали разного рода благотворительные организации. Так, при Колпинском благотворительном обществе имелся приют Св. Николая для призрения бедных сирот, «в котором на 1896 г. числилось

35 постоянно живущих в приюте и 7 проходящих сирот. Комитет постепенно увеличивает число призреваемых, и число их не ограничено» [4. Д. 804. Л. 86]. В приют принимались дети от 4-х лет и оставались в нём до 15-летнего возраста. В приюте обучали закону Божию, русской грамоте, арифметике, Отечественной истории, церковному и светскому хоровому пению, рукоделию и частично огородничеству. Преподавателями в приюте состояли законоучитель, учитель арифметики и учитель пения. Грамота и прочие предметы преподавались смотрительницей приюта и её помощницей, «первая получала от Общества жалованье по 25 руб., а вторая по 15 руб. в месяц» [4. Д. 804. Л. 86]. «Если сравнить эти данные с современными зарплатами, то нужно умножить эти цифры на 1046 – таково соотношение дореволюционного рубля к российскому рублю по состоянию на конец декабря 2010 года» [13].

Определённые успехи были достигнуты в столичной губернии и в медицинском деле. Поддерживались больницы в уездных городах, но в сёлах и деревнях медицинские пункты оставались запущенными. «Постоянные госпитали мы полагаем нерациональной тратой денег. Наш народ не любит больниц и туда не идёт, следовательно, на содержание их будет смотреть как на принуждение и на тягость, и будет роптать. Болезни в народе и смертность происходят не столько от отсутствия врачебной помощи, сколько от самой его жизни, которая всем известна. Тут врач ничем не поможет, а следовательно, все расходы земства будут напрасны» [10. Д. 684. Л. 68].

В губернии необходимо было улучшать пути сообщения. Дороги в губернии были запущенными и неухоженными. «Состояние наших дорог уже описано нами, и Вы изволите видеть, что оставить их в таком положении невозможно. Архангельский тракт, соединяющий С.-Петербург с Архангельском, едва ли не самый худший в губернии» [10. Д. 684. Л. 67]. Одной из причин запущенности дорог была нехватка средств. Часть дорог содержалась на государственный счёт, остальная часть находилась под контролем губернского земства. Содержание дорог для земства было слишком дорого, поэтому периодически разрабатывались планы о передаче дорог на счёт государства.

Итак, несмотря на целый спектр имевшихся в столице проблем, продолжался рост численности населения Петербурга и Петербургской губернии. Наибольшие успехи были достигнуты в области народного образования путём создания новых учебных заведений и увеличения количества учащихся. Однако оставалось большое количество неграмотного населения среди крестьян и, прежде всего, женщин. В губернии существенной проблемой была антисанитария, отсутствие должной медицинской помощи, запущенность дорог. Серьёзным недостатком в общественном управлении была бюро-

кратия, бесхозяйственность и инертность. Поэтому в начале XX в. назрела необходимость в выработке и приведении в действие более четких планов по развитию региона. Проблемы развития инфраструктуры, образования и здравоохранения в Петербурге и Петербургской губернии всегда были актуальны, так как становление этих институтов напрямую связано с процветанием региона.

Список литературы

1. Известия Санкт-Петербургской Городской Думы. Т. 105. – 1892. – № 13. – С. 3.
2. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Санкт-Петербургская губерния.
3. Предварительный свод статистических данных по г. Санкт-Петербургу. – СПб., 1908.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп. 3. Д. 804.
5. РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 194.
6. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 19.
7. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 69.
8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 104.
9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 181.
10. РГИА. Ф. 1341. Оп. 118. Д. 684.
11. Санкт-Петербург: Исторически-статистический очерк с планом и указателями. – СПб., 1909.
12. Указатель врачебной помощи в Санкт-Петербурге и его окрестностях. – СПб., 1904.
13. <http://www.oposciu.com/rab1913.htm>

Усыновление незаконнорожденных детей в России в конце XIX – начале XX в.

В статье рассматривается вопрос усыновления незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено законодательным документам по этой проблеме, а также усыновлению собственных незаконнорожденных детей представителями разных сословий.

The article discusses the adoption of illegitimate children in Russia in the second half 19th – early 20th centuries. Special attention is paid to legal documents on this issue, as well as the adoption of one's own illegitimate children by representatives of different social classes.

Ключевые слова: усыновление, незаконнорожденные, дети, семья, закон, Российская империя, окружной суд, судебные дела.

Key words: adoption, illegitimate, children, family, law, Russian Empire, district court, litigation.

Под усыновлением в указанный период подразумевалось принятие усыновителем в свою семью законных или незаконных детей посторонних лиц, но не своих собственных.

Уже в период правления Александра I были выработаны особые правила об усыновлении членами различных сословий. Характерно, что если представители дворянского сословия могли усыновлять лишь своих ближайших законнорожденных родственников (да и то в случае отсутствия у усыновителя родственников той же фамилии: «потомков» и «сродников» мужского пола), то усыновление в среде городских и сельских обывателей осуществлялось путем приписки к семействам любых незаконнорожденных детей, в том числе и своих собственных. Кроме того, усыновление дворянами могло производиться только с Высочайшего соизволения [10, с. 29], без предоставления каких-либо имущественных прав и только по причине возобновления фамилии (с этой целью усыновленному передавались герб и фамилия усыновителя) [10, с. 30].

12 марта 1891 г. был принят закон, который дал возможность усыновлять незаконнорожденных детей и тем сословиям, для которых это было ранее практически невозможно. Данный закон ввел единый общий порядок усыновления, оставив для особых случаев возможность усыновления с Высочайшего соизволения и отдельный

порядок усыновления путем приписки для сельских обывателей, ввиду особенностей их быта. Теперь усыновление совершалось через окружной суд, который рассматривал соответствующие просьбы и выносил определение об удовлетворении ходатайства просителя или об отказе [13, с. 273–274]. Такой порядок усыновления устанавливался лишь для привилегированных сословий и по сравнению с существовавшей ранее процедурой был значительно упрощен.

Согласно Своду законов издания 1900 г. право усыновления предоставлялось лицам «всех состояний, без различия пола», в случае, если усыновитель по своему сану не был обречен на безбрачие. Тем не менее закон предъявлял ряд требований к усыновителю. Важнейшим из них было отсутствие собственных законных или узаконенных детей [11, с. 23]. Данное условие оправдывалось составителями документа двумя обстоятельствами. Во-первых, усыновление могло «нарушить» права законных детей усыновителя, в частности при наследовании имущества родителей, и, следовательно, привести к раздорам в семье. Во-вторых, по мнению законодателей, потребность в усыновлении наиболее остро ощущалась в бездетных семьях, «стремящихся излить на кого-нибудь присущие человеку нежные чувства родителя и ищущих в чужом ребенке утеху и поддержку в старости» [3, с. 375]. С этой целью, как считали составители проекта, достаточно разрешить усыновление лишь одного лица, за исключением случаев принятия в семью нескольких братьев или сестер, т. е. уже связанных узами непосредственно друг с другом. В противном случае «поддержание семейного единения было бы затруднено», а возможные раздоры между усыновленными детьми могли «привести семью к разрушению». Кроме того, предоставление неограниченного права усыновлять многих лиц могло привести, по мнению законодателей, к злоупотреблениям, «не имеющим ничего общего с установлением между усыновителем и усыновляемым отношений, подобных союзу родителей и детей» [14, с. 307–308]. Тем не менее в самом законе 1891 г. данное условие отражено не было.

В качестве требования к усыновителю закон предъявлял также обладание общей гражданской правоспособностью, т. е. способностью к совершению юридических актов. В законе рассматривались и возрастные ограничения. Так, усыновитель должен был быть не младше 30 лет, но быть старше усыновляемого, по крайней мере, на 18 лет [11, с. 24]. Однако если просьба об усыновлении подавалась супругами, то в ней могло быть отказано в случае несоответствия возраста жены или мужа требованиям закона [5, с. 57]. Усыновляемый же не должен был к моменту принятия в семью данными лицами быть связанным уже узами усыновления [11, с. 24].

Среди условий процедуры усыновления закон 12 марта 1891 г. выделил согласие другого супруга на усыновление, а также родителей усыновляемого, его опекунов и попечителей и его самого, если он достиг 14-летнего возраста [6, с. 112].

Вышеуказанные положения документа касались усыновления чужих детей, законных или незаконных. Однако остался открытым вопрос о том, можно ли усыновлять своих собственных незаконнорожденных детей. И хотя в законе ничего не говорилось о подобном ограничении, тем не менее этот вопрос по-прежнему волновал различные слои общества. Дело в том, что, несмотря на запрещение потомственным и личным дворянам, священнослужителям, почетным гражданам и купцам принимать в семью в качестве усыновленных своих незаконных детей, представители этих групп постоянно обращались с ходатайствами об усыновлении именно таких детей. При этом нередко прибегая к обману, скрывая происхождение дочери или сына, просители добивались необходимого разрешения. Авторы проекта закона высказались против возможности подобного усыновления. Объяснялось данное мнение следующими обстоятельствами: произошло бы смешение понятий узаконения и усыновления, а также увеличилось бы количество внебрачных сожителств, т. е. законодатели пытались таким образом сохранить «нравственное значение брачного союза» [15, с. 115–116]. Вносило смуту и опасения и следующее утверждение министра юстиции 1880 г.: «Держась принципа невиновности ребенка в его происхождении, пришлось бы отвергать разницу между законным и незаконным рождением, подрывая значение брака и разрывая основы, на коих покоится весь гражданский строй современных христианских государств» [15, с. 114].

Юристы по-разному трактовали отсутствие в законе 1891 г. упоминания об усыновлении незаконных детей: раз не было соответствующей фразы, следовательно, не существовало и запрета. Вторая точка зрения заключалась в том, что закон по-прежнему не отменял ранее существовавший порядок по умолчанию. Тем не менее многие публицисты и представители общественности были уверены, что закон 12 марта 1891 г. разрешал усыновлять собственных незаконнорожденных детей. Так, Н. Вальтер отмечал, что «нельзя не радоваться тому», что новый закон допустил усыновление «всяких детей, независимо от того, законно или незаконнорожденные они, и если незаконнорожденные, то чьи именно» [4, с. 31], «никому не запрещается усыновлять и собственных незаконнорожденных детей» [4, с. 32]. Автор заметки «Внутреннего обозрения» утверждал: «ничто не мешает ... усыновлению собственного незаконнорожденного ребенка» [2, с. 372]. Г. Вербловский также поддерживал эту точку зрения: «усыновляемый может принадлежать к другому состоянию,

нежели усыновитель, может быть ему совершенно *чужой или его собственное незаконнорожденное дитя* (курсив автора)» [16, с. 535].

В практике окружных судов также встречались разные толкования данного вопроса. Так, Петербургский окружной суд и судебная палата отказывали матерям в ходатайствах об усыновлении незаконных детей. В деле 1892 г. прошение дворянки П-овой об усыновлении ей воспитанников Евгении и Александры (как выяснилось в ходе дела, ее незаконных детей) было оставлено без последствий. Жалоба на решение суда, поданная поверенным с пояснением, что по имевшимся документам дворянка Екатерина П-ова и мать детей, дочь майора П-ов, это разные люди, также была оставлена без последствий: судебная палата, сопоставив документы, установила «тождество» указанных личностей [15, с. 117–119].

В Вологодский окружной суд в феврале 1892 г. обратилась вдова коллежского ассессора Ольга Б-ова с прошением об усыновлении ею сына Василия, прижитого во вдовстве. Суд принял решение оставить ходатайство без последствий, так как по закону просительница ни узаконить, ни усыновить ребенка не могла. Правительствующий сенат, куда обратилась с жалобой просительница, отменил определение окружного суда и предписал руководствоваться «отделом IV Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета, в коем постановлены новые правила о детях усыновленных» [15, с. 119–120].

Московская судебная палата, рассматривая в 1893 г. ходатайство дочери унтер-офицера Прасковьи З-евой об усыновлении незаконнорожденной дочери Марии, также вынесла положительное решение [15, с. 119]. Тем не менее подобные определения окружных судов и судебных палат нередко вызывали неудовольствие со стороны других правительственных инстанций, в частности, министерства юстиции. Так, в 1892 г. саратовский окружной суд оставил без последствий ходатайство дочери титулярного советника Александры Б-иной об усыновлении незаконного сына Владимира. Саратовская судебная палата, куда просительница обратилась с жалобой, вынесла положительное решение об усыновлении ею ребенка, основываясь, прежде всего, на том, что «нигде в законе не усматривается запрещения усыновлять детей своих, прижитых вне брака», а прослеживается лишь мысль – запрещение усыновления детей, произошедших от прелюбодеяния [15, с. 121–122].

Министр юстиции предложил вынести данное определение на «рассмотрение и законное постановление» сената. Так, в решении Общего Собрания Правительствующего сената 1893 г. отмечалось, что данное запрещение сохранялось, поскольку новый закон его не отменял. В то же время вызывала неясность статья об усыновлении

«воспитанников, приемышей и чужих детей». Законодатели понимали под последними детей, принадлежавших другой семье и не имевших каких-либо отношений к усыновителю, в то время как под воспитанниками и приемышами подразумевали детей, принятых на попечение и воспитывавшихся в доме усыновителя, но также не входивших в состав семьи [8, с. 526].

Неясность в законе об узаконении и усыновлении детей привела к тому, что в 1895 г. вопрос о возможности усыновлять собственных незаконнорожденных детей вновь был поставлен на заседаниях Департаментов сената. И уже в 1899 г. очередное решение Общего Собрания сената провозгласило возможность такого усыновления, так как теперь уже в понятие воспитанников и приемышей были включены обсуждавшими это положение законодателями и незаконнорожденные дети усыновителя. Более того, поскольку закон 1891 г. не делал никакого разграничения между ними, то соответственно, данное запрещение потеряло силу и должно было быть признано отмененным [14, с. 325].

Однако комиссия, созданная для подготовки нового Гражданского уложения, также была против ликвидации рассматриваемого ограничения. В разработанном ею проекте формулировка была изменена следующим образом: не допускалось усыновление незаконнорожденного, если внебрачное происхождение ребенка от просителей удостоверялось метрической записью, признанием матери либо решением суда [14, с. 325]. При обсуждении комиссией законопроекта, составившего впоследствии закон 3 июня 1902 г., Государственный Совет признал желательным расширить круг лиц, которые могли быть усыновлены, т. е. предоставить такое право и незаконнорожденным детям усыновителя, причем с рядом исключений из общего закона [14, с. 326–327].

Окончательно утвердил положение о возможности усыновления собственных незаконных (обозначенных новым термином «внебрачные») детей закон от 3 июня 1902 г. об улучшении положения незаконнорожденных детей. Согласно статьям закона усыновление внебрачных детей допускалось и в случае наличия у усыновителя законных или узаконенных детей [7, с. 494]. Для такого случая предъявлялись и другие требования к усыновителю: он мог быть младше 30 лет, но обязательно совершеннолетним, разница в возрасте усыновителя и усыновленного могла быть меньше 18 лет. Существовавшее в законодательстве с 1891 г. возрастное ограничение, по мнению членов Государственного совета, было «равносильно лишению этих детей возможности воспользоваться преимуществами усыновления». Незаконнорожденные, главным образом, являлись «плодом молодых увлечений их родителей», поэтому, как считали юристы, необходимо воспользоваться

особенностями «юного возраста» (к таковым относили благородство, восприимчивость к чужому горю, чувство вины), которые по прошествии длительного времени, в частности, в момент ожидания нужных для усыновления возрастных рамок могли уже бесследно исчезнуть [14, с. 328].

Несмотря на смягчение требований, в новом законе существовало серьезное ограничение: усыновление допускалось лишь с согласия другого супруга и при его жизни либо с согласия достигших совершеннолетия законных детей усыновителя. Однако такое положение дела лишало усыновителя возможности до совершеннолетия своих детей усыновить собственного незаконнорожденного ребенка в случае смерти супруга. Кроме того, необходимо было для усыновления и согласие матери ребенка, если только она числилась в метрической записи ребенка либо это было доказано судом [14, с. 495]. В остальных же случаях, т. е. в случае усыновления чужих детей, по новому закону 3 июня 1902 г. продолжали действовать те же правила, что и ранее.

На случай отступления от предписанных законом правил существовало усыновление с соизволения Его Императорского Величества [12, с. 37]. Следует отметить, что подобный вариант усыновления существовал и уже более века, но специальным примечанием к статье 144 запрещалось даже просить об узаконении «незаконнорожденных детей, или воспитанников, а также о сопричтении к законным детей, рожденных до брака с настоящей женой» [10, с. 29]. Тем не менее многие заинтересованные лица все равно ходатайствовали об усыновлении таких детей. Правда, обращение к Монаршей милости не всегда приводило к успеху.

Так, мещанин из города Ирбит Пермской губернии Павел Михайлович Асанов в 1895 г. обратился в Комиссию по принятию прошений с просьбой о предоставлении его сыну от первого брака – Константину права на наследование в благоприобретенном недвижимом имуществе его бабки, а также об усыновлении четырех детей, прижитых от другой женщины, с которой он впоследствии вступил в брак. Однако дело было оставлено без рассмотрения ввиду наличия двух ходатайств одновременно, а также потому, что, во-первых, предоставление наследства нарушило бы интересы других законных родственников-наследников, а во-вторых, принятие детей в семью было невозможно из-за нарушения в противном случае ст. 144 и 145 Свода законов [9]. В то же время, несмотря на существовавшие запреты, некоторые просители все-таки добивались положительного решения в отношении своих воспитанников. Немаловажную роль при этом играли рекомендации высоких чиновников, но, прежде всего, участие представителя императорской фамилии [1, с. 540–542].

Огромное количество ходатайств, хлынувшее в Комиссию по принятию прошений, особенно в 80-е гг. XIX в., заставило законодателей обратить серьезное внимание на этот вопрос, в частности на необходимость сохранения особого способа усыновления «в виде изъятия из правил» с Высочайшего соизволения [14, с. 221]. В тексте нового законопроекта, ставшего впоследствии законом об узаконении и усыновлении детей 1891 г., это положение не было отражено. И с принятием закона 3 июня 1902 г. не было ликвидировано усыновление через волю императора, поскольку имевшиеся в законе условия (возраст усыновителя и усыновленного, наличие детей в семье) ограничивали возможность провести усыновление в том или ином случае. Как отмечает В.А. Верременко, после 1902 г. чаще всего дворяне обращались к императору с просьбой о даровании детям фамилии и сословных прав. Но в то же время и окружные суды, и Комиссия по принятию прошений превышали свои полномочия, предоставляя, в частности, право усыновленному на ношение фамилии потомственного дворянина, минуя решение главы государства [1, с. 568–571].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. произошли значительные изменения в сфере усыновления детей. Прежде всего, были ликвидированы многочисленность и разнообразие инстанций прохождения дел об усыновлении. Кроме того, по закону 3 июня 1902 г. разрешалось усыновление собственных незаконных (внебрачных) детей. Тем самым им обеспечивалось не только содержание и предоставление соответствующих прав, но и семейные узы, существование утраченной было связи между ребенком и его родителями, что, в свою очередь, по мнению правительства, могло привести к ликвидации распущенности нравов и укреплению семейных отношений.

Список литературы

1. Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2007.
2. Вестник Европы. – СПб., 1891. – Т. III. – Кн. 5. Май.
3. Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии). – СПб., 1910. – Т. 1.
4. Журнал Гражданского и Уголовного права. – СПб., 1892. – № 10.
5. Носенко Д.А. Производство дел об узаконении и усыновлении детей. Закон 12 марта 1891 г. с разьясн. – М., 1893.
6. Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. – Т. XI. № 7525. – 1891. – СПб., 1894.
7. ПСЗ. Собр. 3-е. – Т. XXII. 1902. № 21566. – СПб., 1904.

8. Полный свод решений Общего Собрания Первого и Кассационного департаментов и Кассационных департаментов Правительствующего сената с подробными предметным алфавитным и постатейным указателями, составленными кандидатом прав Л.М. Ротенбергом за 1886–1896 гг. – Екатеринбург, 1909.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 573.
10. Свод Законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. Ч. 1. – СПб., 1857.
11. Свод Законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. Ч. 1. – СПб., 1900.
12. Свод Законов Российской империи. Т. X. Законы Гражданские. Ч. 1. – СПб., 1914.
13. Устав Гражданского судопроизводства. (Св. зак. Т. XVI, ч.1, изд. 1892 г. по прод. 1906 г.). – СПб., 1909.
14. Цыпкин П.С. Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении и о взаимных отношениях родителей и детей. – Пг., 1916.
15. Шматков К. Узаконение и усыновление детей. – СПб., 1896.
16. Юридический вестник. – М., 1891. – Т. IX. – Кн. 4 (Дек.).

**Проблема местничества в России в 1918–1919 гг.:
Л. М. Каганович и Нижегородская партийная организация**

В статье рассмотрены проблемы взаимоотношения центра и провинции в годы гражданской войны, проявление местничества в Нижегородском губкоме в связи с приездом из Москвы Л.М. Кагановича. Архивные данные уточняются по неопубликованным воспоминаниям Л.М. Кагановича.

The article describes the relationship between the center of the problem and the province during the Civil War, the manifestation of localism in the Nizhny Novgorod Provincial Committee in connection with the arrival from Moscow, LM Kaganovich. Archival data are specified on unpublished memoirs of LM Kaganovich.

Ключевые слова: местничество, Гражданская война, Нижегородский губком, губисполком, ЦК РКП (б), назначенчество.

Key words: regionalism, civil war, Nizhny Novgorod Provincial Committee, Gubernia Executive Committee, CC RCP (b), *naznachenchestvo*.

В научной литературе уже отмечалось наличие местничества в России в годы Гражданской войны [1]. Это проявилось и на нижегородской земле: ЦК РКП (б) направил в прифронтный город своего представителя – Л.М. Кагановича, но местная элита пыталась противостать его возвышению в губкоме. И в дальнейшем местные партийные и государственные работники возражали против вмешательства центра в провинциальную жизнь. Статья освещает несколько сюжетов из истории местничества в 1918 г., связанных с именем Л.М. Кагановича. Его воспоминания находятся в РГАСПИ, фонд пока не обработан (Ф. 81), поэтому ссылки будут указываться только на страницы рукописи.

Лазарь Моисеевич приехал в Нижний 17 мая 1918 г., будучи направленным сюда секретарем ЦК РКП (б) Я.М. Свердловым. Однако в Исполкоме для него места не нашлось, как и в губсовнархозе и в губкоме партии. Друг Свердлова, секретарь губкома партии М.С. Сергушов не смог помочь Кагановичу. Лазарь Моисеевич уточняет: «Потом от Сергушова я уже знал, что существовала своеобразная группировка вокруг Романова, которая ревниво оберегала руководство от вмешательства чужаков. Отсюда и настороженность ко мне, приехавшему к ним кого-то сменить» [6. Ф. 81. Л. 63]. Вероятно, Каганович сообщил о состоянии дел в Москву, поскольку

28 мая 1918 г. на заседание актива губкома приехал бывший член нижегородского комитета партии (1904–1906 гг.) и заведующий медико-санитарным отделом Московского Совета Н.А. Семашко. Он не был членом ЦК партии, но, несомненно, имел определенные уставы, которые мог получить от Свердлова.

В сохранившихся материалах заседания губкома 27 мая осталась лишь речь Семашко [З. Д. 17. Л. 38 об.-40 об.], которая была только отчасти опубликована [2]. Воспоминания излагают это важное событие более полно: Н.А. Семашко «говорил об имеющихся группировках, в особенности о группировке среди руководящих работников губисполкома и его отделов, которые не считаются с губкомом, а подрыв авторитета и действительной силы губкома партии вредно и опасно» [Б. Ф. 81. Л. 82]. Далее Семашко остановился на том, что кадры используются неудовлетворительно и привел в пример Кагановича, присланного ЦК.

Таким образом, центр смог «административным ресурсом» укрепить позиции присланного в провинцию партийного работника: партийный актив 28 мая 1918 г. признал де-факто власть Кагановича (НЕ члена губкома) в губкоме вместо И.Р. Романова, который с ноября 1917 г. являлся руководителем губисполкома и возглавлял губком с мая 1918 г. Таким образом, смена власти произошла за полмесяца до плановой отчетно-перевыборной партийной конференции. В июне 1918 г. Каганович официально был избран на пост председателя губкома.

Вторая ситуация проявилась во время приезда в Нижний председателя ВЦИК Я.М. Свердлова в декабре 1918 г. Главный смысл визита – преодоление местнических тенденций, которые продолжали развиваться в Нижнем. Для обсуждения важнейших экономических и политических проблем 26 декабря 1918 г. было созвано совместное заседание губкома и губисполкома. В речи Кагановича слышны отзвуки его неоднозначной позиции: «мы не расходимся в принципе, с выдвигаемыми положениями о централизации ЦК, мы недовольны только некоторыми формами этой централизации, которые, по нашему мнению, неправильны. <...> Губком и губисполком всегда стоят на той точке зрения, что Советские отделы должны строго проводить распоряжения Центра, и у нас в Нижнем не было ни одного случая, когда бы наши отделы не выполнили распоряжение Центра» [З. Д. 22. Л. 1].

Сохранившаяся речь Я.М. Свердлова направлена, прежде всего, именно против местничества: «За последнее время, да и раньше, в наших рядах наблюдается местническое строительство новой жизни. Все активные товарищи на местах рассматривают все вопросы, всю работу государственного строительства с точки зрения местной колокольни. Все, что исходит из центра, идет, по их мне-

нию, в разрез с их строительством. Они начинают рассуждать о выгоде и невыгоде тех или иных мер, идущих из центра. <...> Местные организации должны уяснить себе, что распоряжением ответственных работников в общероссийском масштабе ведает ЦК. ЦК может отозвать любого работника и послать туда, куда он считает более необходимым. Поэтому необходимо наметить линию своих работ таким образом, чтобы все распоряжения Центра выполнялись безусловно» [З. Д. 22. Л. 1].

В воспоминаниях это выступление, и вообще позиция Кагановича в этот период, более сглажены, но зато детализированы претензии к ЦК: «Мы со своей стороны доложили т. Свердлову о состоянии нашей организации, о проводимой работе и заявили, что целиком и полностью поддерживаем выраженную тов. Свердловым линию ЦК на борьбу с местничеством, в частности, в хозяйственных органах, которые, как писал нам тов. Ленин в своей телеграмме, позволяют себе часто не выполнять наряды Наркомпрода. Мы ведем борьбу с местничеством, но мы извлечем пользу из всего того, что говорил тов. Свердлов, в том числе и о Нижнем Новгороде, и с еще большей настойчивостью будем преодолевать местнические нарушения централизма. Мы просили тов. Свердлова, чтобы ЦК воздействовал на центральные ведомства, чтобы они издавая свои распоряжения или перемещая наших работников ставили бы в известность губком и исполком» [6. Ф. 81. Л. 556–557].

Представляется, что эта встреча и ее результаты были очень важны для Нижнего и его политической жизни. Особенно важно, что в документах и воспоминаниях хоть и глухо, но передается, отражается какое-то объективное противостояние между нижегородской политической элитой и ЦК РКП(б).

С 7 по 10 января 1919 г. проходит Третий Нижегородский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором был избран новый президиум. Вместо А.И. Таганова и его заместителя С.М. Кузнецова были избраны Л.М. Каганович (председатель) и А.Д. Костин (председатель Нижгубсовнархоза с марта 1918 г.) его заместителем. Решение об этом было принято 9 января 1919 г. на заседании губкома.

Хотя Каганович на протяжении всех воспоминаний местническую позицию приписывает только лидеру губисполкома А.И. Таганову, но и он сам, вероятно, имел не совсем однозначную позицию. В феврале 1919 г. М.С. Сергушевым при активном участии Л.М. Кагановича были подготовлены тезисы об организационной политике партии. Они содержали упрек в том, что существуют местнические тенденции, которые ЦК не мог загасить; а также упрек в том, что ЦК не рассылал на места четких инструкций о том, что и как делать. Накануне Нижегородской конференции в губкоме пришло

большое письмо от секретаря ЦК Е.Д. Стасовой. Она отвечала на недоумения Сергушева (и Кагановича): «Не было сильного организационного центра» – неправда. Постоянные связи с работниками из губернии, постоянное инструктирование непосредственно членами ЦК, распределение сил (ответственных) непосредственно ЦК. Ведь нет губернии, нет крупного центра, где бы не было посланного, передвинутого лично соприкасавшегося с центром и получившего указания товарища» [5, № 128]. Это письмо, несомненно, сыграло роль при формировании позиции Кагановича на VI Нижегородской губернской партийной конференции (4–7 марта 1919 г.), на которой он выступал по организационному вопросу.

5 марта от имени группы «мирной оппозиции» А.И. Таганов выразил недовольство деятельностью Нижгубкома и ЦК партии: диктатом верхов, коллегиальностью при принятии решений, против мобилизации членов партии по разверстке ЦК и переброске их в другие губернии страны, указывая на собственные трудности региона, против выполнения указаний Центра об отправке продовольствия в Москву и Петроград. Л.М. Каганович подробно рассказывает об этих событиях: «Генеральный оратор этой "мирной оппозиции" т. Таганов Андрей Иванович вынужден был оговариваться, что он, мол, не против по всей политике ЦК выступает, но он считает, что ЦК неудовлетворительно руководит центральными и местными организациями. Таганов пробовал выступить в роли защитника "низов" против "верхов" и т. д.» [6. Ф. 81. Л. 640].

Следующий сюжет в развитии местнических тенденций связан с историей отъезда Кагановича из Нижнего и позицией ЦК, который не смог внедрить своего представителя в губком в августе – сентябре 1919 г.

25 июля на заседании губкома, сразу после VII партийной конференции был выбран новый президиум [3. Д. 325. Л. 103], в который (кроме Сергушева и Модзалевского) были выбраны совершенно новые люди: И.Д. Кабаков, В.И. Храмов, С.И. Кутузов. Председателем Президиума губкома вместо Кагановича был избран Сергушев. Основная работа проводилась С.И. Кутузовым, И.А. Модзалевским, И.Д. Кабаковым. 28 июля 1919 г. на IV Губернском съезде Советов председателем губисполкома вновь был выбран Л.М. Каганович.

11 августа 1919 г. состоялось заседание Оргбюро с записью: «Тов. Каганович докладывает о советском и партийном съезде в Нижегородской губернии...» [6. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 16]. Трудно сказать, что стоит за этими скупыми словами, но 15 августа 1919 г. без всяких видимых причин оргбюро ЦК принимает решение «Командировать в Нижний Новгород» П.С. Заславского [6. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 24], который с марта 1918 по апрель 1919 г. был секретарем Петроградского городского комитета РКП(б), затем сек-

ретарем Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП(б). Направление Заславского в Нижний можно трактовать как укрепление кадрами местных товарищей со стороны ЦК.

20 августа Заславский уже присутствовал на заседании губкома, и 21-го президиум губкома принял решение: «Тов. Заславского кооптировать в президиум губкома и возложить на него обязанности второго секретаря...» [3. Д. 329. Л. 20]. В тот же день, 20 августа, на президиуме губкома рассматривался вопрос «Об откомандировании ответственных работников для фронта по требованию ЦК», хотя такое требование нигде не зафиксировано. Воспоминания Кагановича передают ситуацию таким образом: «При обсуждении в Нижегородском губкоме персональных списков товарищей для отправки на фронт я поставил вопрос об отправке на Южный фронт меня и некоторых других руководящих товарищей из губкома и губисполкома. Вместе со мной об этом желании заявили товарищи Сергушев, Воробьев, Мордовцев и другие» [4, с. 204].

25 августа 1919 г. оргбюро ЦК рассматривало вопрос «О перемещении группы работников из Нижнего Новгорода». Со ссылкой на заявление Сергушева, Кагановича, Воробьева и Мордовцева, «а также потому, что Советская и партийная работа в Нижегородской губернии достаточно налажена», было принято решение «снять указанных товарищей и перевести их в Воронежскую губернию, дать им право по их усмотрению с согласия губкома взять из Нижегородской губернии нескольких работников. Тов. Каганович должен выехать в ближайшие дни, остальным товарищам дается две недели для ликвидации дел» [6. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 47]. 27 августа Каганович последний раз присутствовал на заседании губкома партии, а 28 и 30-го на заседании президиума губисполкома. И выехал в Воронеж.

28 августа 1919 г. на заседании президиума губкома присутствовали только Кутузов, Заславский и Модзалевский. Они рассмотрели вопрос «Об отъезде группы т.т. из Нижнего в распоряжение ЦК согласно телеграммы ЦК» и записали в протокол: «Президиум губкома не возражает против отъезда т.т. Кагановича, Сергушева, Я. Воробьева, Мордовцева» [3. Д. 329. Л. 29].

Итак, ЦК РКП (б), перебросив Кагановича в Воронеж, не подготовил ему замены на посту председателя губисполкома и не подготовил замены Сергушеву на пост председателя губкома (вероятно, планировался Заславский), что привело к кардинальному перевороту в руководстве губкома и губисполкома.

4 сентября Сергушев, оставленный в Нижнем для сдачи дел новому президиуму губкома, вместе с Кутузовым, Храмовым, Заславским и Модзалевским решал вопрос «О работе президиума» сначала на заседании губкома, а 5 сентября на заседании президиума губкома. Сергушев предложил «придерживаться старых

норм. Наметить пять товарищей, спевшихся между собой, которые сумеют вести всю партийную работу». Это всех устраивало. Было постановлено: «В председатели тт. Храмова и Кутузова, в члены президиума: Белова, Модзалевского и Заславского» [З. Д. 329. Л. 33]. Однако губком выразил несогласие с таким положением дел [З. Д. 325. Л. 132–133 об.].

8 сентября 1919 г. состоялось заседание президиума, на котором присутствовали: Таганов, Храмов, Кутузов, В.И. Белов, Сергушев, Я.З. Воробьев, Модзалевский, П.С. Заславский; с совещательным голосом Кириллов. Заслушивался вопрос «О президиуме и распределении работ в президиуме». Главным докладчиком выступал уже не Сергушев, а Таганов. Он предложил «созвать пленум губкома и только после того, как пленум изберет президиум, говорить о распределении обязанностей в нем. Против созыва пленума высказывается только Модзалевский, всеми присутствующими это признается необходимым». Было решено на пленуме решить вопрос о председателе губкома, причем предложить кандидатуру Кутузова, а «кандидатуру т. Таганова не выставлять». Кандидатуры А.И. Петрова и В.И. Храмова были отвергнуты [З. Д. 329. Л. 33–34 об.]. Материалы этого пленума не сохранились. В заседаниях губкома происходил некоторый перерыв, на заседании 17 сентября председательствовал еще Кутузов, но позднее во главе президиума встал именно Таганов.

20 сентября перед руководством Исполкома встал вопрос о конструировании нового президиума в связи с сообщением ЦК заместителю Кагановича М.М. Карклину о том, что Каганович в Нижний не вернется. На экстренном заседании губкома от 24 сентября 1919 г. Таганов сообщил, что «Карклин по приезде из Москвы передал сообщение из центра, что новых сил, кроме присланных, более прислать не предполагается. На пост председателя губисполкома после предварительных разговоров с т. Кузнецовым было уже решено выдвинуть его кандидатуру. Но через два дня приезжает из Центра также т. Заславский и сообщает, что Ц.К. решено прислать к нам т. Бубнова или т. Молотова. Перед президиумом губкома встает вопрос о соглашении с постановлением ЦК, причем было решено войти в сношение с ЦК по прямому проводу с просьбой провести в жизнь посылку того или иного т. на пост председателя губисполкома». Надо подчеркнуть – не губкома, во главе которого уже встал Таганов. Таганов, Кутузов и Заславский составляли основу президиума губкома с октября 1919 г.

Согласно принятому решению губкома и по воле ЦК РКП(б) в начале ноября 1919 г. в Нижнем появился В.М. Молотов, который был назначен председателем губисполкома. Критика политики «назначенчества», проводимой ЦК РКП(б), звучала и на XI губпарткон-

ференции в феврале 1921 г. Только прибывший к тому времени А.И. Микоян завоевал доверие губкома и возглавил его. Борьба группировок в Нижгубкоме и конфликт с ЦК закончилась летом 1921 г.

Список литературы

1. Адамова И.А. Вопросы внутрипартийной жизни РСДРП(б) – РКП(б) в первые годы пролетарской диктатуры. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 101.
2. Волжская коммуна. – 1918. – 31 мая. – № 26.
3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1.
4. Каганович Л.М. Памятные записки. – М.: Вагриус, 2003.
5. Переписка Секретариата ЦК с местными партийными организациями. (Январь – март 1919 г.): сб. док-тов. М., 1971. – Т. 6.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УДК 94(470.341).084.9:351.751

М. С. Виноградов, М. В. Зеленов

Эволюция структуры и штатов Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Горьковском облисполкоме (Обллит, 1953–1966 гг.)

В статье описаны этапы развития структуры и штатов провинциальных органов цензуры на примере Горьковского Обллита, а также дана краткая характеристика этим изменениям. Показано, какие эволюционные шаги были сделаны в системе организации цензорской работы в связи с новым политико-идеологическим фоном в стране.

The article describes development stages of structure and states of provincial censorship authorities on Gorky Oblit example, as well as summarizes these changes. It is shown what evolutionary steps were made by censorial system of work organization in connection with the new political and ideological background in the country.

Ключевые слова: цензура, архив, структура, штаты, Горький, Обллит, Главлит.

Key words: censorship, archive, structure, states, Gorky, Oblit, Glavlit.

Наблюдение над изменением штатного расписания и структуры органов цензуры даст возможность выделить их направления работы, например, ответить на вопрос о доминанте предварительной или последующей цензуры на том или ином этапе развития политической системы государства.

Управление по охране военных и государственных тайн в печати при Горьковском облисполкоме (Обллит, 1953–1966) было образовано постановлением Совета Министров СССР от 8 октября 1953 г., переведшего Обллиты из подчинения МВД в систему исполкомов. Однако руководство Горьковским облисполкомом считало, что Управление не может быть оформлено при облисполкоме, так как у исполкома не было на этот счет никаких указаний ни от Совета Министров РСФСР, ни от Совета Министров СССР, не было и положения, определяющего взаимоотношения цензуры с облисполкомом. Так эта проблема описывалась в ежегодном отчете за 1954 г.: «В узаконении нас при Облисполкомах... требуется вмешательство

и помощь Главного Управления» [3. Д. 57. Л. 23]. После многократных переговоров с зам. председателя исполкома облсоветов Перминовой, ведавшей вопросами культуры, была достигнута договоренность об утверждении цензоров – совместителей, а в дальнейшем об утверждении начальника Управления и т. д. Но окончательно проблема оформления статуса Обллита была решена лишь в течение 1955 г. [4. Д. 6. Л. 20]. Этот сюжет из истории государственного управления проявляет отношение к институтам цензуры как к второстепенным элементам политического контроля.

Облит состоял из начальника (после Ф.Н. Боронина его в 1962 г. возглавил А.С. Ульянов), заместителя, старшего цензора, 7 цензоров (областных газет, по мелкопечатной продукции, последующего контроля, по библиотекам, по искусству), 8 цензоров по районам города и области и 26 цензоров-совместителей [3. Д. 57. Л. 2–3].

В 1955 г. на фоне «оттепели» произошло важное событие в истории цензуры – должности цензоров-совместителей были сокращены. Основное изменение в организации работы цензоров было связано с новым политико-идеологическим фоном в стране: вместо активного вмешательства в авторский материал, вместо диктата, что писать автору и как писать (цензор часто выполнял редакторские функции), с 1955 г. возросла ответственность за вмешательство цензоров в текст, что расценивалось как серьезное нарушение [4. Д. 6. Л. 5]. После сокращения райцензоров-совместителей заметно снизилось количество цензурируемых районных газет: вместо 30 районных и одной городской газеты цензорами контролировались четыре районных и одна городская. Количество многотиражных газет изменилось незначительно, цензорами в области не контролировались лишь две многотиражки. Как отмечалось в отчете: «после сокращения цензоров очень ненамного сократилась мелкопечатная продукция и радио. В сельских районах и раньше мелкопечатные издания занимали весьма незначительную долю работы» [4. Д. 6. Л. 3].

Поскольку предварительная цензура была ослаблена, часть ответственности за качество выпускаемой продукции легла на редакторов. Помимо писем, посланных Облитом редакторам районных газет, зав. типографиями и цензорам-совместителям, был проведен двухчасовой семинар редакторов газет [4. Д. 6. Л. 1]. Руководители Управлений культуры, полиграфпредприятий и библиотек были подробно ознакомлены с новым порядком работы.

Цензорский состав в Управлении и в районах в основном остался прежним, но направления работы сменились: вместо предварительной цензуры акцент стал делаться на последующем контроле. В прошлом группа предварительного контроля состояла из четырех человек. Цензор тов. Пискунов из этой группы был передан в группу

последующего контроля с целью её усиления. В итоге группа предварительного контроля на 1955 г. существовала в следующем составе: ст. группы – зам. начальника Управления тов. Васильковская, она же контролировала книжно-журнальную продукцию. Областные и многотиражные газеты по-прежнему по понедельно контролировали тов. Иванов и Мордовченко, мелкопечатные издания и радиовыпуски тов. Романова.

Основное внимание теперь было обращено на последующий контроль. Отсутствие цензоров-совместителей в районах обязывало Управление со всей внимательностью читать газеты, радиовыпуски, мелкопечатные издания, систематически проводить контрольные проверки библиотек, книжных магазинов, выполнение типографиями «Единых правил», приказа № 311, добиваться от Управления культуры и ведомств, имеющих библиотеки, своевременного очищения книжных фондов от литературы, подлежащей изъятию по цензорским документам, соблюдения требований цензуры от предприятий и учреждений искусств и т. д. [4. Д. 6. Л. 7]. Это заставило Обллит произвести некоторую перестройку в аппарате и усилить последующий контроль, объединив всех цензоров, связанных с последующим контролем, в одну группу. Во главе группы последующего контроля был поставлен «опытный работник» ст. цензор тов. Пискунов. Всего в группе насчитывалось пять человек. Ст. группы осуществлял последующий контроль радиовыпусков и областных газет. Последующий контроль районных и многотиражных газет и других печатных изданий осуществляли тов. Быстров [1. Д. 3] и Полякова; библиотек – тов. Михеева; искусств и музеев – тов. Симановский.

В 1956 г. в Управлении предварительным контролем занималась та же специальная группа из четырех человек. Но теперь схема работы группы изменилась: два цензора посменно, а не по понедельно контролировали две областные и одну вечернюю газеты. Отмечается, что «по объему все три газеты мог бы контролировать один цензор, но тогда его рабочий день растянулся бы почти на полные сутки – с 9 часов утра («Горьковский рабочий»), с 7–8 часов вечера («Горьковская правда» и «Ленинская смена»)» [4. Д. 10. Л. 3]. Третий цензор теперь осуществлял контроль исключительно над многотиражными газетами, мелкопечатными изданиями, радиовещанием, телепередачами и т. д. В областной типографии был установлен цензорский пункт, где контролировалась вся продукция, которая печаталась в областной типографии, в том числе и книжно-журнальная, издаваемая областным книжным издательством.

Изучение штатного расписания Облита дает возможность четко определить границы «оттепели»: начавшись в 1955 г., она была полностью ликвидирована в 1957 г. – предварительный контроль был вновь выделен как наиболее важное направление деятельно-

сти цензуры. Постановление ЦК КПСС «О работе Главлита СССР» 1957 г. «ликвидировало недооценку и решительно прекратило всякие поползновения упразднить предварительный контроль произведений печати и радио» [4. Д. 15. Л. 1].

В 1957 г. группу предварительного контроля печати, радио и телевидения возглавил ст. цензор тов. Пискунов, который контролировал книжно-журнальную продукцию Совнархоза, вузов и научно-исследовательских институтов. Цензор тов. Романова контролировала многотиражные газеты, радио, мелкопечатные издания; цензор тов. Иванов – областные газеты; цензор тов. Мордовченко – газету «Горьковский рабочий» и всю книжно-журнальную продукцию Областного книжного издательства, а также мелкопечатные издания, которые печатались в областной типографии. По мере необходимости предварительным контролем занимались и цензоры последующего контроля, особенно в период отпусков, болезни, командировок. В свою очередь и цензоры предварительного контроля взаимно помогали цензорам последующего контроля [4. Д. 15. Л. 8]. Хотя предварительный контроль являлся главной обязанностью районных цензоров г. Горького и области, были упразднены цензорские должности в г. Бор и Городец. Здесь многотиражки в 1957 г. выходили под ответственностью редакторов без цензорского контроля.

С 1957 г. последующий контроль велся группой цензоров из трех человек: тов. Симановского и тов. Поляковой во главе со старшим цензором тов. Быстровым. Все они проверяли газеты, книжно-журнальную продукцию, мелкопечатные издания, книжные фонды библиотек и магазинов, контролировали типографии и музеи. Между тремя цензорами были распределены районы области и подконтрольные объекты в городе.

В 1958–1960 гг. произошли серьезные изменения в организации работы цензуры: во-первых, началось активное включение редакторов изданий в рабочий процесс в качестве активных участников цензуры, во-вторых, разделение цензоров на группы предварительного и последующего контроля стало более условным.

В 1958 г. Главлитом была поставлена задача повысить ответственность за охрану военных и государственных тайн в печати, по радио и телевидению самих редакционно-издательских работников [4. Д. 20. Л. 1]. Цензоры Обллита и райцензоры ознакомили редакторов и издательских работников с основными ограничениями «Перечня». В 1959 г. редакторы газет стали больше вникать в вопросы охраны военных и государственных тайн, старались не допускать в подготовляемых к печати материалах запрещенных сведений, чаще советовались и консультировались с цензорами [4. Д. 23. Л. 19].

В 1960 г. функции цензуры все более перекладывались на плечи редакционных работников. В редакциях областных газет, радио-

комитете, книжном издательстве регулярно проводились занятия по ознакомлению с основными ограничениями перечня, с новыми изменениями и добавлениями, вычерками, замечаниями, которые накапливались за неделю, месяц [4. Д. 26. Л. 7]. Управление наладило более или менее регулярные занятия с редакторами и секретарями многотиражных газет, издательскими работниками вузов и научно-исследовательских институтов, директорами и зав. Полиграфическими предприятиями, начальниками спецотделов и частей предприятий Горьковского совнархоза, членами издательских комиссий вузов г. Горького.

Предварительный контроль произведений печати, радио и телевидения стал занимать в Обллите ведущее место. Группа предварительного контроля состояла вновь из четырех человек: Мальцевой, Романовой, Мордовченко, Исаева [2. Д. 8]. Последующим контролем была занята группа из трех человек в составе Быстрова, Симановского, Мельниковой. Эта группа в порядке последующего контроля читала все районные и многотиражные газеты, радиовыпуски, мелкопечатные издания, проверяла очищение книжных фондов библиотек и книготорговой сети, контролировала типографии, музеи, выставки, учреждения искусств (художники, театры) как в г. Горьком, так и в районах области. Кроме того, как уже сказано выше, цензоры этой группы в порядке помощи занимались и предварительным контролем газет, радио, телевидения, мелкопечатных изданий и т. п. [4. Д. 20. Л. 2].

Разделение на группы предварительного и последующего контроля становилось все более условным, так как в любую минуту, «если этого требует дело», всё наличие цензоров независимо от группы привлекалось на предварительный контроль [4. Д. 23. Л. 3]. Из четырех человек предварительного контроля один был постоянно занят на контроле областных газет: «Горьковская правда», «Ленинская смена»; другой – вечерней газеты «Горьковский рабочий». Кроме этой газеты, он контролировал еще продукцию, которая печаталась в типографии издательства «Горьковская правда» [4. Д. 26. Л. 3]. Два цензора после обеда отлучались – один в радиокомитет для проверки радиовыпусков, а другой в телестудию, поскольку увеличилась программа телепередач (выпуск 5 ч, вместо 3 ч). Поэтому цензор на месте просматривал киноплёнки, изредка выезжал с телепередвижками [4. Д. 23. Л. 36]. Таким образом, после трех часов в Обллите цензоров из группы предварительного контроля чаще всего не бывало, а поэтому к предварительному контролю приходилось привлекать цензоров из группы последующего контроля и райцензора по Канавинскому кусту. Цензоры тов. Романова и Мальцев были вынуждены иногда задерживаться на 2–3 часа, так как не успевали в свой рабочий день рассмотреть представленный на кон-

троль материал, особенно когда кто-то заболел или находился в отпуске [4. Д. 26. Л. 3].

Цензоры группы последующего контроля выезжали в районы для проверок, инструктажа, консультаций, помимо того, что читали все районные и многотиражные газеты, радиовыпуски, книжно-журнальную продукцию, мелкопечатные издания, проводили контрольные проверки книжных фондов библиотек и книготорговой сети, проверяли типографии в районах, где нет цензоров, контролировали музеи, выставки, политическую изопroduкцию, произведения для театров [4. Д. 23. Л. 3–4].

В 1963–1966 гг. происходило резкое увеличение роли группы предварительного контроля, усиление цензуры. В 1963 г. эта группа была увеличена до пяти цензоров. Руководитель группы – ст. цензор тов. И.И. Мордовченко. Два цензора были заняты контролем областных газет «Горьковская правда», «Ленинская смена» и городской газеты «Горьковский рабочий», а также материалов телевидения. Кроме того, предварительным контролем занималась райуполномоченная тов. Канаева. Один из цензоров, работавших в управлении, главным образом тов. Романова, после 14 часов уходил в радиокомитет для контроля радиовыпусков. Цензоры группы предварительного контроля главным образом осуществляли и последующий контроль произведений печати в верстках.

Группа последующего контроля, теперь состоявшая из двух человек – ст. цензора тов. Быстрова, руководителя группы, и цензора тов. Симановского, проверяла все печатные издания, выходявшие на территории области, также материалы радио и телевидения [4. Д. 36. Л. 10]. Они же привлекались для предварительного контроля и последующего контроля в верстках. Симановский проверял тексты произведений, предназначенных для исполнения в театрах, цирке и на эстраде, политическую изопroduкцию, любительские кинофильмы, экспозиции выставок и музеев.

На 1964 г. группа предварительного контроля была еще более расширена. Теперь предварительный контроль печатных изданий, материалов радио и телевидения, текстов произведений, предназначенных для исполнения в театрах, на эстраде, в цирках, политической изопroduкции, экспозиции музеев и выставок в управлении осуществляла группа из восьми цензоров. С конца года предварительный контроль, в том числе по версткам и в полосах, вели вообще все цензоры Обллита, за которыми были закреплены конкретные объекты контроля. Последующим контролем занимались трое старших цензоров и сам начальник Управления. В течение года ими было проконтролировано около 40 процентов всей книжно-журнальной продукции [4. Д. 40. Л. 5].

В 1965 г. в аппарате Обллита было занято 12 цензоров, в городах и районах области и областного центра – пять цензоров [4. Д. 43. Л. 3]. В связи с этим группа предварительного контроля была сокращена вновь до пяти человек, а группа последующего контроля возросла до четырех [4. Д. 43. Л. 4].

В 1966–1991 гг. вместо Обллита было организовано Управление по охране государственных тайн в печати при Горьковском облисполкоме, в 1967 г. должность цензора была заменена должностью редактора, в 1974 г. были ликвидированы ставки районных цензоров (редакторов). Нижегородское управление по охране государственных тайн в печати при Горьковском исполкоме было упразднено в 1991 г.

Список литературы

1. Зеленов М.В. Аппарат цензуры – аппарат коммуникации при формировании и трансляции знаний в контексте краеведения // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы первой междунар. науч.-практ. конф. Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород, 2010. – С. 408–409.
2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 4254. Оп. 1 «Л».
3. ЦАНО. Ф. 4254. Оп. 2.
4. ЦАНО. Ф. 4254. Оп. 4.

М. Ю. Яковлева

Библиотеки Императорского Русского географического общества

Императорское Русское географическое общество было старейшим научным обществом в России, которое объединяло географов, различных ученых и известных личностей с 1845 г. Его деятельность по распространению географических сведений может служить ярчайшим примером просветительской деятельности во второй половине XIX – начале XX в. Исследование выполнено на основе изучения материалов, хранящихся в фондах Русского географического общества.

The Russian Geographical Society is the oldest scientific organization in Russia that has been uniting professional geographers, other scientists and public figures since 1845. Its activity in spreading different geographical knowledge could be an example of enlightenment in Russia since XIX to the beginning of XX century.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, отделы Императорского Русского географического общества, библиотеки.

Key words: The Russian Geographical Society, departments of the Russian Geographical Society, libraries of the Russian Geographical Society.

Императорское Русское географическое общество по времени своего основания – одно из старейших в мире и первое научное общество в России. Основанное в 1845 г., оно ставило перед собой цели собирания и распространения в России географических и этнографических сведений [1, с. 1]. Реализации поставленных целей как нельзя лучше способствовала библиотечная сеть, созданная Императорским Русским географическим обществом.

При расширении своей деятельности, открытии новых отделов, Императорское Русское географическое общество опутывало страну и сеть своих библиотек. Их успешное развитие и функционирование зависело не только от читателей, но, в первую очередь, от содержания и наполняемости книжных фондов. Помимо пожертвований частных лиц, отделы состояли в книгообмене со всеми местными научными организациями и редакциями газет и журналов. Посредством обмена устанавливались и обширные зарубежные связи Императорского Русского географического общества. Основа-

нием для вступления в книгообменные связи являлось содержание предлагаемых изданий, их полезность для географического общества. С учреждениями, не имевшими постоянных периодических органов, Императорское Русское географическое общество, как правило, не сотрудничало. Общество всегда стремилось к расширению своих книжных контактов, хотя предпочтение отдавало собственным российским учреждениям и обществам, а не иностранным. Тем не менее в 1860 г. Императорское Русское географическое общество состояло в обмене с 22 зарубежными учреждениями. Учитывая количество отечественных организаций (32), состоявших в книжных связях с Обществом в этот период, можно говорить о том, что зарубежные организации составляли около 40 % партнеров по книгообмену. Со временем эти связи только росли, и к 1915 г. Императорское Русское географическое общество обменивалось книжной продукцией с 75 зарубежными учреждениями.

Участие в книгообмене принимали все отделы Общества. География книгообменных связей охватывала всю Европу, Азию и восточные страны, Северную и Южную Америку, а в начале XX в. и почти всю Африку. Подобный книгообмен обеспечивал своевременное знакомство и популяризацию географических (и не только) знаний среди населения и формировал фонды библиотек Императорского Русского географического общества.

Самой первой по времени своего открытия (1845 г.) и самой обширной по наполняемости фондов стала библиотека центрального отдела Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Библиотека была организована в первый же год существования Общества для концентрации всех географических (и не только) изданий в России и за рубежом и для предоставления читателям возможности доступа к этим изданиям. После образования отделов Императорского Русского географического общества и их библиотек библиотека центрального отдела взяла на себя главенствующую роль, сосредотачивая у себя и аналогичные издания, которыми располагали отделы по стране.

В 1849 г. библиотека уже была систематизирована и каталогизирована и открыта для доступа хотя бы членам Общества. На тот момент в библиотеке числилось уже около 2000 книг и брошюр, разделенных на следующие рубрики по тематике: путешествия, математическая география, физическая география, общая описательная география и топография, историческая география, этнография, статистика, история, смесь, периодические издания [3, с. 17].

Для обслуживания библиотеки был нанят специальный библиотекарь, ежедневно находящийся при ней, занимавшийся систематизацией и каталогизированием книг и работой с читателями [4, с. 16]. Долгие годы эту должность успешно занимал Ю.В. Бруннеман. При

необходимости библиотека была доступна не членам Общества, для которых были установлены специальные дни (несколько дней еженедельно).

В 1877 г. в библиотеке числилось 21 700 томов, 1025 из которых было выдано читателям [5, с. 106]. В 1893 г. было выдано 3485 книг и журналов [6, с. 60], что говорит о несомненной популярности книжного собрания Общества, учитывая его узкую научную направленность. К началу XX в. фонд библиотеки состоял уже более чем из 100 000 изданий. А накануне революции 1917 г. – 227 000, в том числе более 30 000 карт и атласов [7, с. 37].

Следующей по времени своего открытия (1851 г.), но при этом одной из самых неудачных по темпам формирования была библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в Тифлисе. Сразу же после открытия отдела библиотека установила книгообменные связи с различными редакциями журналов и некоторыми научными обществами. Частных пожертвований в библиотеку почти не поступало, кроме редких единичных экземпляров. В 1856 г. в библиотеке находилось всего 647 книг [8, с. 15].

За все время существования Кавказского отдела Императорского Русского географического общества библиотека так и не была приведена в надлежащий порядок и открыта для широкого доступа читателей.

Одной из самых популярных и успешных региональных библиотек Императорского Русского географического общества являлась библиотека Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Иркутске. В библиотеку собирались, в первую очередь, книги по истории, экономике, географии, этнографии, преимущественно посвященные Сибири. Одним из главных направлений в деятельности библиотеки отдела стало собирание картографического материала. В 1852 г. в библиотеке числилось уже 44 карты [11, с. 6]. Кроме изданных книг и материалов в библиотеку собирались различные рукописи XV–XVIII вв. и архивные дела. Постоянно поступали подаренные единичные экземпляры книг от местного населения. Библиотека была доступна для всех категорий населения, в том числе и для ссыльных.

В 1979 г. в Иркутске разгорелся огромный пожар, за два дня уничтоживший 75 кварталов. Сгорела и библиотека Восточно-Сибирского отдела вместе с музеем. Началась кипучая деятельность по восстановлению утраченных книг и музейных коллекций, и через десять лет фонд был восстановлен не только количественно, но и качественно и составил более 10 000 книг [12, с. 64]. Библиотека вновь была открыта для широкого доступа читателей.

Трудная судьба выдалась на долю библиотеки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества в Вильне.

Создание библиотечного фонда было предметом особой заботы отдела. В первый период существования (1867–1876) своей библиотеки у отдела не было, и членам отдела приходилось пользоваться Публичной библиотекой. Собственная библиотека у отдела появилась только в 1910 г. после повторного открытия и была доступна для всеобщего пользования. После закрытия отдела в 1914 г. библиотека стала основной научной библиотекой Виленского (Вильнюсского) университета.

Одной из самых долгожданных явилась библиотека Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества.

Она была организована сразу же после основания отдела и первоначально состояла из изданий, присланных Императорским Русским географическим обществом и его отделами. Изредка поступали частные пожертвования. Так, в 1869 г. библиотека обогатилась богатыми пожертвованиями А.Н. Неустроева [9, с. 77]. Библиотека, как и все прочие, пополнялась посредством обмена с другими научными обществами и пожертвованиям частных лиц.

Еще одним неудачным начинанием наравне с библиотекой Кавказского отдела стала библиотека Юго-Западного отдела Императорского Русского географического общества в Киеве, хотя и по иным причинам. Впервые вопрос о создании библиотеки при отделе был поднят на собрании 6 марта 1873 г. [2, с. 3]. Однако собственного помещения у библиотеки так и не появилось, поэтому она не могла быть открыта не только для широкой публики, но и пользование ею было крайне затруднительно даже для своих членов. Только в 1875 г. для библиотеки было нанято отдельное помещение [14, с. 131]. Для читателей она так и не открылась. После закрытия отдела в 1876 г. библиотека и архив были перенесены в Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии.

Еще одной нереализованной и незаслуженно упущенной возможностью широкого распространения географических и иных сведений стала библиотека Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Омске. Она была весьма обширна и содержала книги по естественным наукам, медицине, геологии, метеорологии, географии, статистике, этнографии, истории, археологии, а также различные справочники, карты и атласы. Но практической пользы по распространению географических знаний она почти не приносила. Не имея специального помещения, библиотека постоянно переезжала с одной съемной квартиры на другую, из-за чего так и не была открыта для всеобщего доступа и обслуживала только членов отдела, да и то в ограниченном количестве.

Не в пример библиотеке Западно-Сибирского отдела свою деятельность развернула библиотека Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в Хабаровске, пользовавшаяся особой благосклонностью даже коронованных особ и членов императорской семьи. Почти сразу же после открытия отдела была организована и библиотека, начало которой положило пожертвование императора Александра III и великой княгини Александры Иосифовны части библиотеки покойного великого князя Константина Николаевича в количестве 8000 томов. Почти все книги, кроме самых дорогих и ценных, были предоставлены для неограниченного доступа читателям. Примеру царственных особ последовали и другие, что привело к получению массы книг от Академии наук, других научных учреждений и частных лиц. В том числе и от других отделов общества. В честь одного из первых жертвователей и августейших покровителей Императорского Русского географического общества библиотека была названа Николаевской.

В начале 1895 г. разбор и систематизация книг были закончены, и библиотека открылась для всеобщего доступа, располагая примерно 10 000 томами. К июлю 1895 г., благодаря пожертвованиям, библиотека располагала уже 25 000 книг, не считая 3276 дубликатов, которыми библиотека решила поделиться с другими учреждениями [10, с. 47]. Были сделаны специальные помещения для научных занятий, выдачи книг на дом, просторный читальный зал. Была введена плата за пользование библиотекой для взрослого населения. В среднем она составляла около 700 р. в год общего дохода отдела с абонементов. Существовала система штрафов за порчу книг и несвоевременный возврат. Библиотека пользовалась чрезвычайной популярностью у местного населения. В среднем на руки за год выдавалось около 20 000 книг. К 1917 г. в библиотеке насчитывалось уже около 50 000 томов. Кроме этого библиотека ежегодно получала 142 периодических издания и 28 еженедельных газет.

Одной из последних по времени своего открытия, но не по своей роли в просветительской деятельности Императорского Русского географического общества, безусловно, была библиотека Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества в Ташкенте. Библиотека постоянно пополнялась, и в 1899 г. было решено переместить ее в здание Публичной библиотеки согласно постановлению общего собрания 23 ноября 1898 г. [15, с. 4]. К 1 марта 1915 г. в библиотеке числилось более 4500 томов [15, с. 29]. Производилась и выдача книг на дом. К 1915 г. отдел состоял в книгообмене с 122 русскими и 20 иностранными учеными обществами, учебными заведениями, редакциями журналов [13, с. 30].

Самой последней по времени создания явилась библиотека Якутского отдела Императорского Русского географического обще-

ства. Решение открыть самостоятельный отдел Географического общества в Якутии только во втором десятилетии XX в. в период внутри- и внешнеполитических обострений в стране самым негативным образом сказалось на деятельности всего отдела. Средств на помещение и собирание библиотеки у отдела не было из-за отсутствия государственных субсидий и положенных 2000 р. на содержание отдела. Все держалось лишь за счет пожертвований частных лиц и учреждений, коих было немного, это делало полноценную работу библиотеки совершенно невозможной.

В отличие от попыток реализации просветительской деятельности различными способами, такими как музей, публичные лекции и т. д., библиотеки были организованы во всех отделах Императорского Русского географического общества. Преодолевая многочисленные трудности финансового характера, безразличие местного населения (в кавказском и Юго-Западном регионах), проблемы организационного характера и отсутствие специальных помещений, библиотеки стремились к наиболее активной и эффективной просветительской деятельности в области географических (и не только) наук. Почти все они были доступны для широкого круга читателей независимо от пола, сословия, вероисповедания, возраста и т. д. и абсолютно все – для любых членов Императорского Русского географического общества. Во многих регионах библиотеки общества стали чуть ли не единственными доступными библиотеками вообще и сосредотачивали в себе литературу по самому широкому кругу вопросов. Основным источником формирования библиотечных фондов служили книгообменные связи с различными организациями и обществами, а количество постоянно жертвуемых книг от частных лиц говорило о высокой популярности данных библиотек среди населения. Число же выдаваемых книг и обслуживаемых читателей свидетельствовало об активной деятельности библиотек по распространению географических знаний.

Список литературы

1. Временный устав Русского географического общества. – СПб., 1846.
2. Журнал распорядительного собрания Юго-Западного отдела Императорского Русского географического общества 6 марта 1873 г. – Киев, 1873.
3. Отчет Императорского Русского географического общества за 1849 год. – СПб., 1850.
4. Отчет Императорского Русского географического общества за 1857 год. – СПб., 1858.
5. Отчет Императорского Русского географического общества за 1877 год. – СПб., 1878.
6. Отчет Императорского Русского географического общества за 1893 год. – СПб., 1894.
7. Отчет Императорского Русского географического общества за 1916 год. – СПб., 1917.

8. Отчет о деятельности Кавказского отдела Императорского Русского географического общества за 1856 год. – Тифлис, 1857.
9. Отчет о деятельности Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества за 1869 год. – Оренбург, 1870.
10. Отчет о деятельности Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1895 год. – Хабаровск, 1896.
11. Отчет о деятельности Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1852 год. – Иркутск, 1853.
12. Отчет о деятельности Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1891 год. – Иркутск, 1892.
13. Отчет о деятельности Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества за 1915 год. – Ташкент, 1916.
14. Отчет о деятельности Юго-Западного отдела Императорского Русского географического общества за 1875 год. – Киев, 1876.
15. Протокол общего собрания Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества 23 ноября 1898 г. – Ташкент, 1899.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.23-25).084.3:331.109

О. О. Зайцева

Методы предотвращения трудовых конфликтов на предприятиях Петрограда, Ленинграда в начале 1920-х гг.: система оповещения о беспорядках, контроль за поведением масс

В статье анализируется деятельность чрезвычайных и партийных организаций по контролю за рабочими, участвующими в массовых конфликтах. Автор изучает процесс создания обширной сети информаторов о забастовках, которая позволяла властям получать сведения о трудовых конфликтах на предприятиях города по различным каналам.

This article analyses activity the extraordinary and the party organizations on control of the workers participating in mass conflicts. The author studies process of creation of an extensive system of informants about strikes which enabled the authorities to obtain information on the labor conflict at the factory of the city through various communication channels.

Ключевые слова: трудовые конфликты, контроль, рабочие, Петроград, партийные организации, чрезвычайные организации, сводки, завод, каналы связи.

Key words: Labor conflicts, control, workers, Petrograd, party organizations, extraordinary organizations, reports, factory, communication channels.

К началу 1920-х гг. сформировалась широкая сеть государственных, партийных и чрезвычайных организаций, которые осуществляли контроль за поведением населения с целью локализации оппозиционных настроений. Подобные функции, прежде всего, закреплялись за Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК), которая была организована 20 декабря 1917 г. при Совете Народных Комиссаров. Основная ее задача заключалась в борьбе с контрреволюцией и саботажем. ВЧК существовала с 1918 по 1921 г., после чего в ходе реформирования системы политического контроля была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Кроме того, на местном уровне создавались чрезвычайные комиссии при местных Советах (областных, губернских, уездных). В компетенцию комиссий входило право произво-

дить аресты лиц, которые могли быть замешаны в контрреволюционных действиях [16, с. 8–9].

Сеть информаторов, сообщавших об оппозиционных выступлениях населения, имела сложную структуру. Важнейшим её звеном были осведомители, которые работали на различных предприятиях Петрограда. Собранные ими сведения поступали в губернскую чрезвычайную комиссию. Информация губернских чрезвычайных организаций о забастовках на предприятиях города, как правило, группировалась по районному принципу. Так, в информационном сообщении Петроградской губернской чрезвычайной комиссии о положении в Московско-Заставском районе можно встретить сведения о несанкционированном собрании рабочих на фабрике «Скороход», где было предъявлено требование о снятии охраны на фабрике и выдаче добавочных талонов на хлеб [12]. В сообщении же Петроградской губернской чрезвычайной комиссии по Володарскому району акцент делался на донесениях о недовольстве рабочих Александровского завода, причина которого заключалась в «некомпетентности» комиссаров. Она, по мнению рабочих, выражалась в отсутствии сведений у комиссаров завода о положении дел на предприятии из-за чрезмерного «увлечения» их «бумажной» работой. Кроме того, негативное отношение рабочих к заводскому комитету проявлялось в беспрепятственном изготовлении личных заказов в рабочее время, при этом технический персонал падение производства объяснял «продовольственным кризисом» [13]. Необходимо отметить, что губернские чрезвычайные комиссии должны были предоставлять еженедельные сводки о положении районов города, чтобы своевременно информировать центральные политические организации о происшествиях в Петрограде.

Следует подчеркнуть, что в информационных сводках, как правило, сообщалось о фактах забастовок и недовольстве рабочих, при этом ответственность за происходящие события не всегда возлагалась на конкретных лиц. В редких случаях обращалось внимание на то, что причина возникновения забастовок – неумелая деятельность администрации или мастеров заводов и антисоветская агитация отдельных рабочих. Так, например, после отказа рабочих приступать к своим обязанностям на заводе «Прометей» основная вина за развитие конфликта была возложена на мастера, который не захотел объяснить рабочим причину отсутствия у них выходных. Результатом этого, по мнению осведомителя, стало негативное отношение к профсоюзным и партийным организациям завода [14].

Более серьезные последствия имело преднамеренное прекращение доставки дров рабочими на Государственную электрическую станцию, в результате чего возникла угроза прекращения подачи электрической энергии. Поводом недовольства, по мнению ПГЧК,

являлось отсутствие у рабочих одежды и обуви, но во многом объяснялось и антисоветской агитацией кочегара Цыцарева, выступления которого имели большой успех среди рабочих [15]. Важно подчеркнуть, что в информационных сообщениях не уточнялось, откуда стало известно о контрреволюционной агитации и насколько были достоверны слухи об этом. Таким образом, сводки не позволяли определить, действительно ли рабочий был настроен против власти или же его просто не устраивала деятельность местных партийных или государственных организаций.

Нередко в информационных сводках ПГЧК имелись сведения о самом факте забастовки, причинах ее возникновения и мерах урегулирования на местном уровне. Так, например, на заводе «Атлас», как отмечалось в информационном сообщении ПГЧК по Володарскому району, рабочие отказывались «работать на государство» и выполняли «свои» заказы, из-за чего снижалась продуктивность завода [13]. Такие действия во время экономического кризиса в начале 1920-х гг. были массовым явлением. В сообщениях не приводились конкретные фамилии и должности, акцент делался на существовании самой проблемы, которая требовала внимания властей. Вследствие этого на некоторых заводах стали применяться обыски рабочих с целью изъятия нелегально изготовленных изделий или наложение штрафа за незаконное изготовление товаров. Иногда в сообщениях отмечалось, что обыски на заводе не проводятся, тем самым подчеркивалось «халатное» отношение заводоуправления или заводского комитета к контролю за тем, чтобы рабочие не посвящали значительную часть трудового времени выполнению личных заказов [13].

Вместе с тем работа заводоуправлений не всегда становилась предметом критики в политических и экономических сводках. Так, на Арсенальном механическом заводе по сообщению осведомителя забастовку удалось урегулировать при помощи «разъяснительной работы», проведенной заводоуправлением и заводским комитетом. Они убедили рабочих в необходимости продолжить свою деятельность. Кроме того, осведомителем Арсенального механического завода подчеркивалось, что на следующий день забастовка произошла в другом цехе по той же причине и с теми же результатами. Таким образом, внимание акцентировалось на невозможности администрации завода удовлетворить экономические требования рабочих без поддержки вышестоящих властей, а это могло вызвать новые забастовки [27].

Позднее, в декабре 1921 г., когда ВЧК была реорганизована в ГПУ, сообщения о забастовках и конфликтах на местах поступали в информационный отдел Государственного политического управления. Здесь информация обобщалась и включалась в государствен-

ные информационные сводки отдела, который был создан в составе нового Секретно-оперативного управления (СОУ) [26, с. 43]. Сводки в начале 1920-х годов рассылались более тридцати адресатам. Прежде всего, они направлялись В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, И.В. Сталину, Ф.Э. Дзержинскому и т. д. [2, с. 107]. Как правило, схема изложения информации отражала особенности политического состояния отдельного края РСФСР. Сведения о забастовках на предприятиях Петрограда, например, встречались в госинформсводках информационного отдела ГПУ при описании политического состояния Северо-Западного края. Следует отметить, что подробно описывались причины и протекание забастовок на отдельных заводах. Так, например, на Балтийском заводе, по данным государственной информационной сводки № 3 за 2 марта 1922 г, произошла «итальянская забастовка» из-за неправильного распределения продуктов. Необходимо подчеркнуть, что государственная информационная сводка составлялась на основе оперативных сводок завода и сводок определенного отдела ГПУ для оценки агитации. Так, например, на Балтийском заводе использовались сводки транспортного отдела [9, с. 106]. Транспортный отдел, первоначально был создан при ВЧК. В его обязанность входила борьба с контрреволюционными группировками на транспорте и надзор за его функционированием [16, с. 9].

Иногда в сводках отмечалось, что на заводах проводилась антисоветская агитация, которая, как предполагалось, и являлась причиной волнений [10, с. 98–99]. Нередко сообщения содержали скудную информацию о политическом положении отдельных заводов, без указания подробных сведений. Основной акцент в подобных источниках делался на формах урегулирования конфликтов. Так, например, в госинформсводке за 3 марта 1922 г. в информационном разделе о Петроградской губернии отмечалось только то, что на Металлическом заводе забастовка ликвидирована. В остальных районах города было спокойно [8, с. 111]. Необходимо отметить, что сведения об инициаторах забастовок здесь отсутствовали. Подобная фрагментарность информации отмечалась в качестве основных общих недостатков всех государственных информационных сводок в инструкции по госинформации ВЧК от 23 февраля 1922 г. Так, например, в сводках иногда отсутствовали конкретные факты и цифры, что не позволяло представить объективную картину политического положения района [2, с. 107].

Информация районных чрезвычайных комиссий о политическом состоянии являлась также частью обзора политико-экономического состояния РСФСР по данным Государственного политического управления (ГПУ). Следует отметить, что схема обзоров значительно отличалась от схемы государственных информационных сводок

информационного отдела ГПУ. Так, например, в обзоре политико-экономического состояния РСФСР за февраль 1922 г. информация о забастовках и волынках излагалась при описании положения рабочих. Ценность подобных сведений заключалась в том, что в них приводилось описание политического состояния всех промышленных центров Советской республики в целом. Таким образом, появлялась возможность оценить специфику политического состояния Петрограда как крупного промышленного центра. Особо выделялись волнения на предприятиях Петрограда и Москвы (при этом указывались конкретные заводы, где произошли волынки). Инициаторы забастовок и волынок не указывались, но давалось четкое объяснение причин волнений. Так, например, основной причиной ухудшения настроений среди рабочих Петрограда, по сведениям автора обзора политико-экономического состояния РСФСР за февраль 1922 г., являлся продуктовый кризис [17, с. 89–90].

Отдельного освещения заслуживает вопрос о связи между различными губернскими организациями Государственного политического управления, помогавшей усилить оперативность расследования причин забастовок и выявлять инициаторов подобных случаев. Как правило, эти методы работы были направлены на выяснение конкретных деталей, что можно было сделать только на месте. Так, например, в ходе следствия по делу о предполагаемой забастовке трамвайщиков, которая должна была произойти в Москве, выяснилось, что будущих забастовщиков поддерживали петроградские социал-демократические организации. Прежде всего, они снабжали последних «контрреволюционной» литературой. Об инициаторах забастовки заранее сообщалось в информационном письме секретной части МГПО в Петроградский губернский отдел ГПУ. В нем же просили провести срочный обыск квартиры главного подозреваемого, а самого его как можно быстро арестовать. Необходимо отметить, что арест предполагалось произвести по усмотрению Петроградского губотдела ГПУ, основываясь на результатах обыска [11]. Таким образом, можно говорить о тесном сотрудничестве и большой доле доверия между отделами ГПУ двух промышленных центров – Петрограда и Москвы.

Определенную роль в сборе информации о трудовых конфликтах на предприятиях города играло Центральное управление учета и статистики ВСНХ, где отмечались дни простоя предприятий. Например, в срочном донесении Государственного лесопильного завода им. Рыкова сообщалось о том, что причины двухчасового простоя завода – несвоевременная выплата жалования [28].

Более подробная информация содержалась в бланках для регистрации забастовки и локаутов. Они включали в себя следующие разделы: название охваченного забастовкой предприятия, инициа-

лы владельца, сферу деятельности и место расположения, общее число рабочих предприятия, наличие коллективного договора; длительность забастовки, дату ее начала и окончания, число рабочих, участвовавших и не участвовавших в забастовке, ее причины, требования бастующих и т. д. Кроме того, в бланках требовалось сообщить число уволенных лиц и описать инциденты, произошедшие во время забастовки: насильственные действия, закрытие предприятия, бойкот [1].

Огромную роль в сборе сведений о конфликтах на заводах Петрограда (Ленинграда) играли партийные организации. Прежде всего, подробную информацию о разногласиях между рабочими и администрацией можно обнаружить в протоколах заседаний бюро коллектива РКП(б), общих собраний коллектива РКП(б) различных заводов, сводках, приказах Петроградского губернского исполнительного комитета РКП(б). Как правило, там обсуждались проблемы, требовавшие оперативного вмешательства партийных организаций, и принимались решения, которые в кратчайшие сроки необходимо было выполнить. Так, например, в протоколах заседания бюро коллектива РКП(б) Балтийского завода в 1923 г. отмечались недостатки в работе заводоуправления и заводского комитета. Они выражались в присутствии на заводе «вредных элементов», которые трудились вместе с рабочими и призывали последних к волевым [21].

Доклады на заседаниях бюро коллектива РКП(б) нередко формировались на основе сообщений организаторов цехов. Как правило, они включали в себя сведения о положении в отдельных мастерских. Иногда встречались сообщения о начале «брожения». «Брожением» называли предконфликтную ситуацию, когда нарастающее недовольство могло закончиться открытым конфликтом. На заводе «Красный Путиловец», например, оно возникло из-за задержки в выплате заработной платы [24].

На общих собраниях коллективов РКП(б) Балтийского завода обсуждались вопросы о недостаточно интенсивной работе и невыполнении требований цеховых партийных ячеек. Заводские коммунисты нередко просили повлиять на «спеца, мешающего поднятию производительности» [18]. Проблема негативного влияния «спецов» на рабочих осложнялась тем, что на завод были приняты старые специалисты, которые ассоциировались у заводских партийных организаций с противниками советской власти. Иного выхода, однако, не было ввиду нехватки квалифицированных кадров. В частности, на заседании бюро коллектива завода «Красный Путиловец» была принята резолюция, которая предполагала все-таки согласиться с практикой заводоуправления по привлечению к производству пожилых, а значит, по мнению коммунистов, оппозиционных рабочих [19].

Еще одной проблемой, которая обсуждалась в партийных организациях, было распространение меньшевистских листовок, многие из которых призывали к забастовкам. Отмечалось, что большой угрозы эти листовки не представляли: можно было устранить их негативное воздействие на рабочих с помощью коммунистической агитации [20]. О работе меньшевиков на предприятиях говорилось в ходе обсуждения вопроса о политическом состоянии заводов. На общем собрании коллектива РКП(б) завода «Красный Путиловец» отмечалось, что отдельные члены меньшевистских группировок были замечены на предприятии, но они, как правило, действовали осторожно, и их было сложно обнаружить среди остальной массы рабочих. В подобном случае на собраниях не указывались имена инициаторов рабочих выступлений, а в общем виде подчеркивалась их принадлежность к антисоветским политическим партиям [25].

В протоколах довольно подробно описывались причины влияния «врагов» советской власти на рабочих. Чаще всего это объяснялось, по мнению партийных работников, распространением слухов, негативно влиявших на поведение заводчан. Так, например, одной из причин волынки, произошедшей на заводе «Красный Путиловец», по мнению местных коммунистов, были слухи о задержке выплаты заработной платы на пять дней [23].

Некоторые жалобы поступали в связи с недопустимым поведением рабочих – членов партии. Так, например, в уведомлении уполномоченного инструментальной мастерской А.Ф. Гордента сообщалось, что один из рабочих два дня не появлялся на предприятии. При этом заранее он никого не поставил в известность о причине своего прогула. Сложность ситуации состояла в том, что такое поведение было негативно воспринято беспартийными рабочими, и этот инцидент мог отрицательно сказаться на авторитете партийных организаций среди беспартийных рабочих [29]. Кроме того, иногда отмечались негативные высказывания членов партии по поводу различных мероприятий, организованных партийными структурами. На заводе «Красный путиловец», например, рабочий Кондратьев – член партии – отказался идти на митинг, аргументировав свою позицию высказыванием: «Пусть с манифестацией идет тот, кто сыт, а я голоден». Подобные высказывания, по предположению Бюро коллектива РКП(б), были вызваны общением рабочего с мастерами, которые признавались «чуждым элементом» [22].

Подчас оппозиционные выступления отдельных рабочих оценивались заводскими коммунистами как нечто отражающее политические взгляды всех рабочих завода, вследствие чего преувеличивалась значимость единичных выступлений. Заметим, что это касалось не только беспартийных рабочих, но также и членов РКП(б). Так, на заседании бюро коллектива РКП(б) Петроградского трубного завода

отмечалось «нетактичное» поведение рабочего Яковлева, который допускал антибольшевистские высказывания: «Нам, старикам, придется, видно, вторую революцию делать» [4]. Отмечалось, что причина подобных высказываний Яковлева – его желание поддержать всеобщее настроение рабочих.

Нередко действия, которые трактовались как оппозиционные власти, совершались рабочими в состоянии алкогольного опьянения. Проблема пьянства среди партийных работников была достаточно актуальной в начале 1920-х гг. Нередко коммунисты в нетрезвом виде совершали поступки, которые показывали их неуважительное отношение к партийным организациям [5]. Как правило, подобные инциденты рассматривались на заседаниях конфликтной комиссии бюро коллектива РКП(б) и принимались решения о наказании таких рабочих – от вынесения выговора до отчисления из партии. Так, например, рабочему Ягунову, который трудился на Петроградском трубочном заводе, в качестве наказания был вынесен строгий выговор. Возможно, его оставили в рядах партии из-за хорошего отзыва, который дал ему организатор коллектива [6]. Иногда именно в алкогольном опьянении велась агитация отдельными рабочими против кандидатур бюро коллектива при обсуждении кандидатов в члены Петроградского совета [7]. Подобный поступок вызывал отрицательную реакцию партийных организаций и позволял сделать вывод об отсутствии «твердой политической линии» рабочего [4]. Нередко такие инциденты характеризовались как «демагогические высказывания» [3].

Подводя итоги, отметим несколько особенностей функционирования сети информаторов, осведомителей и предоставляемой ими информации. Имеющие документы приводят нас к выводу о том, что нельзя говорить о разветвленной сети низовых информаторов на предприятиях. Так, на многих заводах, где возникало «брожение», не было предпринято попыток определить круг причастных к нему лиц, его инициаторов и программы. Возникает впечатление, что сведения собираются мимоходом, без особого усердия, причем довольствуются случайными сообщениями.

Можно также отметить, что информация, собираемая низовыми партийными коллективами, тоже не отличалась конкретностью и подробностью. Следствием этого стало то обстоятельство, что профсоюзные и партийные структуры, имея слабое представление о нуждах рабочих, не могли препятствовать выявлению рабочего протеста в самых крайних формах. Стоит отметить и то, что репрессивные организации (ВЧК, РГПУ) в это время в основном полагались на отчеты не своих работников, а партийных и профсоюзных структур. Репрессивный контроль со стороны органов безопасности

во многом был ослаблен тем, что ЦК ОГПУ не был известен даже приблизительно круг потенциальных инициаторов волнений, и они определяли его исходя из традиционных представлений о «подрывной» деятельности меньшевиков и эсеров, что в значительной мере ограничивало их возможности в урегулировании конфликтов.

Список литературы

1. Бланк для регистрации забастовки и локаута № 3 Первого фанерного завода. 1 сентября 1922 г. // ЦГА СПб. Ф. 5937. Оп. 6. Д. 72. Л. 7.
2. Боева Л.А. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы НЭПа. – М., 2009.
3. Выписка из протокола № 41 заседания бюро коллектива РКП(б) Петроградского трубочного завода им. Калинина. 12 сент. 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 87. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.
4. Выписка из протокола заседания бюро коллектива Петроградского трубочного завода им. Калинина. 29 окт. 1923 г. // Там же. Л. 17–18.
5. Выписка из протокола заседания Контрольной комиссии Василеостровского районного комитета РКП(б). 26 окт. 1923 г. // Там же. Л. 13.
6. Выписка из протокола заседания Конфликтной комиссии комитета РКП(б) Московского района № 13. 1 дек. 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.
7. Выписка из протокола общего собрания бюро коллектива РКП(б) Петроградского трубочного завода им. Калинина. 11 окт. 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 87. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.
8. Госинформсводка за 3 марта №4/269. 4 марта 1922 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). – Т. 1. Ч. 1. – М., 2001.
9. Госинформсводка за 2 марта №3(268). 3 марта 1922 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 1. Ч. 1. – М., 2001.
10. Госинформсводка информационного отдела ГПУ за 1 марта 1922 г. № 2/ 267 . 2 марта 1922 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 -1934 гг.). – Т. 1. Ч. 1. – М., 2001.
11. Информационное письмо секретной части МГПО в Петроградский губернский отдел ГПУ. 16 ноября 1922 г. // Архив НИЦ «Мемориал». Д. 22 (копия дела трамвайщиков). Л. 176.
12. Информационное сообщение Петроградской губернской чрезвычайной комиссии по Московско-Заставскому району. 21 апр. 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 172. Л. 67.
13. Информационное сообщение Петроградской губернской чрезвычайной комиссии по Володарскому району. 21 апр. 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 172. Л. 65–66.
14. Информационное сообщение Петроградской губернской чрезвычайной комиссии Выборгского района в ЛГСПС. 31 янв. 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 172. Л. 23.
15. Информационное сообщение Петроградской губернской чрезвычайной комиссии Смольненского района о положении на Государственной электрической станции. 31 янв. 1921 г. // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 172. Л. 32.

16. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1960: справ. – М., 1997.
17. Обзор политико-экономического состояния РСФСР за февраль 1922 г. (по данным Гос. полит. управл.) в ЦИК РКП // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 1. Ч. 1. – М., 2001. – С. 89–90.
18. Протокол № 21 общего собрания коллектива РКП (б) Балтийского завода от 9 окт. 1924 г // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 72. Л. 30.
19. Протокол № 22 заседания бюро коллектива РКП(б) Балтийского завода. 6 июня 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.
20. Протокол № 28 общего собрания членов РКП (б) коллектива завода «Красный Путиловец» от 22 марта 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.
21. Протокол № 30 заседания бюро коллектива совместно с членом заводского комитета, РКСМ и культкомиссией Балтийского завода. 30 июля 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 45. Л. 38.
22. Протокол № 42 заседания бюро коллектива завода «Красный Путиловец». 26 марта 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 37. Л. 20-20об.
23. Протокол № 44 собрания коллектива РКП (б) совместно с беспартийными рабочими завода «Красный Путиловец». 11 октября 1923 г. // Там же. Л.43.
24. Протокол № 70 заседания бюро коллектива завода «Красный Путиловец». 13 ноября 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 37. Л. 68.
25. Протокол общего собрания коллектива РКП (б) завода «Красный Путиловец». 13 сентября 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф.1012. Оп. 1. Д. 35. Л. 38.
26. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). – Т. 1. Ч. 1. – М., 2001.
27. Сообщение осведомителя Арсенального механического завода. 17 янв. 1921 г.// ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 172. Л. 27об.
28. Срочное донесение Государственного лесопильного завода им. Рыкова Центральному управлению учета и статистики ВСНХ. 5 янв. 1923 г. // ЦГА СПб. Ф. 5937. Оп. 6. Д. 72. Л. 4.
29. Уведомление в заводской комитет «Красного Путиловца» от уполномоченного инструментальной мастерской тов. А.Ф. Гордента. 24 авг. 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 57. Л. 137.

М. С. Виноградов

Профессия цензор: подготовка и обучение кадров в Горьковском Обллите в 1953–1966 гг.

В статье рассматривается деятельность Горьковского Обллита по обучению и аттестации цензорского состава, а также методы их проведения. Показано, что процесс обучения носил системный характер, а основная роль в этом процессе отводилась изучению основных документов Главлита и конкретной практической деятельности цензоров.

The article reviews the activities of censor's education and attestation in the Gorky Oblit, as well as methods of its implementation. It is shown that learning was wearing a systemic nature, and the main role in this process was assigned to study the basic Glavlit documents and specific practices of censors.

Ключевые слова: цензура, профессия, обучение, архив.

Key words: censorship, profession, education, archive.

Состояние цензорской работы в Горьковской области, прежде всего, зависело от подбора и воспитания кадров как в самом Управлении, так и в районах. Как отмечалось в годовом отчете за 1953 г. «Советский цензор – самостоятельный, оперативный работник. Всё, что он делает, преимущественно решает самостоятельно, к тому же, часто на длинные размышления у него нет времени: печатные издания требуют быстрых и правильных решений. Следовательно, он должен знать в совершенстве цензорские документы, быть все-сторонне развит, обладать широким политическим кругозором, быть сугубо принципиальным, умелым организатором» [2. Д. 54. Л. 3–4].

Как органы цензуры могли получить в своё распоряжение профессионала при условии, что государственная система образования СССР не имела образовательного курса по подготовке цензоров ни на базе высшего, ни тем более среднего образования? существовал единственный способ приобретения такого специалиста – обучить и воспитать его своими силами. По результатам исследования дел по личному составу выяснилось, что в 1955–57 гг. из восьми цензоров Горьковского Обллита законченное высшее образование имел лишь один человек. Данная ситуация стала исправляться лишь к 1959 г. ввиду некоторых кадровых перестановок, когда количество человек с высшим образованием достигло трех человек и продолжало неуклонно расти [1].

В индивидуальных и общих для всех райцензоров письмах Управление неоднократно указывало на имеющиеся нарушения, настойчиво рекомендовало изучать цензорские документы, работать «не на память», а с документами [2. Д. 54. Л. 15]. Районные цензоры, кроме решения присылаемых им задач по «ОПЦ», никакими другими видами технической учебы не были охвачены [2. Д. 54. Л. 27]. В третьем квартале 1953 г., кроме одного производственного совещания, цензорской учебы в Управлении не было. В аппарате оставалось по 3–4 чел., остальные либо болели, либо были в отпуске, к тому же в это время проходила перестройка в связи с переходом в органы МВД.

Особенно остро кадровый вопрос встал на повестку дня в 1955 г., когда Главлитом СССР было повышено требование к подбору штата цензоров и поставлена задача по их профессионализации [3. Д. 6. Л. 20]. И если первая задача решалась привлечением кадров с высшим образованием, то вторая исключительно образовательными мероприятиями. С этого момента вопросам обучения и повышения профессионального уровня стало уделяться еще большее внимание.

Как следует из служебных характеристик и годовых отчетов, цензорский состав Горьковского Обллита периодически принимал участие в учебно-воспитательных занятиях и семинарах, на которых основным являлось глубокое изучение «Перечня» и других значимых для работы документов сводных и циркулярных указаний, дополнений и изменений к ним [2. Д. 54. Л. 27]. Занятия проходили регулярно раз в неделю по четвергам с 10 ч утра до 12–13 ч дня по планам, составленным на квартал [2. Д. 57. Л. 8]. Цензорскими занятиями и производственными совещаниями руководил начальник Управления, а в его отсутствие зам. начальника.

Так в октябре – декабре 1953 г. было проведено 12 занятий и производственных совещаний [2. Д. 54. Л. 26]; за 1954 г. – 40 [2. Д. 57. Л. 20]; за 1955 г. – 40 [3. Д. 6. Л. 18]; за 1958 г. – около 40 [3. Д. 20. Л. 14]; за 1959 г. – 32 [3. Д. 23. Л. 34] и т. д. Позднее занятия также проходили с периодичностью 2–3 раза в месяц.

Обучение было совмещено с решением типовых задач и примеров, по которым всем цензорам давалось подробное заключение. Как отмечалось, серии учебных задач, которые составлял и высылал Главлит СССР, оказывали весьма положительное влияние. К решению их все цензоры, в том числе и бывшие цензор-совместители, относились со всей серьезностью. Ответы на них готовили все без исключения. По решениям давались подробные объяснения на занятиях, а районным цензорам посылался письменный подробный разбор. Случаи, что кто-то опоздал или совсем не решил той или иной задачи, были исключительно редки, а в

Управлении их не было совсем [3. Д. 6. Л. 19]. Кроме того, на производственных совещаниях обсуждались все приказы и указания Главлита СССР, замечания по годовому отчету, проводился разбор и обсуждение вычерков, сделанных цензорами, слушались и обсуждались итоги исследования работы Обллита бригадами Главного управления [2. Д. 54. Л. 26].

Ежемесячно от всех райцензоров поступали отчеты, и по каждому отчету каждому райцензору писались замечания, давались оценки [2. Д. 57. Л. 23]. Ежемесячный отчет в Управление стал очень важным документом, который помогал определить, где цензор нуждается в присутствии работника Управления, указать на необходимость активизировать свою деятельность и иной раз через райком или ГК партии.

Все цензоры повышали политические знания в политсети: одни слушали цикл лекций по политэкономии, другие по историческому материализму. В 1955 г. была проведена значительная политиковоспитательная работа в аппарате, в этом деле большую роль сыграли партийная и профсоюзная организации. Вопросы политического воспитания неоднократно обсуждались на партийных и профсоюзных собраниях [3. Д. 6. Л. 18].

Таким образом, к началу 1956 г. учебно-воспитательная работа, проводимая Обллитом, стала необходимостью и проводилась регулярно, оказывая «плодотворное влияние на состояние цензуры в области» [3. Д. 6. Л. 20].

В 1957 г. с получением нового «Перечня» все цензорские занятия были посвящены изучению этого основного документа цензуры. [3. Д. 15. Л. 4]. Прежде всего, было проведено общее ознакомление с «Перечнем». На этом занятии было решено изучать его не по порядку разделов и параграфов, а по важности ограничений применительно к условиям г. Горького и области, т. е. прежде всего изучить те разделы и параграфы, с которыми чаще всего встречается цензор: оборонная и гражданская промышленность, судостроение, наука и техника. Основной упор был сделан на самостоятельное, индивидуальное изучение. В помощь цензорам были выделены и утверждены консультанты – нач. Управления Боронин, ст. цензоры Пискунов и Быстров. По каждой изученной теме проводился семинар. В 1957 г. с цензорами аппарата было проведено три семинара по теме «Оборонная и гражданская промышленность и железнодорожный транспорт». Усвоение цензорами раздела было проверено через решение серии задач, составленных ст. цензором Пискуновым. С районными цензорами был проведен семинар в декабре 1957 г. Время для индивидуальных занятий не было установлено: «цензоры обращаются к консультантам в любое время» [3. Д. 15. Л. 5].

В целях более глубокого усвоения основного раздела «Гражданская промышленность и строительство», и в частности, § 84, с ограничениями которого цензоры чаще всего встречались, Обллитом был организован цикл лекций на темы: «радиотехническая промышленность», «машиностроение», «химия», «легкая промышленность» г. Горького и области. Часто Обллитом для чтения лекций приглашались профильные специалисты из Совнархоза, профессора и кандидаты наук Горьковских вузов. Так, на тему о космосе читал профессор Порошин, две лекции по новым видам химической продукции прочитал инженер управления химической промышленности тов. Карпов, по вопросам железнодорожного транспорта инженер управления Горьковской железной дороги и т. д. [З. Д. 26. Л. 8]. Ряд докладов и лекций на политические темы читали сами цензоры. Так, цензор тов. Романова прочитала лекцию о коммунистическом воспитании, тов. Симановский о социалистическом строительстве в странах народной демократии, тов. Боронин о Коммунистической морали, о революционной бдительности. Предполагалось, что благодаря установившейся тесной связи с Управлениями Совнархоза в течение 1958 г. представители всех Управлений, преимущественно начальники спецотделов, выступают на цензорских совещаниях с докладами о тех ограничениях, которые установлены для их предприятий [З. Д. 15. Л. 5]. Кроме того, в порядке углубления знаний экономики города Горького и области в 1958 г. были проведены экскурсии на завод «Красное Сормово», з-д им. Ленина, Автозавод, металлургический з-д, «Заводстрой», областную типографию, краеведческий музей [З. Д. 20. Л. 15]. Практика проведения подобных мероприятий применялась и в последующие года.

Способствовали усвоению «Перечня» обсуждения на цензорских занятиях вычерков и нарушений. Здесь часто возникали горячие споры. Цензор, сделавший вычерк, докладывая, был обязан убедительно обосновать своё вмешательство: для этого ему приходилось привлекать справочный материал, консультироваться со специалистами и т. д. [З. Д. 15. Л. 6].

Изучение «Перечня» проводилось с привлечением конкретных материалов предварительного и последующего контроля, цензоры обращались к дополнительной литературе, использовали местные материалы: вычерки, замечания по вычеркам Главлита СССР, «Бюллетень» Главлита СССР. Часто на семинарах разворачивалась «творческая дискуссия», споры при толковании тех или иных параграфов [З. Д. 20. Л. 15]. Особенно большие дискуссии вызывали спорные вычерки, которые в большинстве случаев коллектив признавал необоснованными.

В целях расширения экономических знаний в практику цензорских занятий в 1958 г. были включены обзоры центральных газет и

журналов (новое в технике, новые строительства и т. д.). Обзоры делались самими цензорами и в дальнейшем проводились регулярно, несколько конкретизировав тематику (вопросы науки и техники, машиностроение, транспорт и т. д.) [З. Д. 20. Л. 16]. Цензоры, каждый по своему разделу, следили за периодической печатью и накапливали материал.

Основным методом изучения цензорских документов продолжала быть самостоятельная работа. В помощь изучающим также выделялись консультанты – нач. управления и ст. цензоры, к которым было прикреплено по несколько цензоров. С районными цензорами проводились занятия с выездом на места.

На протяжении 1959 г. два раза в квартал по «Перечню» проводились семинары, на которых «глубоко и всесторонне» были рассмотрены следующие темы: ограничение ЦУ № 4 по разделу «Наука и техника», «Водный, железнодорожный транспорт и шоссейные дороги», «Внешняя политика и внешняя торговля», по ЦУ №№ 5 и 6, по новым «Единым правилам» и приказу № 331, по второму разделу инструкции «О порядке цензорского контроля», «Гражданский воздушный флот», «Связь» и др. По последнему разделу предварительно была заслушана лекция инженера связи тов. Лбова «О новейших достижениях в области связи» [З. Д. 23. Л. 10].

С получением новой «Инструкции о порядке цензорского контроля» и нового «Перечня» издания 1960 г. основное внимание было сосредоточено на изучении этих документов и ознакомлении с ними редакционно-издательских работников, для чего был составлен особый план Обллита и индивидуальные планы каждым цензором в отдельности [З. Д. 26. Л. 9]. Следует отметить значительное улучшение содержания «Бюллетеня по обмену опытом», издаваемого Главлитом СССР. Статьи и материалы этого журнала помогали изучать и перенимать передовой опыт лучших главкрайобллитов, более глубоко изучать цензорские документы.

Начиная с 1961 г. цензоры управления принимали участие в семинарских занятиях по изучению отдельных вопросов марксистско-ленинской теории [З. Д. 43. Л. 4]. В то же время Обллит, направляя работу своих уполномоченных, смог добиться того, чтобы у каждого из них побывали работники управления, которые инструктировали их и оказывали практическую помощь. Райцензоры г. Горького и г. Дзержинска присутствовали на цензорских занятиях в Обллите, на них приглашались и уполномоченные из городов Кстово, Павлова, Городца. В управлении были заслушаны отчеты уполномоченных тов. Криушкиной (г. Арзамас), тов. Федориной (г. Павлово), тов. Баулина и Конураевой (г. Дзержинск) [З. Д. 40. Л. 11].

С 1962 г. в план учебных занятий включается подготовка рефератов. Так, за 1963 г. было прочитано 10 рефератов: «Распространение радиоволн. Обнаружение объектов радиотехническими средствами» (тов. Шапкина), «Газовые турбины» (тов. Симановский), «Суда на воздушной подушке» (тов. Скоков, Шамберг), «Полупроводниковые материалы и технология их производства» (тов. Мордовченко) и т. д. [З. Д. 36. Л. 16–17].

В 1965 г. значительное обновление кадров Управления потребовало проведения мероприятий по подготовке вновь принятых работников, повышению деловой квалификации цензоров, трудящихся в Обллите продолжительное время, расширению общеобразовательного и идейно-политического кругозора работников, не обладающих достаточными знаниями. С молодыми цензорами в течение трех месяцев проводились занятия по особой программе. Были подготовлены и вынесены для обсуждения 12 рефератов: «Гражданская оборона» (тов. Быстров), «Организации, содействующие Вооруженным силам СССР» (тов. Блощицын), «Лазеры» (тов. Юлков), «Кожзаменители» (тов. Кольцов), «Бионика» (тов. Мордовченко) и т. д. [З. Д. 43. Л. 14].

Периодическую аттестацию проходили все цензоры. Анализ дел по личному составу дает четкое представление, что первая аттестация чаще всего имела место не позднее, чем через год с момента поступления на должность [1]. Порядок проведения аттестации, подготовка к которой в Обллите длилась более года, раскрыт в отчете за 1959 г. [З. Д. 23. Л. 14]. На цензорском занятии был подробно обсужден приказ Главлита СССР по аттестации и намечены практические мероприятия. Вся цензорская учеба строилась в помощь цензорам по подготовке к аттестации. О том, как изучается «Перечень», циркулярные указания и другие документы цензуры, в том числе и райцензоры, по одному разу и больше были заслушаны на цензорских совещаниях.

В марте 1959 г. по договоренности с отделом пропаганды и агитации ОК КПСС была создана аттестационная комиссия в составе: председатель – нач. Обллита Боронин; члены – ст. цензор С.А. Быстров и цензор Т.К. Романова; представитель от ОК КПСС – зам. зав. отделов пропаганды и агитации В.Ф. Хмелев.

Членов комиссии аттестовали тов. Боронин и В.Ф. Хмелев.

Аттестационная комиссия заседала три раза. Первыми были аттестованы цензоры аппарата управления, затем райцензоры г. Горького и райцензоры области. Как отмечалось, большинство цензоров при аттестации показали хорошие знания цензорских документов; предварительная проверка их работы и беседы на комиссии показали, что они вполне справляются с возложенными на них обязанностями и соответствуют занимаемой должности.

Повторную аттестацию проходили старший цензор тов. Мальцев, райцензоры тов. Полтанова и Жаркова, которые оказались недостаточно подготовленными при первой аттестации. Следует отдать должное, они правильно восприняли рекомендации комиссии и стали работать лучше, проявлять большую требовательность и принципиальность. При повторной аттестации они показали, что учли рекомендации комиссии, стали более серьезно заниматься изучением документов и более глубоко вникать в работу [3. Д. 23. Л. 15].

После аттестации Обллит провел с райцензорами тов. Хлопковой, Бедновой и Жарковой семинар-практикум, проходивший в Главлите СССР. Работа тов. Конураевой подробно изучалась ст. цензором тов. Быстровым, доклад и содоклад о её работе был заслушан на совещании цензоров, на котором присутствовали и все райцензоры области, райцензор тов. Скоков.

Имела ли проводимая аттестация какие-то последствия или являлась исключительно формальным актом? Ответить на этот вопрос не представляется возможным, так как результатом во всех случаях было положительное решение об аттестации, несмотря на то, что порой ни на один вопрос правильного ответа не было [1. Д. 8]. Более того, ни в одном приказе об увольнении результаты аттестационной комиссии не фигурируют как причина служебного несоответствия.

Несмотря на организованный и отлаженный учебный процесс, в рекомендациях по результатам аттестации на первом месте всегда стоял пункт – более глубокое изучение «Перечня» и других основных документов по деятельности. Безусловно, при анализе данной рекомендации стоит понимать, что сам «Перечень» был объемным и в значительной степени динамично изменяющимся документом, отражавшим любые движения в понятии государственной и военной тайны, а поэтому требовавший постоянных усилий по его изучению как со стороны руководства Управления, так и со стороны всего цензорского состава.

Список литературы

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 4254. Оп. 1 «Л».
2. ЦАНО. Ф. 4254. Оп. 2.
3. ЦАНО. Ф. 4254. Оп. 4.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39:316.346-055.2(=511.1)

А. В. Большакова

Традиционные обязанности женщин в хозяйстве вепсов во второй половине XIX – начале XX в.

В статье дан обзор обязанностей, которые выполняла женщина во второй половине XIX – начале XX в. в традиционной культуре вепсов – малочисленного народа Северо-Запада Российской Федерации. Исследование базируется на данных источников, хранящихся в научном архиве Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Санкт-Петербург), архива Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск) и предшествующих историко-этнографических исследованиях.

The article gives a general overview of the duties, which a woman in the second half of XIX – the beginning of XX-th century in the traditional culture of «vepses» (a numerically small people of the North-West of the Russian Federation) carried out. The research is based on data sources stored in the in the Russian State historical archive (Saint-Petersburg), the Central State Archive of historico-political documents of Saint-Petersburg (Saint-Petersburg), the Central State Archive of Saint-Petersburg (Saint-Petersburg), the Saint-Petersburg branch of Archive of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg), the Scientific Archive of the Russian Ethnographic Museum (Saint-Petersburg), the Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk), the Archive of Pikalevsky local history museum (Pikalevo of Leningrad region) and the preceding historical-ethnographical studies.

Ключевые слова: история Карелии, история Ленинградской области, гендерная история, вепсянка, подсечно-огневое земледелие, животноводство, огородничество, ткачество, вышивка, приготовление пищи.

Key words: the history of Karelia, the history of the Leningrad region, gender history, «veps» woman, swidden farming, animal farming, weaving, embroidery, cooking.

Вепсы – один из коренных народов Северо-Запада России – в середине XIX – начале XX в. вместе с другими народами Российской империи переживали трансформацию, модернизацию традиционной культуры. Одним из признаков этого процесса является эволюция социально-экономического положения женщин в традиционном вепском обществе и семье, однако до сих пор этот вопрос остается малоизученным.

Характеристика роли женщин в хозяйстве семьи дает возможность, с одной стороны, расширить и детализировать представления о внутреннем строе семейного института традиционного вепсского общества, с другой – осветить социальное положение женщины в системе взаимоотношений этого общества во второй половине XIX – начале XX в.

Традиционное хозяйство вепсов во второй половине XIX – начале XX в., как и хозяйство древней веси, имело в своей основе подсечно-огневое земледелие. Пережитки этого типа обработки почвы сохранились у южных и средних вепсов до 1930-х гг. (а в некоторых южно-вепсских деревнях и до конца 1950-х гг. [17, с. 132; 30, с. 131]): официальные документы отмечают, что на 60–70 % всей полевой площади вепсами велась подсеченная огненная система полеводства [40. Л. 97].

Поскольку подсечно-огневой тип обработки посевных площадей – очень трудоемкое занятие и требует включения в работу максимально большего количества людей, в подготовке пашни обычно участвовали все трудоспособные члены семьи: наравне с мужчинами работали и женщины [2. Л. 18; 32, с. 52]. Разработка подсек традиционно состояла из нескольких стадий. В первую очередь выбирался участок леса – поросший елью, смешанной с березой и осиной участок красноглинистой почвы с примесью суглинка. В конце мая – начале июня, когда деревья покрывались листвой, участок вырубали. Срубленные деревья и кустарник равномерно распределяли по земле и оставляли до следующего года. Через год выросший лес сжигался, а участок, удобренный золой, распахивался [33, с. 369]. Если лес был редким и подсечный огонь не мог испепелить корни деревьев, вепсы дополнительно поджигали почву прокатыванием подсеки. Для этого доставляли на место двух- или трехметровые сухие расколотые бревна, устанавливали их на катки, поджигали и с помощью длинных жердей проталкивали вперед. Такое прокатывание обязательно производилось на полях, предназначенных под лен [14, с. 13]. Часто землю под пашню приходилось разделять за десятки километров от дома – «и тогда семья неделями живет в шалашах и землянках, до окончания работы не возвращаясь домой» [35, с. 15].

В тех местностях, где мужчины и в дореформенный период, и после реформы 1861 г. активно участвовали в отхожих промыслах, например, в прионежских Шокше и Рыбреке, славившихся каменотесами, занятыми на работах в Петербурге, Кронштадте, Петрозаводске, а также в Эстонии, Финляндии с ранней весны и до поздней осени, вся тяжесть сельскохозяйственных работ, включая пахоту, бороньбу, сев, жатву, косьбу и метание стогов сена, уборку урожая, восстановление упавших изгородей и прочее, ложилась на плечи

женщин, подростков и детей [27. Л. 25; 33, с. 379]. Яркая характеристика этого явления дана в Олонецком губернском вестнике от 30 июля 1909 г.: «По западному берегу Онежского озера есть селения, где с ранней весны до поздней осени отсутствует почти все мужское население: оно уходит на камнетесные промыслы... И начинается странная картина. Все полевые и домашние работы выполняются женским трудом. Женщина идет за сохой, она сеет, она ставит изгороди, она косит сено и ставит стога» [10, с. 13].

Отходничество повсеместно стало играть одну из главных ролей в развитии крестьянского хозяйства вепсов начиная с конца XIX в. Каждая местность имела свою специализацию. У южных вепсов большое распространение получили заготовка и сплав леса, крестьяне деревни Пелуши занимались закупкой племенного скота для Петербурга, прионежские вепсы славились искусными камнетесами, оятские вепсы специализировались на производстве и продаже керамики [15, с. 184]. Параллельно возрастала роль женского труда в экономике семьи.

Несмотря на тяжелейший труд, при подсечной системе ведения хозяйства вепсы получали в среднем с десятины (1,0925 га) 5 ц ржи, 6 ц овса, 9 ц ячменя [21, с. 39]. Материалы по оценке земельных угодий Тихвинского уезда Новгородской губернии за 1914 г. содержат сведения, согласно которым в среднем по уезду количество хлеба, собираемого на одного едока (в переводе на рожь) при среднем урожае ржи, ячменя, картофеля составляло 9 пудов, тогда как норма потребления составляла 18 пудов на едока без различия пола и возраста [26, с. 29]. Зерна до нового урожая не хватало, и в хлеб приходилось добавлять мякину, солому, опилки, древесную кору или покупать зерно на стороне [28. Л. 3]. Шесть месяцев население жило своим хлебом, а ещё шесть месяцев – покупным. Однако есть сведения о том, что в некоторых местностях своего хлеба хватало «лишь на 3 месяца, а дальше в лесу зарабатывали» [29. Л. 43]. Случалось, что, выменивая личные вещи на хлеб, голодая по 2–3 дня, некоторые крестьяне уходили в мир просить милостыню, чтобы выжить [36. Л. 1].

В уборке урожая принимала участие вся семья, но основную тяжесть работ брали на себя женщины [29. Л. 19]. Им помогали девочки с 9 лет, мальчики, а иногда и мужчины [29. Л. 7]. Во время жатвы использовали серп восточнославянского типа, лезвие которого выполнено в форме полумесяца с зубчатым рабочим краем и короткой рукояткой [2. Л. 22]. Жали в полотняных рукавицах, захватывая левой рукой в горсть как можно больше колосков и подрезая их у самого корня. Овес ставили в суслон (kuhl) из 10 снопов, рожь в бабки, снопы. За рабочий день одна женщина пожинала до 70–75 снопов ржи (15 бабок или 10 семериков), до 120 снопов овса

(12 суслон). Лен и горох выдергивали руками. За день женщина могла выдернуть 200–300 горстей [17, с. 131], которые связывали в снопы, составляемые в бабку по пять штук. Сушили лен в специально устраиваемых вешалах, а горох развешивали на сучьях и гвоздях [4. Л. 23].

Далее хлеб просушивали в ригах, молотили всей семьей вплоть до Рождества (7 января) [11, с. 31] на гумне цепом (лен – колотушкой – копылом), сметали метлой (*rihloud*), а солому собирали в тукачи и выносили на улицу. Ржаную солому использовали в качестве подстилки для скота, крыли ей крыши, в голодный год кормили скотину, а овсяную и ячменную солому всегда давали животным, смешивая ее с сеном [37. Л. 32]. Зерно провеивали, подбрасывая на деревянных лопатах (*labid*), а затем ссыпали в амбар для хранения. Льняное семя, осыпавшееся при обмолоте, женщины собирали на половик, провеивали и готовили из него дома масло в специальных самодельных «жимках» или везли на маслобойню [29. Л. 26].

Новшества агротехники долго не проникали в вепсскую деревню. Некоторые крестьяне и в середине 1920-х гг. считали, что для их местности техника не годится, плуги будут ломаться на камнях [38. Л. 4]. Например, В. Кузьмин из Харагенич говорил так: «Наша местность очень гористая, и машины поднимать сельское хозяйство нам не помогут. Есть места, где едва поднимешься пешком» [39. Л. 175]. Мария Ильина из Нойдалы высказалась в отношении машин: «До машин да до веялок – я бы и рукам много навеяла и на холод бы не глядела, да веять-то нечего, мерку-то посеешь, так без веялки провеешь» [39. Л. 169].

У каждой женщины в хозяйстве имелся ручной жернов (*johmini kivi*) и похожий на него круподер (*krupodõr*), у которого вместо каменных, были круги из березовых колод. На одну из их поверхностей набивались железки, которые перетирали зерно в муку грубого помола или раздробленную крупу. Для приготовления круп женщины применяли также деревянную ступу (*humbar*), в которой толкли зерно деревянным (иногда с металлическим наконечником) пестом (*petkel*).

Традиционно женским занятием было огородничество: посадки, уход и уборка овощей – репы, моркови, лука, капусты, картофеля [22, с. 2]. Репу собирали после первого инея. Репу дергала молодежь, а взрослые женщины обрезали ботву [2. Л. 24].

В традиционной вепсской культуре существенную роль играло и животноводство, обеспечивающее семью мясом, молоком, шерстью, яйцами, однако в большей степени скот ценился как источник органических удобрений [31, с. 17], употребление которых позволяло немного улучшить качество бедной суглинистой пахотной земли [37. Л. 50].

Семья среднего достатка в XIX – начале XX в., как правило, держала одну лошадь, 1–2 коровы, 2–3 овцы, несколько кур, в некоторых хозяйствах держали свиней [33, с. 374]. Богатые хозяйства в начале XX в. насчитывали до 8 коров, до 20 овец [28. Л. 6], три и более лошадей [26, с. 253]. Начиная с XX в. в некоторых хозяйствах вепсов появились козы [17, с. 133].

Исстари повелось, что за крупным и мелким рогатым скотом ухаживали женщины, а за лошадьми – мужчины [12, с. 5], однако покупка коровы была делом семейным. Мужчина по определенным приметам (редкие ребра, 8 зубов, длинный хвост, короткая морда и тонкие рога) выбирал непрожорливую, непривередливую в еде корову, а женщина, так же по приметам, – молочную (рога-«ухватом», широко расставленные задние ноги, большой пуп и т. д.) [33, с. 374].

Низкое качество кормов, их ограниченные объемы влияли на вес и продуктивность животных. Местные породы коров в вепских хозяйствах отличались низкорослостью, комолостью, давали иногда всего до двух литров молока в сутки [16, с. 22]. Женщины производили дойку коров два раза в сутки – утром перед выгоном, и вечером, когда коровы возвращались домой с пастбища [3. Л. 14]. Семен Еремеев из Долгозера отмечал: «Трех наших коров за одну хорошую отдать не жалко. До четырех пудов коровы доходят – вот тут и дождай молока от таких коров» [39. Л. 177]. В народе были распространены обычаи, «помогающие» увеличить удои, приплоды и пр. Главной исполнительницей этих обрядов была женщина, в обязанности которой входил уход за домашним скотом.

Вепсы разводили овец местной породы, способные большую часть года содержаться на подножном корме, обеспечивали семью грубой шерстью [20, с. 10]. Шерсть с овец стригли осенью или в конце августа специальными ножницами *roudad*, гнутыми из одной пластинки железа. Шерсть собирали в корзины, сушили ее на печи и чесали двумя плоскими щетками с железными зубьями, предварительно выбрав руками кусочки навоза и другой крупный мусор. Чесальщики мужчины и женщины надевали кожаные фартуки [3. Л. 15].

Общесемейным делом была и заготовка сена для скота. Стойловый период содержания животных длился почти восемь месяцев: с Покрова (1 октября по старому стилю) и до Егорьева дня (23 апреля по старому стилю). Длительное содержание скота в хлевах требовало больших запасов корма, и в первую очередь сена. Как и пашни, многие пожни находились вдали от населенных пунктов. Траву скашивали косой-стойкой [8. Л. 27], «горбушей», а позже заимствованной у русских «литовкой». Покос длился с Петрова дня (29 июня) по Ильин день (20 июля). Косить траву могли как мужчины, так и женщины, молодежь загребала в валки, сушила сено на сошках. Затем ставили копна, из которых потом метали стог. С по-

лей сено вывозили чаще зимой, на лошадях. Сено – жесткое, малопитательное, заготавливать его приходилось в больших количествах [1, с. 157], однако на целую зиму его скоту не хватало, часто приходилось кормить животных соломой.

Традиционно женским занятием у вепсов во второй половине XIX – начале XX в. была обработка льна – разминание, очищение от кострики, трепание, чесание, прядение ниток, ткачество. Весь этот процесс производился вручную и был очень трудоемок. Разминать лен начинали обычно с Покрова (1 октября), потом трепали и чесали [29. Л. 41, 43]. Из льна получали несколько сортов кудели (*kjžalpā*). Самым низкосортным материалом являлось *отрепье* (*kar-keđ*), которое давали девочкам при обучении их прядению, иногда уже с 6–7 лет. Отрепье содержало большое количество твердой кострики, поэтому девочки нередко стирали пальцы в кровь, когда пряли первое свое веретено ниток [14, с. 13]. Представив его матери, девочка могла рассчитывать на получение собственной украшенной прялки, что, безусловно, подчеркивало в глазах окружающих ее трудолюбие, хозяйственность, умение прясть и повышало шансы удачно выйти замуж в будущем. Коноплю, из которой делали грубые ткани, никогда не мочили и не старались чесать очень чисто [3. Л. 26–27].

Из *изгребей* (*rotmed*) делали пряжу, шедшую на изготовление тканей для рабочих штанов, балахонов. Сырье получше – *начеси* (*paicoset*) шло на пряжу для кальсон, одеял, а самое тонкое полотно, собственно *лен* (*rõivāz*), использовалось для шитья полотенец, женских сорочек и прочего нижнего белья [17, с. 138]. На платье пряли 12 аршин и 12 оборок [29. Л. 14].

Нитки изготавливали, скручивая с помощью «*sūfa*» – толстого веретена с толстым диском на конце, – две тонкие нити в одну. Для этого *sūfa* подвешивалась к потолку и крутилась, свивая нити [2. Л. 9].

Ткали обычно взрослые женщины. Ткацкий горизонтальный стан устанавливался в женской половине дома у окна, ткали сразу же после масленицы [16, с. 22]. Во время Великого поста – от масленицы до Пасхи – женщины ткали, используя технику простого полотняного и саржевого переплетения нитей утка и основы, а также браную и ремизную техники (более сложные в исполнении виды ткачества, используемые при изготовлении скатертей, обрядовых полотенец) [20, с. 146].

Из готового холста вручную по определенным канонам, выработанным временем в отношении костюмов вепсов, женщины кроили и шили одежду, стараясь успеть изготовить ее как можно больше до начала весенних полевых работ. В течение всего года женщины уже не имели времени заняться шитьем одежды: штопали, подшивали,

зашивали, латали ту одежду, которая уже была в наличии у всей семьи.

Одежду вепсы обычно сильно занасивали [28. Л. 12] – это было обусловлено постоянной тяжелой работой на открытом воздухе и ограниченностью гардероба каждого члена крестьянской семьи. А.И. Колмогоров в своих путевых заметках оставил сообщение о том, как проходила стирка одежды: «Белье моется просто, скоро, оригинально. Весь процесс мытья происходит на берегу реки или озера, при котором стоит деревня. Имеется несколько толстых общественных поленьев или просто обрубков с чашеобразным углублением посередине. Намоченное белье кладут в это углубление и толкут двумя тонкими палками с закругленными концами. Потолкут, затем пополощут и ... белье вымыто» [18, с. 105]. Описанное А.И. Колмогоровым общественное приспособление для стирки белья – хумбар (humbar) еще в 1970-х гг. можно было увидеть в южно-вепсских деревнях во дворах и на берегах рек, озер [6, с. 31].

Однако сообщение исследователя можно дополнить: вепские женщины для стирки и отбеливания белья использовали зольный настой – могл (mogl; в русских деревнях его называли «щелок»). Для приготовления могл печную золу просеивали, заливали кипятком, ставили чугуна в печку. На полчугуна золы приходилось столько же (или чуть больше) воды. Вечером «истомившуюся» золу вынимали из печки и сливали, получалась «стиральная вода» – могл. В этой воде и стирали вообще всю одежду [23]. В 1990-е гг., в тяжелые времена кризиса, захлестнувшего Россию, в вепсских деревнях женщины, не имея средств купить мыло или стиральный порошок, употребляли для стирки приготовленный в домашних условиях зольный настой [23].

К.К. Логинов в своем полевом дневнике оставил запись о стирке белья в северной группе вепсов: «Стирали белье в деревянных чанах со щелоком, нагревая воду камнями. Полоскали белье в воронкообразном корыте с цельной ножной подставкой с помощью двух палок. У колодца или на реке, там же отбеливали белье вальком» [5. Л. 33]. Есть у него и сообщение, записанное в той же группе вепсов, которое посвящено процессу глажения белья: «Рубаху или другую матерчатую вещь ровным слоем накручивали на круглый деревянный валик и, положив его на ровную поверхность стола или доски, катали его вперед – назад, нажимая сверху на валец, зубцы которого вращали, катая на доске валик» [5. Л. 34].

Процесс стирки, отбеливания, глажения домашней ткани вручную, с помощью деревянных приспособлений, был достаточно трудоемким делом. Не менее важно и то, что от описанных выше способов очищения ткань становилась тоньше, рвалась, а это, в свою очередь, вызывало потребность в изготовлении новой одежды на каждого члена семьи.

В XIX в. еще до распространения анилиновых красителей вепские женщины умело пользовались природными средствами для придания желаемого цвета ткани, пряже. Так, настой можжевельных ягод окрашивал ткани в зеленый цвет, сажа – в темно-серый, ивовая, ольховая и черемуховая кора, в зависимости от способа выделения красителя (с кипячением или без кипячения), окрашивали текстиль в разные оттенки красно-коричневой гаммы [29. Л. 14], настой луковой шелухи придавал ткани красноватый оттенок, березовых почек – желтоватый, трав – зеленый. Все-таки в традиционном костюме вепсов преобладали синий, красный и белый цвета. Синий краситель (индиго) всегда был привозным [19, с. 93–113].

И русские женщины издревле красили ткани преимущественно растительными, реже животными красками. Синюю краску делали из сон-травы, василька, черники; желтую – из дрока, листьев березы; золотисто-коричневую – из шелухи лука, коры дуба и груши, красно-коричневую – из гречишника, зверобоя, коры дикой яблони, ольхи, крушины [34, с. 161].

Вепские женщины раньше умели вязать носки (noskad) и варежки (alaižed) из шерстяной пряжи с помощью одной иглы [7. Л. 33], так они получались более плотными и прочными по сравнению с изготовленными на спицах. По сведениям С.Б. Егорова, некоторые пожилые женщины еще владеют этой техникой [17, с. 136].

Все женское население вепсов было носителем традиции искусства вышивания. В XIX – начале XX в. вышивка относилась к добрым женским работам, целью которых было накопление приданого. Обычно девочка начинала готовить вышитые вещи приблизительно с того возраста, когда переходила в группу взрослых девушек – с 11–15 лет – и становилась участницей общедеревенских посиделок [14, с. 14]. Вышитых изделий, которыми запасались для замужней жизни, еще в XIX в. было довольно много: из женской одежды это рубахи, юбки, сорочки; из мужской – рубахи; из бытовых предметов – главным образом полотенца и простыни. Но в начале XX в. гардероб вепсов начал пополняться фабричными изделиями, которые уже не украшались вышивкой [31, с. 59]. Украшать продолжали женские рубахи и полотенца. Носили вышитые рубахи в основном молодые женщины («женщине ходить в рубахе без вышивки – грех»), старые таких рубах уже не надевали.

Традиционно женским занятием и обязанностью является приготовление пищи. Вепсы очень неприхотливы в еде, что, вероятно, сформировалось в результате постоянных недородов хлебов, малопродуктивности животноводства. Основу пищевого рациона вепсов составляли мучные продукты: хлеб, лепешки, пироги, пирожки, калитки, «помазухи», «колобы» [25, с. 6].

Калитки были и остаются у вепсов одним из любимых видов открытых пирогов. Для них делали пресное тесто из ржаной муки, за-

мешивали его на молоке, простокваше, но чаще всего – на воде (от этого калитки только вкуснее). Тесто раскатывали на тонкие лепешки – сканцы (skans). На них клали различную начинку: картофельное пюре, каши, творог, капусту, горох, толокно. В начинку добавляли молоко, по возможности – яйцо, масло, сметану. Края защипывали бортиком, смазывали перышком или заячьим хвостиком верх калитки яйцом и ставили в печь. Ели калитки чаще всего с молоком [13].

Готовили также разнообразные крупяные каши, похлебки, загусту, затируху, толокно из овса, супы мясные и костные. Употребляли в пищу рыбу и мясо (во время тяжелых физических работ) в различных видах: вареные, жареные, сушеные, вяленые. В феврале – начале марта, в весенний забой скота, куски говядины или баранины солили и подвешивали с помощью деревянных крюков на длинную жердь, закрепленную под застрехой (raustaz) на фасадной стороне избы. Готовое к употреблению вяленое мясо (ahavoičetud liha) завертывали в тонкую редкую ткань, чтобы предохранить от мух, и хранили на чердаке до двух лет [33, с. 398].

Молоко и молочные продукты занимали значительное место в рационе вепсов – свежее, кислое и топленое, творог и сыворотка, сметана и масло. Яйца, грибы, различные ягоды, овощи, пиво и квас – вот и весь рацион.

Завтрак (turgin) женщины готовили сразу после утреннего ухода за животными, к столу семья собиралась к 11 ч.; обед (long) – в 13–14 ч.; ужин (chtlongin, užn) – вечером после работы [9, с. 12].

Поскольку вепсы православные, их стол зависел от постов; еда в это время была легкой, нежирной, исключала продукты животного происхождения. Вепсы сохраняли и языческие представления своих предков, которые также накладывали запрет на некоторые виды пищи. Так, «зайчатину есть грех непрощенный, а ежели кто вздумает медвежатины испробовать, то тому не зазорно будет и человечину есть – мясо-то такое же, ведь медведь когда-то сам человеком был, да Господь наказал его за гордость» [24, с. 139], – пишет В. Майнов. Информаторы И.И. Барановой сообщали, что после революции 1917 г. запрет на употребление в пищу зайчатины и медвежатины утратил свое значение, а мясо куницы, белки, лошади, гагары, выдры вепсы не едят и в настоящее время [29. Л. 20]. «В Шимозере мясо медведя ели как мужчины, так и женщины» [14. Л. 23], – отметил в своих записях К.К. Логинов.

В целом трудовая деятельность крестьянской вепсской семьи отличалась четким распределением работ между членами семьи по половому признаку и конкретным временем их проведения. Распределение работ среди женщин одной семьи во многом зависело от возраста и положения их в семейной иерархии. Приобщение к труду у вепсов начиналось в самом раннем возрасте, тогда же очерчивался круг традиционно женских работ, которыми должна была овладеть девушка ко времени создания собственной семьи.

В рассматриваемый период женщина была активной участницей всех сельскохозяйственных работ, причем некоторые из них (прополка, обработка льна, жатва зерновых) выполнялись чаще всего только женскими и девичьими руками. Сугубо женским занятием у вепсов были уход за домашними животными (кроме лошадей), ткачество, шитье, вышивка, поддержание в чистоте и целостности одежды всех членов семьи, приготовление пищи.

Реформы середины XIX в., промышленный переворот, завершившийся практически во всех отраслях промышленности Российского государства к 1880-м гг., и модернизация экономики конца XIX – начала XX в. способствовали более активному вовлечению вепсов, ранее живущих в условиях натурального хозяйства, в товарно-денежные отношения. Отход мужчин на заработки перераспределял доли мужского и женского труда, делал женский вклад в семейную экономику более значимым, а значит, способствовал повышению статуса женщины в традиционном хозяйстве вепсов.

Рассмотрение вопроса о традиционных обязанностях женщин в хозяйстве вепсов во второй половине XIX – начала XX в. позволяет выделить ряд особенностей:

1) относительно стабильный вариант хозяйствования, основанный на подсечном земледелии, низко продуктивном животноводстве, рыболовстве, охоте сохранялся веками в силу агроклиматических и ландшафтных особенностей территории традиционного расселения вепсов;

2) карельское, русское экономическое влияние способствовало эволюции, модернизации средств производства, но обязанности мужчин, женщин и детей – участников всех общесемейных и половозрастных работ, связанных с годовым циклом сельскохозяйственных работ, не изменялись.

Список литературы

1. Агапова В.И. Деревня Шокшозеро (географический очерк) // Изв. гос. географ. об-ва. – Л., 1931. – Т. LXIII. – Вып. 2–3. – С. 145–159.
2. АKNЦ. Ф.1. Оп. 50.Д.115.
3. АKNЦ. Ф.1. Оп. 50.Д.116.
4. АKNЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 118.
5. АKNЦ. Ф.1. Оп. 50.Д.119.
6. Андреева Л.А., Коляда М.И., Кондратьева Е.В. По Ленинградской области. – Л., 1978.
7. Архив ПКМ. Общие фонды. Д.15.
8. Архив ПКМ. Общие фонды. Д.16.
9. Богословский Н. Общий очерк образа жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сб. –1865. – Вып. 1. – С. 1–17.
10. Вестник Олонецкого губернского земства. – 1909. – № 12.
11. Винокурова И. Ю. Календарные обряды, обычаи и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). – СПб., 1994.
12. Винокурова И.Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбище у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. – Петрозаводск, 1988. – С. 4–26.

13. Воспоминания Александры Михайловны Коноваловой (д. Ребов Ко-нец) // Полевые материалы автора.
14. Горб Д.А., Засецкая М.Л. Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: в 2 ч. – Ч. 1. – Л., 1991. – С. 5–17.
15. Горлова И.В. Краеведение. – Бокситогорск, 2005.
16. Данков М.Ю. Вепсы: история, культура, этнос // Музеи России. – 1993. – Вып. 2. – С. 19–23.
17. Егоров С.Б. Новые сведения о традиционном хозяйстве и материальной культуре южных вепсов (итоги экспедиционных работ 1990 – 1993) // Историч. этногр. – Вып. 5. – СПб., 1997. – С. 131–142.
18. Колмогоров, А. Поездка по Чухарии (Предварительное сообщение) // Землеведение. – 1907. – Кн. III – IV. – С. 1-33.
19. Королькова Л.В. Вепсская народная одежда (вторая половина XIX – первая треть XX в.) Материалы по этнографии. Т. 2. Народы Прибалтики и Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. – СПб., 2004.
20. Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. – Л., 1984.
21. Краснов Н.В. Тихвин. – Л., 1971.
22. Кузнецов В.К. Работы крестьянского населения Олонецкой губернии в осенне-зимний период // Олонецкие губернские ведомости. – 1902. – 4 июня.
23. Кусей Е.Е. Беседа с А.З. Соколовой (д. Ярославичи) от 25 авг. 2005.
24. Майнов, В. Приютская чудь (Весь – Вепсы) // Древняя и новая Россия. – 1877. – Т. 2. – № 6. – С. 133–143.
25. Макарьев С. Вепсы (Этнографический очерк). – Л., 1932.
26. Материалы по оценке земельных угодий. Новгородская губерния, Тихвинский уезд. – Вып. 2. Статист.-экон. данные о крестьянском населении уезда и частно-владельческих усадебных хозяйствах. – Новгород, 1914.
27. НА РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75.
28. НА РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 373.
29. НА РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1774. тетр. 1.
30. Петерсон А. Орудия традиционного земледелия у вепсов // Проблемы истории и культуры вепсской народности / под ред. В.В. Пименова. – Петрозаводск, 1989. – С. 130–135.
31. Пименов В.В. Строгальщикова, З.Н. Вепсы: расселение, история // Проблемы истории и культуры вепсской народности / отв. ред. В.В. Пименов. – Петрозаводск, 1989. – С. 4–26.
32. Подвысоцкий Н. Кайваны // Естествознание и география. – 1889. – № 1. – С. 51–62.
33. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. – М., 2003.
34. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М., 1989.
35. Равдоникас В.И. Чухари // Тихвинский край: краеведч. сб. по Тихв. уезду / под ред. В.И. Равдоникаса. – Тихвин, 1926. – С. 8–27.
36. РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 175.
37. РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 164.
38. СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 253.
39. ЦГА СПб. Ф. 7803. Оп. 1. Д. 3.
40. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 85.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).084.3/084.6

О. И. Тихомиров, М. В. Зеленов

Биография Л.М. Кагановича (1917–1941) как предмет историко-политических исследований

В статье рассматриваются статьи и книги, в которых изучается политическая биография члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС Л.М. Кагановича (1917–1941 гг.).

The article deals with articles and books that examine the political biography member of the Politburo and Central Committee Secretary of LM Kaganovich (1917–1941).

Ключевые слова: Л.М. Каганович, политическая биография, член Политбюро, коллективизация, репрессии.

Key words: LM Kaganovich, a political biography, a member of the Politburo, collectivization, repressions.

Личность и биография Кагановича интересуют исследователей, прежде всего, в связи с деятельностью Сталина и (или) развитием экономики страны в моменты ее переломов (начало и конец 1930-х гг.), культуры, работой Политбюро ЦК партии, секретарем которой он был долгие годы. Основная тенденция историографии – увеличение объема документальных публикаций, связанных с именем Кагановича, и изучение более узких эпизодов его жизни и деятельности. Почти все мемуаристы и затем исследователи отмечают безграмотность Кагановича, беспомощность в управлении, грубость и использование исключительно репрессивных мер для увеличения производительности труда (наведения порядка).

Рассмотрим литературу, посвященную довоенной биографии Кагановича.

Период с 1917 по 1921 г. Гражданская война. Об этом периоде есть только две статьи: А. Воробьев уточняет участие Кагановича в 1917 г. в революционном движении в Полесье и Бобруйске, отмечая, что его «руководящие» заслуги там сильно преувеличены [9, с. 33]. Л.П. Гордеева делает краткий обзор деятельности Кагановича в Нижнем Новгороде и пишет, что Каганович стремился превратить

губком в «верховный орган губернии» и жестко проводил политику центра [12]. Это верно только отчасти, поскольку отношения губкома и Кагановича были намного сложнее. Е.С. Евсеев, написавший тенденциозную биографию Кагановича, указывает точную дату его появления на заседаниях Нижегородского исполкома, итоги голосования за его кандидатуру на пост председателя губисполкома, замечая, что Таганов (другой претендент) дал самоотвод. Однако все это подается как следствие помощи (вмешательства) какой-то таинственной руки [14, с. 44, 228-229].

Период с 1922 по 1925 г. Москва. Воспоминания о работе Кагановича в аппарате ЦК с 1922 г. оставил Борис Бажанов: он описывает, как вместо Кагановича написал статью, поскольку тот был безграмотен и писал с ошибками [6]. Работу Кагановича на посту заведующего организационно-инструкторским (организационно-распределительным) отделом ЦК отчасти раскрыл М.В. Зеленев в публикациях «Рождение партийной номенклатуры» (подготовка списков работников партийного и госаппарата, выступление на заседании оргбюро ЦК РКП(б) о плане работы учраспреда ЦК 8 ноября 1923 г. и т. п.) [34].

Период с 1925–1928 г. Украина. Генеральный секретарь ЦК КП(б)У. Можно отметить только одну статью киевского историка В. Васильева, которая раскрывает роль Кагановича на Украине в этот период – удушение украинского языка и культуры, борьба с исторической наукой (как формой национального самосознания), насаждение воли Москвы [3]. Кроме привлеченной научной литературы по истории Украины, сотрудник Института истории АН Украины использует документы из фонда Кагановича в РГАСПИ и Центрального государственного архива общественных организаций Украины.

Участие в коллективизации. В феврале – марте 1929 г. Каганович принял деятельное участие в проведении коллективизации на Урале. В статье В.А. Ильиных на основе документов Центра документации общественных организаций Свердловской области в широком контексте показана его роль как проводника сталинской репрессивной политики [17]. В 1930 г. Каганович выступил в Московской организации с требованием усилить нажим на кулаков [19]. Он был командирован в Центрально-Черноземную область, Нижне-Волжский и Средне-Волжский края. В марте 1930 г. Каганович в Воронеже призывал «Надо срочно снимать головотяпов с занимаемых постов за допущенные ошибки» в проведении коллективизации [31]. В апреле 1930 г. Каганович, которому было поручено преодолеть сопротивление местной элиты курсу на временное свертывание коллективизации, был направлен в Сибирь. Это подробно описывается в статье В.А. Ильиных [16]. Особое внимание уделено измене-

нию политических установок секретаря ЦК: от прозвучавших в начале поездки требований применения жестких репрессий в отношении функционеров, допустивших «перегибы», до сформулированного перед отъездом из региона призыва прекратить покаяние и преследование работников партийного и советского аппарата и сосредоточить усилия на подготовке к весеннему севу.

Перепланировка столицы. Коротко роль Кагановича в этих мероприятиях была сформулирована публицистом В. Новиковым: «Известно, что особенно сильный ущерб был нанесен столице в 30-е годы при осуществлении Генерального плана её реконструкции, взлелеянного Лазарем Кагановичем. Город, воспетый во множестве произведений, приводивший в трепет иностранцев своей красотой, Каганович объявил "невообразимым хаосом, созданным будто пьяным мастером", подлежащим уничтожению ради постройки "нового коммунистического города"» [26]. «Документы о создании Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г.», проанализированные О.Е. Антоновой, подтверждают желание Кагановича кардинально изменить облик Москвы [4]. В «Вечерней Москве» публиковалось и «Письмо дочери» (1989) Кагановича, в котором он оправдывал снос памятников в Москве [11]. Однако достоверность этого текста вызывает сомнения.

Метрострой. Неоднозначна роль Кагановича в метростроении. Он курировал как «мэр» города этот участок работы [28]. Однако его воззрения были совершенно далеки от технического развития столицы и ориентированы на войну. «Между Смоленской площадью и Киевским вокзалом трасса Арбатского радиуса должна была пересечь полноводную Москву-реку. Между тем строители 1-й очереди не располагали техникой, которая позволила бы им построить тоннель под рекой. Арбатский радиус проектировался и строился методом мелкого заложения, и пересечь водную преграду он мог единственным способом – с помощью метромоста. Но когда об этом доложили первому секретарю МГК ВКП(б) Лазарю Кагановичу, который курировал строительство 1-й очереди, он пришел в ярость. Каганович рассматривал столичный метрополитен прежде всего как гигантское бомбоубежище и не допускал даже мысли о том, что какие-то его части будут наземными» [15]. Хрущев тайно от Кагановича построил метромост и успешно пустил по нему поезда (также тайно, после войны, Хрущев ввел электропоезда вместо паровозов).

Огромный материал для понимания места Кагановича в партийной иерархии в первой половине 1930-х гг. дает опубликованная переписка со Сталиным за 1931–1936 гг. [35]. Представляется, что Каганович почти не имел своего мнения, поддерживая инициативы вождя. В рецензии на эту книгу специалист по истории СССР 1920 – 30-х гг. И.В. Павлова отмечала: «Каганович выделялся даже среди

членов сталинского окружения своей исполнительностью и преданностью Сталину» [29].

На Украине и Северном Кавказе в 1932–1933 гг. Сталин создал две партийные чрезвычайные комиссии – по увеличению хлебозаготовок на Украине (Молотов) и Северном Кавказе (Каганович). Каганович принимал активное участие и в работе Украинской комиссии. В Советской исторической энциклопедии говорилось на сей счет: «Когда в неурожайном 1932 году на Северном Кавказе, Нижней Волге и большей части Украины колхозы не смогли выполнить заданий по сдаче хлеба, на Кубань была командирована комиссия во главе с Кагановичем, которая провела массовые репрессии партийных, советских и колхозных работников, рядовых колхозников (принудительное изъятие хлеба, роспуск партийных организаций, массовые исключения из партии, выселение населения ряда станиц в северные районы)» [21].

В статье Ива Козна 1997 г. очень подробно и полно рассматривается положение Кагановича на Украине в 1932 г. [1]. Основными источниками стали письма Кагановича Сталину в 1932–1933 гг., дополненные иными документальными свидетельствами тех лет. Однако автора больше интересует позиция Сталина в коллективизации (репетиция террора и усиленных репрессивных методов раскулачивания), чем роль Кагановича. В 2001 г. был опубликован очередной (третий) том документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» [37]. В рецензии на этот том В. Хаустов писал: «При их (Молотова и Кагановича – прим. авт.) участии проводились бесчеловечные карательные акции в отношении хлеборобов, включая поголовную депортацию жителей некоторых сел и станиц (с. 530–531, 598–601, 610–611 и др.). Деятельность комиссий инициировала новый виток репрессий, поддержанных и одобренных на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) (с. 576–577)» [39].

В 2001 г. Ю. Шаповал вместе с молодым киевским историком В. Васильевым издали книгу об организации голода на Украине в 1930-х гг. Молотовым и Кагановичем [40]. Это сборник документов из РГАСПИ (ф. Молотова, Кагановича и ЦК ВКП(б)) и отчасти киевских архивов, снабженный обширными предисловиями. Ценность этой книги состоит в том, что впервые опубликованы документы Кагановича 1932–1933 гг. – не только переписка со Сталиным, но и дневники его поездок, его высказывания, стенограммы бесед на Украине, переписка с политическими деятелями Украины, проекты постановлений. Другой контекст работы Кагановича на Украине рисует сотрудница института славяноведения РАН Е.А. Борисенко, которая считает, что «Сталину в условиях коллективизации требовался полный контроль над украинским крестьянством, для чего следова-

ло не допустить усиления влияния в украинской деревне национально ориентированной интеллигенции» [7].

Те же мероприятия Каганович проводил и на Кубани за месяц до Украины без всякой национальной составляющей. «Именно там была апробирована система уничтожения населения путем изъятия продуктов питания и зерна у самих колхозов, включая посевной материал. Первое решение бюро крайкома по кубанским станицам было принято 4 ноября 1932 года: на Север выселялись целые станицы. Другие заносились на так называемую черную доску и полностью лишались продовольствия. Оттуда вывозились товары из кооперативных и государственных лавок и магазинов, у жителей изымались продукты. Люди, жившие в этих станицах, обрекались на голодную смерть. На Украине подобные действия властей начались только через месяц с лишним» [30, 24]. Опубликованы документы и по другим районам страны [20].

Нарком путей сообщения и нарком тяжелой промышленности, 1935–1942 гг. Первым документом о работе Кагановича на этом посту была глава из книги американского историка А. Риза (1995) [2]. Однако его краткий очерк выясняет только внешнюю сторону событий. Опубликованные воспоминания очевидца событий дают более точную характеристику Кагановичу на этом посту: «Надо сказать, что как нарком он был великолепным организатором. Но, к сожалению, ему не хватало знаний железнодорожной техники, поэтому зачастую решал вопросы не по существу, а больше по интуиции, прислушиваясь к тому, кто более авторитетно, с большим апломбом подсказывал то или иное решение» [13]. Речь идет о том, что Каганович своими решениями в 1935 г. запретил строительство и разработку тепловозов, делая всё, чтобы сохранить паровозы. Неоднозначна оценка Кагановича на посту наркома путей сообщения: одни приводят доказательства правоты принимаемых им решений, направленных на устранение халтуры и повышение дисциплины на транспорте (отдавал под суд), другие приводят данные о десятках репрессированных руководителях, грамотных специалистах-железнодорожниках [10].

Историк советской индустрии 1930-х гг. Г. Ханин говорит о клане партаппаратчиков Кагановичей – Лазаре и Михаиле: «... братья Кагановичи были «экономическими царями». При этом ни один из них не имел ни технического образования, ни опыта хозяйственной деятельности на предприятиях промышленности» [38]. Влияние Кагановичей на хозяйственные дела начало быстро уменьшаться в начале 1939 г., когда страна стала приходить в себя после массовых репрессий и к руководству отраслями стали приходить грамотные люди.

Во главе репрессий. Основной объем публикаций, в которых упоминается Каганович, посвящен его участию в репрессиях 1930-х гг. Его подписи (как и подписи других членов Политбюро) под расстрельными списками опубликованы [36]. И публикации документов, и нарратив раскрывают его стремление решить все проблемы исключительно репрессивными методами. Прежде всего, раскрыта роль Кагановича в организации московского процесса 1936 г. [25]. Кроме этого, описана – достаточно подробно – роль в уничтожении профсоюзной верхушки в 1937 г.: «Именно Каганович, ближайший сподвижник Сталина, и дал "зеленый свет" участникам пленума для развертывания жесткой критики аппарата ВЦСПС, его президиума и всего секретариата во главе с Шверником» [27]. Каганович был членом комиссии по созданию нового Особого совещания НКВД в 1934 г. [23], предложил создать в республиках, краях и областях «тройки» для внесудебного рассмотрения дел по политическим обвинениям. Его письма в НКВД на арест 1587 работников железнодорожного транспорта составили пять томов. Он лично подписал 191 список на осуждение, в основном «по первой категории», к расстрелу 36 тыс. чел. – партийных, советских, военных и хозяйственных работников. По свидетельству его заместителя в Наркомтяжмаше А.И. Мильчакова (письмо в ЦК в 1961 г.), «Он вел себя невероятно развязно, постоянно подчеркивая при встречах с работниками: "Я не только нарком, я – секретарь ЦК партии". Излюбленным методом "руководства" Л. Кагановича были вопли о вредительстве, сеяние недоверия к советским людям, запугивание работников угрозой ареста. Он не стеснялся высказывать такие мысли: "Уж если мы (то есть он, Каганович) лишим работника своего доверия, мы его передадим в НКВД, а там следователи быстро прихлопнут"» [8]. Впрочем, известна история, как Каганович во время войны спас одного из начальников ж/д пути от ареста, поскольку кроме него никто не мог работать в той ситуации [32].

Интересно наблюдение, которое сделал французский исследователь политической истории сталинской России Ив Коэн, размышляя о внутреннем мире сталинских чиновников высшего ранга: «Какое Я берет верх, когда Каганович говорит Сталину о своих чувствах по поводу ситуации (коллективизации на Украине 1932 г. – *авт.*)? Мы видим, что главные качества человека из ближайшего окружения Сталина – расчетливость и показная самоотдача. (...) Если бы такие же комментарии позволил себе кто-то другой, его личностное Я восприняли бы как антипартийное, однако у Кагановича личностное Я целиком и полностью принадлежит партии» [22].

Может быть, это и есть один из главных выводов наблюдения над биографией Кагановича – стирание собственного Я, отданного полностью партии, в которой он так хотел восстановиться! Ведь и в

«Предисловии» к воспоминаниям Каганович пишет о себе: «... даже там, где приходится говорить о себе (особенно в кратком изложении настоящего введения), я всегда подразумеваю себя как частицу коллектива — этого постоянного истинного творца всего сущего» [18].

Список литературы

1. Cohen Yves. Des letters comme action: Stalin au de'but des Années 1930 vu depuis le fonds Kaganovič // Cahiers du Monde russe. V.38. N3, juillet-septembre 1997. P. 307–346.

2. L.M. Kaganovich as Narkom of NKPS // E.A. Rees. Stalinism and Soviet rail transport. 1928-41. N-Y. 1995. – P. 110–113.

3. Valerij Ju. Vasil'ev. Le système d'information de la GPU: La situation politique en Ukraine dans les années 1920 rapportée a Kaganovš (название статьи в оглавлении: The informatsonal system of the GPU: How L.Kaganovich was informed about the Ukrainian political situation in the 1920s) // Cahiers du monde russe. 2001. V. 42. #2-3-4. P. 245–262.

4. Антонова О.Е. Документы о создании Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. // Отечеств. архивы. – 2011. – № 1. – С. 52–58.

5. Артамонова Ж.В. Открытый московский процесс 1936 г. как мобилизационная политическая кампания // Рос. история. – 2010. – № 6. – С. 161–170.

6. Бажанов Б. Кремль, 20-е годы. Воспоминания бывшего секретаря Сталина // Огонек. – 1989. – № 38.

7. Борисенко Е.Ю. Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е годы) // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 168.

8. Вейхман Владимир. Воскреснет ли старый комендант? // URL: <http://www.proza.ru/2006/06/29-146>

9. Воробьев А. Лазарь Каганович в Учредительном собрании // Родина. – 2010. – № 1.

10. Вот такие полярные мнения // Локомотив. – 2002. – № 1.

11. Гольбрайх Ефим. «И тов. Сталин согласился». Неизвестное письмо Л.М. Кагановича, адресованное дочери // Вечерняя Москва. 2002. 5 апр.

12. Гордеева Л.П. Руководители Нижегородской губернии 1917–1922 гг.: опыт личных характеристик // Российская провинция в годы революций и Гражданской войны 1917–1922 гг.: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 27–28 ноября 1997 г. / под общ. ред. проф. Г.В. Набатова. – Н. Новгород, 1998. – С. 206.

13. Данилов В.И. Тернистый путь тепловоза. К 75-летию внедрения тепловозной тяги // Локомотив. – 2000. – № 3. – С. 42–44.

14. Евсеев Б. Каганович. Сатрап за спиной Сталина. – М., 2005.

15. Егоров Михаил. Легенда про «Первый метромост». К 60-летию начала ввода в строй 2-й очереди Московского метрополитена // Независимая газета. – 1997. – 26 марта.

16. Ильиных В.А. Поездка Л.М.Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: Санація «головокружения» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 52–56.

17. Ильиных В.А. Урало-Сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 20–26.

18. Каганович Л.М. Памятные записки. – М., 1998.

19. Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства Центра России в начале 1930-х годов // Вопр. истории. – 2006. – № 5. – С. 149.

20. Кирьянова Е.А. «Сараевский район должен быть житницей Московской области»: Докладная записка Л.М. Кагановичу и Г.Н. Каминскому. 1932 г. // Исторический архив. – М., 2007. – № 2. – С. 215–220.
21. Коллективизация сельского хозяйства СССР // Сов. истор. энцикл.: в 16 т. – Т. 7. – Стлб. 494.
22. Коэн Ив. Личностное, должностное и партийное «Я»: Исследование субъективности и работы над собой в коммунизме и либерализме // Россия XXI. – 2010. – № 6.
23. Мазохин О. Особое совещание в России и СССР (1881-1953) // Обозреватель – Observer. – 2002. – № 3–4. – 15 марта.
24. Макаренко П. Смерть зовется 33-й год // Родная Кубань. – 2002. – № 3. – С. 14–25.
25. На процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым». Документы РГАСПИ о «процессе 16-ти». 1936 г. (публ. Ж.В. Артамоновой) // Отечественные архивы. – 2008. – № 2. – С. 113–128.
26. Новиков В. Битва за Москву: они ведали, что творили // Парламентская газета. – 2005. – 22 дек.
27. Носач В.И., Зверева Н.Д. «Расстрельные 30-е годы и профсоюзы». Глава V. Шестой Пленум ВЦСПС, или апофеоз беззакония // Солидарность. – 2006. – 13 сент. – С. 1–4.
28. Осторожно, двери закрываются // Моск. железнодорожник. – 2005. – 20 мая. – № 20.
29. Павлова И.В. [Рец. на кн.: Сталин и Каганович. Переписка] // Исторический архив. – М., 2002. – № 5. – С. 217–220.
30. Петров Сергей. «Смерть зовется 33-й год» // Новые изв. – 2008. – № 214. – 24 нояб.
31. Петропавловский Владимир. К 80-летию сплошной коллективизации воронежской деревни // Воронежский курьер (Воронеж). – 2010. – 2 февр.
32. Попов Дмитрий. Вердикт по телефону // Гудок. – 2010. – 2 апр.
33. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. – М., 2008.
34. Рождение партийной номенклатуры. (Публ. подг. М.В. Зеленов) // Вопр. истории. – 2005. – № 2. – С. 5–24.
35. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева и др. – М., 2001.
36. Сталинские расстрельные списки. М., 2002.
37. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2001.
38. Ханин Григорий. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 7. – С. 56. (С. 52–62).
39. Хаустов В.Н. [Рец. на кн.:] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. Т. 3 // Отечественная история. – 2002. – № 11. – С. 200.
40. Шаповал Ю., Васильев В. Командиры великого голоду: поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ, 1932-33 рр., Київ, 2001. («Командиры великого голода. Поездки В. Молотова и Л. Кагановича в Украину и Северный Кавказ» / под ред. В.Васильева и Ю.Шаповала. – Киев: Генеза, 2001).
41. Шаповал Ю.И. Л.М. Каганович на Украине (Закинчення) // Український історичний журнал. – 1990. – № 8. – С. 117–129.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).073

Е. Щепаньски

Новые российские исследования эпохи Николая I (по материалам: Выскочков Л.В. «Император Николай I: Человек и государь» (СПб., 2001) и «Николай I» (М., 2006)).

Будучи в Санкт-Петербурге, я имел возможность ознакомиться с новыми российскими исследованиями, посвященными эпохе Николая I. По ней вышло неожиданно много публикаций, что отнюдь не является исключением, подобным образом выглядят исследования, посвященные другим эпохам. Ренессанс интереса к истории заметен, особенно в части истории императорского дома и военного дела. Складывается впечатление, что российские историки стараются нагнать упущенное время; это впечатление подтверждает большое количество переизданий и репринтов дореволюционных публикаций.

Думаю, что для польского историка, привыкшего к функционированию зон «молчания» в советской историографии и немногочисленным изданиям, такое положение дел может оказаться большим сюрпризом. Тем более что знания польских историков в этой области весьма фрагментарны.

При наличии бросающегося в глаза немалого количества посредственных книг в новейшей российской историографии доминируют профессиональные труды, богатые новыми источниками и выполненные на высоком методическом и содержательном уровне. Это относится также к исследованиям николаевской эпохи.

Свидетельством ренессанса николаевской проблематики являются не только публикации, но и конференции и выставки, например, в Эрмитаже, музеях Петергофа и Павловска. Немало трудов появилось в 1996 г. в связи с 300-летием династии Романовых и одновременно 200-летием рождения Николая I.

На волне усилившегося интереса к эпохе возникла проблема оценки Николая, в первую очередь, как правителя, во вторую – как человека. Характерно, что дискуссия идет вокруг тезиса, сформулированного еще в 1912 г. либеральным историком А.А. Корниловым [12], который утверждал, что система Николая I представляет собой

продукт просвещенного абсолютизма, подобный системе Фридриха II и Иосифа II. Советская историография этой проблематики не затрагивала. Известный и у нас историк Н.Я. Эйдельман, писавший уже в период «перестройки» и занимавшийся проблематикой реформ в России, утверждал, что абсолютизм Николая, продолжавший линию короткого царствования Павла I [30, с. 357], не был «просвещенным» [28]. Он склонялся к оценкам других историков, таких как М.Н. Покровский и С.В. Мироненко, объяснявших консерватизм системы и отсутствие реформ («Тридцатилетняя контрреволюция») ее переходным характером, а в особенности эгоистичным сопротивлением со стороны дворянства, а также бюрократического аппарата и высшей бюрократии.

Во время перестройки были опубликованы пользовавшиеся большой популярностью работы историка литературы Г.И. Чулкова [25], который, создавая психологический портрет Николая и объясняя причины конца реформ, начало собственно николаевской эпохи связывал с подавлением польского восстания. Скорее как курьез можно рассматривать голос непрофессионального историка М.Н. Залевского, который решил написать книгу о Николае I, дабы «очистить память об императоре, так замазанную либералами и социалистами и вообще красненькими и розовенькими историками и литераторами» [2, с. 84]. В 2000 г. историк Н.С. Киняпина в работе «Николай I: личность и политика» поставила важную проблему влияния личностных черт Николая I на политику государства [11].

К приведенной выше характеристике состояния исследований следует добавить биографии сановников и министров Николая, в том числе, в частности, многочисленные труды, посвященные министру просвещения С.С. Уварову [26], а также работы американского историка на тему экономической политики Е. Канкрина [16]. Из других сановников исследований удостоились А.Х. Бенкендорф, М.М. Сперанский и М.А. Корф.

В США труд, озаглавленный «Человек вполне русский – Император Николай I в свете исторической правды», опубликовал историк-эмигрант Н.Д. Тальберг [21]. Эта работа хронологически продолжает монументальный труд генерал-лейтенанта и директора Императорской публичной библиотеки Н.К. Шильдера [27].

Здесь невозможно подробно описать все публикации, но стоит обратить внимание на все лучшее знание источников, недостаточно известных польским историкам, и польские сюжеты которых, впрочем, не много. Так, в публикации «Записки очевидцев 14 декабря 1825 г.» впервые опубликованы полностью воспоминания николаевских генералов, находящиеся в фонде М.А. Корфа в Российской национальной библиотеке в Петербурге [9]. Впервые также были опубликованы сообщения участников кавказской войны, до сих пор

частично замалчивавшиеся в российской историографии – офицера-разведчика Ф.Ф. Торнау [22] и будущего военного министра и последнего фельдмаршала Д.А. Милютина [14; 15].

Аналогичным образом постоянный интерес историков вызывают как начало царствования Николая I, так и его загадочная кончина (включая тезис о самоубийстве), особенно после публикации исследования А.Ф. Смирнова [20], основанного в значительной мере на воспоминаниях участника польского восстания 1863 г. Яна Стеллы-Савицкого [31].

Среди источников особого внимания заслуживают «Записки» и «Дневник. Год 1843-й» Модеста А. Корфа, близкого сотрудника Михаила Сперанского, статс-секретаря канцелярии Николая I и члена Государственного Совета. «Записки» уже публиковались в 1876 г. [17] и 1896 г. [8]. «Дневник. Год 1843-й» был опубликован впервые по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации в документах фонда библиотеки Зимнего дворца, подготовленной к публикации И.В. Ружицкой. Его значение выходит за рамки традиционного дневника одного года. Этот бесценный документ николаевской эпохи обнажает механизмы власти и высшей бюрократии, показывает роль М. Сперанского, Е. Канкрин, И. Паскевича, А. Бенкендорфа в дискуссиях и принимавшихся решениях. «Дневник» позволяет также совершенно по-новому оценить место и роль члена Государственного Совета, бывшего министра финансов царства Польского князя Ксаверия Друцкого-Любецкого.

Приведенное выше состояние исследований несколько раз характеризовал историк из Санкт-Петербургского государственного университета Леонид Владимирович Выскочков [2]. Также и в его труде «Император Николай I: Человек и государь» [3] мы находим самое обстоятельное представление источников проблематики. Неожиданны их многочисленность и разнородность. Кроме документов государственной администрации – переписка, донесения иностранных дипломатов, дневники и воспоминания, а также публицистика. История была к российским архивам, безусловно, более милостива, чем к польским. Наверное, это заслуга и самого Николая I, придававшего большое значение документации и архивам. Это была своеобразная николаевская забота, сопряженная со стараниями не допустить, чтобы нечто неблагонамеренное увидело дневной свет. Во имя этого после смерти в 1838 г. сенатора Николая Новосильцова Николай приказал своему секретарю Модесту Корфу тщательно просмотреть бумаги Новосильцова и затем представить ему детальную опись согласно характеру дел, «а я назначу, куда что передать» [3, с. 20]. Другое дело, что Николай искал при этом переписку Новосильцова с Александром I.

После смерти А. Бенкендорфа его заметки забрал лично Николай и затем передал их в собрание библиотеки Зимнего дворца [3, с. 21]. Он также просматривал и вносил поправки в труды историка М. Устрялова [23, с. 349].

Леонид Выскочков является автором многих книг и статей, посвященных разным аспектам истории России первой половины XIX в. [5; 2], среди которых особо следует выделить две исследования, посвященные Николаю I и его эпохе. Это уже упомянутые «Император Николай I: Человек и государь» (СПб., 2001) и имеющая научно-популярный характер работа «Николай I» (М., 2006).

Стоит добавить, что в последнее время в рамках этой серии была издана книга Майи Кучерской о великом князе Константине («Константин Павлович». М., 2005), которую по причине многочисленных и новых польских сюжетов стоит обсудить отдельно, хотя бы потому, что исследования истории царства Польского в XIX в. в российской историографии малочисленны [13; 32, с. 225–237].

Что, прежде всего, привлекает внимание в работах Выскочкова? Они импонируют всесторонним и великолепным использованием источников. В принципиальной для проблематики книге: «Император Николай I: Человек и государь» [3], изданной в 2001 г., автор первую главу посвятил обзору источников, а вторую историографии проблемы, что заняло почти $\frac{1}{4}$ объема книги. Рискую столкнуться с упреком в отходе от традиционных принципов, он дал доказательство важности проблемы и, на мой взгляд, поступил правильно. Библиография содержит сведения о 38 фондах документов из трех архивов, печатных источниках (в частности, резолюции, манифесты, рескрипты, инструкции, записки и заметки Николая), донесениях, письмах, дневниках и мемуарах [32; 18; 1], публицистике и художественной литературе, работах российских и зарубежных (упомянута, в частности, работа В. Сълимовской «Николай I и его время»).

Какие оценки Николая I на основании многолетних исследований сформулировал Выскочков? Вот только некоторые из них.

Вслед за прежними исследователями, такими как А.Н. Савин [19, с. 109], Выскочков заметил, что Николай до конца своих дней был, прежде всего, военным и невиданным поклонником фрунта. В военной службе он был «неприятным педантом», что позволило одному из авторов назвать его типом «военного бюрократа» [7] и выражало его склонность концентрироваться на формальной стороне военной службы.

Николай заявлял, что «Жизнь последнего из моих подданных мне дороже, потому что я считаюсь отцом всех (...)». Но двух евреев-контрабандистов он велел провести сквозь строй тысячи солдат по 12 раз, что было равносильно мучительной смертной казни, а решение об этом он объявил со словами: «Слава Богу, смертной казни у нас не было и не мне ее вводить» [3, с. 28].

Хорошо знавшие его утверждали, что Николай был суров и безжалостен в отношении проявлений неповиновения и какого бы то ни было протеста. Этот чуткий к потребностям других человек становился безжалостным при малейшем проявлении того, что называли либеральным духом [3, с. 584].

Изданная в 2006 г. в рамках серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» научно-популярная книга Выскочкова «Николай I» существенно отличается не только объемом (695 с.), но также построением. В ней нет глав, посвященных источникам и историографии (I глава: Великий Князь, II - Государь: На службе России, III – Император: Подходы к национальному вопросу, IV – Дипломат на троне, V – Августейший меценат, VI – Человек в мундире).

Нет возможности детально представить и тем более обстоятельно оценить работу Выскочкова, не будучи хорошо знакомым с российскими архивами и библиотеками. Польского читателя, однако, несомненно заинтересуют такие проблемы, как вопрос о наследовании трона и отношения Николая с великим князем Константином, система правления Николая и отношение к полякам, а также Ноябрьское восстание, в том числе попытки дипломатического компромисса, показанные с позиций окружения Николая. Активность Николая в сфере польских вопросов продолжалась до завершения подавления восстания 1831 г. Позже по мере достижения определенных успехов в порабощении Польши интерес к польской проблематике ослабевал. Его отношение часто сопровождалось акцентами и комплексами личного свойства.

По словам Николая, великий князь Константин уже в 1819 г., т. е. еще до брака с Иоанной Грудзиньской в 1820 г., во время разговора с Александром I сказал, что не хочет занимать российский трон. По мнению Александра I, именно царство Польское должно было быть местом реализации амбиций Константина.

После смерти Александра I в конце 1825 г. отсутствие ясных установлений в отношении престолонаследования и неведение о тайном отречении от трона Константина вызвали кризис, особенно усугубившийся после принятия присяги частью чиновников и военных на верность ему. Эту кандидатуру поддерживала так называемая немецкая партия, в которой важную роль играли акционеры Российско-американской кампании.

Уже после того, как часть войска и чиновников приняла присягу на верность Константину, 12 декабря 1825 г. в Петербург пришел третий и окончательный отказ Константина принять престол. Двумя днями позже – 14 декабря – на Сенатскую площадь вышли войска, возглавляемые заговорщиками. Кризис и имя Константина послужили удобным символом для бунтовщиков, кричавших: «Да здравствует император Константин! Да здравствует Конституция!», в

убеждении, что так зовут жену нового императора. Несомненно, эти события не укрепили доверия Николая к Константину. Николай старался также хорошо запомнить, кто из его окружения не оказал ему поддержки. Позже продвигались те, кто поддержал императора при восшествии на престол. Но в результате таким образом применяемая формула при подборе соратников для системы оказалась не слишком удачной.

В самой России популярность Николая, питавшаяся мифом о демократических воззрениях и милосердии к простому народу, была жива. С другой стороны, Выскочков заметил, что можно только удивляться феномену всеобщего убеждения, представлявшего, в свою очередь, Константина как более либерального и доброжелательного. Может быть потому, что Николай неприятно напоминал о себе в Петербурге, а Константин был далеко.

Свидетель тех времен Александр Герцен писал:

«(...) я воображал в самом деле, что петербургское возмущение имело, между прочим, целью посадить на трон цесаревича, ограничив его власть. Отсюда целый год поклонения этому чудаку. Он был тогда народнее Николая; отчего, не понимаю, но массы, для которых он никакого добра не сделал, и солдаты, для которых он делал один вред, любили его» [6, с. 57].

Выражали эту наивную веру и арестованные декабристы, что не могло не усиливать сдержанность Николая, также потому, что Константин обожал изображать великодушного «отца солдатам».

В первые годы царствования Николай чувствовал себя в большей мере наместником старшего брата Константина. Обо всем посылал ему рапорта, часто советовался перед принятием важных решений. Он распорядился представлять ему копии секретных дипломатических бумаг [4, с. 137]. Он искал духовную опору и постоянно оправдывался, особенно в отношении планов реформ, из-за которых Константин называл младшего брата «якобинцем».

Но последствия движения декабристов были более разнообразны и долговременны, в том числе и для системы николаевской власти. По мнению Выскочкова, влияние событий 14 декабря 1825 г. проявилось, с одной стороны, в стремлении Николая к проведению реформ бюрократически-канцелярскими методами, а с другой – к концентрации власти в личной канцелярии царя. Со временем, игнорируя стремления общества, Николай пытался сам решать все проблемы [4, с. 135]. По мнению некоторых историков, это была система просвещенного абсолютизма, но сам Выскочков считает, что царствование Николая I представляет собой чреватую последствиями попытку реализации идеи Николая Карамзина, который, не одобряя инновации Александра I, считал самодержавие гарантией развития России.

Достаточно неожиданным в контексте необычайно основательного подхода Выскочкова является непринятие во внимание журналов Николая Карамзина. Его влияние на Александра I и Николая I также в польском вопросе невозможно преувеличить. В риторике и антипольской аргументации Николая и Карамзина так много сходства, что о случайности тут речи быть не может. Свои призывы уважать единство России и святость решений Екатерины Великой Карамзин увенчал словами ужасного пророчества: «Восстановление Польши будет падением России, или сыны наши согреют своей кровью польскую землю и снова будут штурмовать Прагу» [10, с. 17].

Обычно в литературе делается акцент на реакционно-репрессивном начале царствования Николая I, усилившемуся после событий 14 декабря. Но подавление «бунта реформаторов» не было поворотом во внутренней политике, а лишь усилило тенденции, которые проявились в последнее десятилетие царствования Александра I, а из Николая сделало душителя революции. Несомненно, эти события способствовали формированию у Николая I ощущения постоянной враждебности к либеральным и революционным движениям. Он укрепился в убеждении, что у империи нет иного выхода, кроме союза с консервативными принципами. 14 декабря Николай сказал младшему брату Великому князю Михаилу, что революция на пороге России, но в нее не проникнет, пока он жив и пока он Божьей милостью будет императором [4, с. 142].

Он хотел усовершенствовать механизм управления из центра, постоянно создавал новые учреждения, комиссии и т. п. Лучше всего выражала эту мысль идея личной Канцелярии Его Императорского Величества, функции которой в царствование Николая I были значительно расширены, особенно III Отделения и корпуса жандармов.

Сам Николай признавал, что идеальным государственным строем является либо абсолютная монархия, либо сильная республика, которая была бы в состоянии противостоять революционным движениям. Если говорить о конституционных монархиях, то, за исключением консервативной Англии, император относился к ним критически, считая их лживыми, слабыми и построенными на обмане избирателей. Но – парадоксально – вступая на престол, он сам оказался в роли конституционного монарха. Конституционные формы правления господствовали в Великом княжестве Финляндском (с 1809 г.) и в царстве Польском (с 1815 г.). Не одобряя конституционных систем, он считал необходимым придерживаться законов, доставшихся ему в наследство от старшего брата [4, с. 247].

Выбор соратников не всегда был удачным. Он любил советы, но только когда сам за ними обращался. Только «царский друг» – председатель Государственного Совета Илларион Васильчиков – имел редкую привилегию говорить правду императору. Привилегию, которую потерял после 1830 г. князь Ксаверий Друцкий-Любецкий.

Реформы (в том числе крестьянская), несмело инициированные Николаем и не одобрявшиеся Константином, были прерваны польским восстанием. Именно в то время он запечатлелся в памяти Герцена:

«Он еще тогда не носил усов, лицо его было молодо, но перемена в его чертах со времени коронации поразила меня. Угрюмо стоял он у колонны, свирепо и холодно смотрел перед собой, ни на кого не глядя. Он похудел. В этих чертах, за этими оловянными глазами ясно можно было понять судьбу Польши, да и России. Он был потрясен, *испуган*, он усомнился в прочности трона и готовился мстить за выстраданное им, за страх и сомнение» [6, с. 125–126].

Действительно ли польское восстание так сильно сформировало политику Николая?

Еще в конце ноября 1831 г. император бросил упрек в разговоре с ген. Томашем Лубеньским:

«Я вам все прощаю, бунт, измену, даже детронизацию, но чего я вам простить не могу, так это то, что вы исказили весь мой план правления. Я хотел через вас цивилизовать Россию, братски объединить в действии эти два народа, а вы встали у этого на пути вашей глупой революцией и вынудили меня броситься в объятия немцев, этих величайших моих и ваших недругов».

Отдельная глава книги Вискочкова посвящена национальному вопросу. В ней имеется раздел, посвященный польскому вопросу, с характерным названием, взятым из высказываний Николая: «Ведь вам же хорошо было». Это напоминает его выступление перед депутацией поляков в Варшаве в Лазенках в октябре 1835 г., когда Николай совершенно искренне сказал: «Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье» [4, с. 246].

По Вискочкову, Николай, понимая сложность национального вопроса, имел обыкновение говорить о постоянном «сближении» других народов с русским, но был противником форсированной русификации. Это отличало его царствование от времен его преемника – Александра II, когда доминировало убеждение, что Российская империя является единым и неделимым государством.

В царствование Николая национальный вопрос стал проблемой в Польше, а было это следствием, по мнению Николая, подражания революции во Франции и восстанию в Бельгии, но «с Божьего соизволения Россия подала пример сопротивления. За эту попытку Польша заплатила своим существованием. Если бы так было везде» [4, с. 260].

Николай обещал соблюдать конституцию, дарованную Александром I, но и ничего больше! Ему была чужда мысль о возможной политической независимости Польши, содержавшаяся в «Русской правде» Пестеля. Прямым святотатством представлялось ему намерение передачи западных губерний «дружественному» славян-

скому государству, что допускал Пестель. Достаточно, что он терпел конституционный строй царства Польского, являвшийся чуждым элементом в самодержавном государстве. Отсюда и его возмущение «неблагодарностью» поляков.

До восстания в царстве Польском не было серьезных преследований польских членов тайных обществ. Константин, призывая своего брата проводить жесткий курс, был против репрессий в отношении поляков [29, с. 161]. Следственная комиссия в Варшаве арестовала «всего лишь» восьмерых заговорщиков, и все, кроме одного, были оправданы [4, с. 263].

Оппозиционные настроения можно было почувствовать в Варшаве во время коронации Николая I польской короной. При этом, как обычно, Николай больше всего времени посвящал процедурным вопросам. Церемония протекала холодно, без аплодисментов собравшейся публики или иных проявлений приветствия и радости. Как пишет Выскочков, лишь недавно стало известно, что молодой шляхтич Смагловский хотел организовать покушение на императора в тронном зале [24]. Но, опять же, следует констатировать, что без доступа к российским архивам трудно проверить эти сведения.

Описывая пребывание императора в Варшаве, ген. А. Бенкендорф писал о недовольстве поляков самовластием Константина, доказательством чего было то, что многие из них приходили к нему с жалобами и нареканиями. Они были настолько массовые и искренние, что вызвали у него сочувствие к полякам, а еще более – к «трудному и жестокому» положению государя. На государя все смотрели с надеждой на лучшее будущее. Цесаревич был в отношении Николая преисполнен уважения и покорности, но в разговорах не скрывал своего критического отношения.

Этот вопрос требует дальнейшего глубокого изучения источников. По другим, более поздним сведениям, может, однако, сложиться впечатление, что Константину была отведена роль «козла отпущения» российской политики в царстве Польском. Он был призван отвести от Николая ответственность за дальнейшее неблагоприятное развитие польско-российских отношений. Эту задачу взял на себя ген. Бенкендорф, угадывая желание самого Николая.

После начала польского восстания Константин вел себя непоследовательно. Он постоянно говорил: «Не желаю вмешиваться в эту польскую драку»; польским офицерам ему случилось сказать: «Я более поляк, чем все вы, я женат на польке» [4, с. 266].

После установления в Варшаве диктатуры (как пишет Выскочков – «умеренной») поляки отправили в Петербург депутацию в составе министра финансов князя Ксаверия Друцкого-Любецкого и графа Яна Езерского. Целью миссии был поиск компромисса с Николаем. Польское правительство готово было идти на уступки при выполнении следующих требований: строгое соблюдение конститу-

ции 1815 г., амнистия участникам, присоединение к царству Польскому восьми воеводств (т. е. литовско-белорусских и украинских губерний). Появилось также пожелание оккупации польскими войсками австрийской Галиции. Естественно, для Николая эти требования оказались неприемлемыми.

Представленный до сих пор подход к изложению автором этих противоречивых событий не вызывает принципиальных возражений. Лишь интерпретация последнего абзаца этой главы вызывает сомнения, особенно пассаж, в котором говорится о требовании оккупации Галиции польскими войсками. Эта сомнительная запись появилась в записке Бенкендорфа о разговоре с Езерским и не должна бескритично повторяться. Именно Бенкендорфа можно считать автором этой мелкой сенсации. Должна также склоняться к размышлениям его роль, состоявшая в том, чтобы любой ценой оправдать или скрыть роль Николая в конфликте с Польшей.

Выскачков также не столько неуместно, сколько не на соответствующем месте затронул проблему крестьянского вопроса в польском восстании, констатируя, что земли крестьянам не обещали, а лозунг возрождения Польши от Балтики до Черного моря с белорусскими и украинскими землями был нереалистичен [4, с. 268]. Удивляет соединение этих вопросов, а еще больше – откуда автор взял сведения о программе Польши от Балтики до Черного моря?

Эта постоянно повторявшаяся роль Бенкендорфа, осуществлявшего скрытые желания своего доверителя, еще раз проявилась во время миссии полковника Тадеуша Вылежинского. По поручению диктатора Я. Хлопицкого он провел переговоры с Николаем и Бенкендорфом. Во время разговора Бенкендорф снова вернулся к ответственности Константина за произошедшие события. Константин «тормозил намерения государя, но надо было немного потерпеть. Решено отозвать великого князя, и тогда для полного своего счастья вы ни в чем уже не нуждались бы и стали счастливейшим народом на свете» [4, с. 286].

Выскачков признает, что Бенкендорф обманывал, но считает, тем не менее, что главной причиной восстания была налоговая политика Любецкого! Откуда это утверждение? Потому что сам Николай был сильно возмущен нелояльным, по его мнению, поведением Любецкого!

Польско-российская встреча последнего шанса состоялась 30 декабря 1830 г., когда Вылежинский был принят императором уже в качестве частного лица. Именно тогда Николай сказал: «Ведь вам же хорошо было! Конституцию, которую я застал, я уважал и хранил без изменения. Приехав в Варшаву на коронацию, сделал столько добра, сколько мог сделать». Далее он допустил, что «может и было что-то нехорошее», но он тут ни при чем. «Надлежало войти в мое положение и иметь ко мне доверие. Я желал, чтобы все

было хорошо, и желание свое, в конце концов, осуществил бы». Вспоминается в этом месте известное русское выражение: «Хотели как лучше, а вышло как всегда!»

По мнению Выскочкова, Николай потребовал «совершенного, безусловного подчинения», ибо он был под давлением своих русских подданных. Услышав мнение, что поляки останутся глухи к таким предложениям, Николай закончил: «Один только выстрел с вашей стороны, и я уже ни за что не отвечаю».

В Варшаве после получения информации от Езерского о неудаче депутации сейм принял постановление о детронизации Романовых. Узнав об этом, император сказал: «Тем лучше. Теперь я могу обходиться с ними не как с подданными, а как с врагами». 18 (30) января 1831 г. русская армия перешла границу царства Польского. В записках Николая, относящихся к тому периоду, появилась фраза: «Польша всегда была соперница и непримиримый враг России» [4, с. 270]. Интересно, что Выскочков не обратил внимания на необычайное сходство этих антипольских заклинаний с риторикой Николая Карамзина («Никогда поляки не будут ни подлинными братьями, ни верными союзниками...»).

В контексте этих настроений появилась инициатива передачи значительной части территории царства Польского Австрии и Пруссии. Император в это время писал, что «Россия не имеет никакого интереса владеть страной, неблагодарность которой столь очевидна», а ее «истинные интересы требуют установить свою границу по Висле и Нареву». Однако прототип пакта Риббентроп-Молотов не осуществился по причине отсутствия реакции со стороны прусского короля [4, с. 270]. К этой неожиданной инициативе стоит присмотреться внимательнее с опорой на российские архивы, поскольку она может свидетельствовать об отчаянии Николая и его неверии в российское господство в Польше.

Интересно сопоставление численности польских и российских войск, представленное Выскочковым. По его сведениям, численность польской армии, прекрасно вооруженной и экипированной, выросла примерно с 80.000 и 140 орудий до 130 и 140 000 солдат.

Кульминационной точкой первого этапа польско-русской войны была произошедшая в феврале 1831 г. битва под Гроховом. В ее решающей фазе 25 февраля, когда российские войска добились решительного перевеса, а с польской стороны началась паника, командовавший российскими войсками фельдмаршал И. Дибич по совету одного из генералов остановил российское наступление. Этим генералом, по мнению неутомимого Бенкендорфа, был... князь Константин.

После подавления восстания отношение Николая к полякам, уже и без того достаточно прохладное, стало открыто неприязненным. Получив известие о победе, он писал Паскевичу: «Ты отомстил

за Россию, ты покорил Варшаву – отныне ты светлейший князь Варшавский». Увидев в одном из правительственных зданий бюсты «знаменитых людей Польши», приказал убрать их на лестницу. По воспоминаниям А. Соколовой – воспитанницы Смольного института – Николай, питавший слабость к смолянкам, всякий раз, когда слышал польскую фамилию, немедленно прерывал любезную беседу и уходил не глядя. Чаще всего он отклонял польские прошения о помиловании и внимательно и с подозрительностью относился к бракам своих подданных с поляками [4, с. 275–276].

Польские сюжеты появились еще в процессе обсуждения состояния текстильной промышленности в России. Следуя за российскими источниками, Выскочков причину ее кризиса в 40-е гг. XIX в. видит в конкуренции польской промышленности и отсутствии защитных тарифов. В то же время он не упомянул об отмене, причем уже в 1831 г., выгодной для Польши системы пошлин [34, с. 150].

В заключении «польского» раздела Выскочков формулирует несколько интересных наблюдений. Он не соглашается с широко распространенным взглядом, согласно которому восстание в Польше спасло Бельгию. Без поддержки союзников, в том числе главным образом Пруссии, Николай не решился бы на интервенцию, хотя бы из географических соображений.

После подавления восстания в Польше начались известные репрессии и конфискации, но победа Николая имела военный, а не политический характер, а польский вопрос остался «головной болью императора», хотя одновременно перестал быть проблемой в российской политике, как это было ранее, в 1825–31 гг. Направление российской политики в отношении Польши было определено. Николай не дождался польско-российского единения. Его отношение к полякам было исключительно неприязненное, что было видно хотя бы по сравнению с его отношением к финнам и их автономии. «Оставьте финнов в покое» – такой заголовок дан разделу, в котором, в свою очередь, истолковывается благосклонность Николая к Великому княжеству Финляндскому – единственной провинции государства, которая ни на минуту не вызвала у него озабоченности или беспокойства [4, с. 278–285].

Несмотря на эти немногочисленные полемические замечания, стоит еще раз подчеркнуть высокий профессионализм, эрудицию и источниковедческие достоинства работ Выскочкова. В польских исследованиях знание, а следовательно, и использование результатов этих исследований минимальны.

Список литературы

1. Воспоминания подполковника Фаддея Вылежинского // Исторический вестн. – 1903. – № 4.
2. Выскочков Л. В. Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. Вып. 4.

3. Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. – СПб., 2001.
4. Выскочков Л. В. Николай I. – М., 2006.
5. Выскочков Л. В. Николай I: Муж, отец, император // Русские мемуары. – М., 2000
6. Герцен А. Избранные произведения: в 5 т. Т. 3. – М., 2009.
7. Ельницкий Л. Династия Романовых. – Л., 1925.
8. Император Николай в совещательных собраниях. (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Материалы и черты к биографии Императора Николая I и к истории его царствования / под ред. Н. О. Дубровина. – СПб., 1896.
9. Записки очевидцев 14 декабря 1825 года: Из архива М. А. Корфа. Т. 1–6. – СПб.; Кишинев, 2000–2004.
10. Карамзин и Сперанский. – Berlin; Paris; London, 1858.
11. Киняпина Н. С. Николай I: личность и политика // Вестн. Моск. ун-та. – 2000. – № 6.
12. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. – М., 1912; М., 1993.
13. Кучерская М. Константин Павлович. – М., 2005.
14. Милютин Д. А. Воспоминания 1816–1843. – М., 1997.
15. Милютин Д. А. Воспоминания 1843–1856. – М., 2000.
16. Мондей К. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи николаевской эпохи (на примере Е. Ф. Канкрин): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004.
17. Русская Старина. – 1876. – № 2.
18. Русская Старина. – 1891. – Т. 69–70.
19. Савин А. [Н.] Николай I и Фридрих-Вильгельм IV. 1840–1848 // Россия и Запад: истор. сб. – Пг., 1923.
20. Смирнов А. Ф. Разгадка смерти императора // Пресняков А. Ю. Российские самодержцы. – М., 1990.
21. Тальберг Н. Д. «Человек вполне русский» (Император Николай I в свете исторической правды // Лит. учеба. – 1995.
22. Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. – М., 2002.
23. Устрялов Н. Историческое обозрение царствования государя Императора Николая I // Рус. история. – СПб., 1849. – С. 349.
24. Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. – 1999. – № 8–9. – С. 374–378.
25. Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. – Харьков, 1990; М., 1991; 1995; 2001.
26. Шевченко М. М. С. С. Уваров: «Российские консерваторы». – М., 1996.
27. Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. – СПб., 1903; М., 1997 (переиздание).
28. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. – М., 1989.
29. Ejdelman N. Łunin – adiutant wielkiego księcia Konstantego. – Warszawa, 1976.
30. Ejdelman N. Paweł czyli śmierć tyrana. – Warszawa, 1990.
31. Stella-Sawicki J. Moje wspomnienia (1831–1910) (Rosja-Polska-Francja). – Lwów, 1921. – С. 17–18, 30.
32. Szczepański J. Książę Ksawery Drucki – Lubecki 1778–1846. – Warszawa: DiG, 2008.
33. Wyleżyński T. Szesnaście dni z mego życia czyli relacja z podróży do Petersburga podczas rewolucji polskiej z roku 1830–1831 // Biblioteka Warszawska. 1903. Т. 1.
34. Zgórnjak M. Polska w czasach walk o niepodległość (1815–1864) // Wielka Historia Polski, t. IV. Kraków; Warszawa, 2003.

Сведения об авторах

Большакова Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук, Бокситогорский институт (филиал) Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: anschovis@yandex.ru

Бочков Евгений Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Виноградов Михаил Сергеевич – соискатель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: mv-nn@mail.ru

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-морского флота «Военно-морская академия имени Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», e-mail: agnee@yandex.ru

Голубев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», директор Петрозаводского филиала, Петербургский государственный университет путей сообщения (ПГУПС); e-mail: kasa-gp@yandex.ru

Деркач (Егорова) Татьяна Владимировна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: tatiannaegorova@rambler.ru

Зайцева Оксана Олеговна – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: oksana.s86@mail.ru

Зайцева Светлана Валентиновна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Зеленов Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: mvzelenov@gmail.com

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Козлов Олег Викторович – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: komrad.co2010@yandex.ru

Левшин Константин Викторович – аспирант исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: petrograd84@mail.ru

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Митюшин Сергей Иванович – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, генерал-майор пограничной службы, e-mail: itropov@ya.ru

Тихомиров Олег Игоревич – соискатель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Уварова Наталья Александровна – аспирантка кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: fluffyn1985@rambler.ru

Щепаньски Ежи – профессор, Институт истории Университета Яна Кохановского в Кельце (Польша); e-mail: jerzy_szczepanski@wp.pl

Яковлева Марина Юрьевна – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Действительный член Русского географического общества; e-mail: yakovhome@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
ОБЪЯВЛЯЕТ:

**КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА**

Кафедра коррекционной педагогики и коррекционной психологии: доцент–
1,0 ставка.

Кафедра экономики и управления: профессор– 1,0 ставка.

Кафедра физической культуры и спорта: доцент – 0,75 ставки; ст.
преподаватель – 2,0 ставки (1,0 ст. + 1,0 ст.); ассистент – 3,25 ставки (1,0 ст. +
1,0 ст. + 1,0 ст. + 0,25 ст.)

Срок подачи документов – месяц со дня опубликования объявления
АДРЕС: 196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10, учёный секретарь
Пн.-пт.: с 9.00 до 17.00; тел.: 451 – 91 – 73

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 16.03.2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 749

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а